

Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал)
федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего профессионального образования «Национальный исследовательский
технологический университет «МИСиС»

ОСКОЛЬСКИЙ КРАЙ

Научный альманах

Выпуск 5

Старый Оскол
2013

УДК 908
ББК 28.89
О-571

Редакционная коллегия:
В.М. Рассолов, З.З. Мухина (ответственный редактор),
С.В. Канныкин (зам. отв. редактора), Л.Н. Анпилова,
Л.Н. Пивоварова, Е.А. Пушкаренко

**Издание выполнено в Исследовательской лаборатории проблем культуры
Оскольского края при кафедре гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСиС»**

О-571 Оскольский край: Научный альманах. Вып. 5. – Старый Оскол:
Изд-во РОСА, 2013. – 80 с.

ISBN 978-5-903659-99-9

В сборнике представлены материалы, связанные с историей культуры Оскольского края, с историей Великой Отечественной войны и имеющие отношение к событиям военной поры 1942-1943 годов в Старом Осколе и Старооскольском районе.

УДК 908
ББК 28.89

ISBN 978-5-903659-99-9

© Коллектив авторов, текст, 2013
© Издательство РОСА,
оригинал-макет, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	4
----------------------	---

РАЗДЕЛ I.

70-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ СТАРОГО ОСКОЛА ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ ПОСВЯЩАЕТСЯ

<i>Андрусенко Е.А.</i> Боевые действия на территории Старооскольского района в период проведения Воронежско-Касторненской операции	5
<i>Пушкаренко Е.А.</i> Военные действия на территории Оскольского края летом 1942 года	10
<i>Пивоварова Л.Н.</i> История строительства железной дороги «Старый Оскол – Ржава»	17
<i>Шамрина Е.А.</i> Создание послевоенной модели социального обеспечения семьи, материнства и детства. Ее связь с социальной политикой	27

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Андрусенко Е.А.</i> Археологические памятники Старооскольского края	31
<i>Юдин В.В.</i> Повседневная жизнь и этнографические особенности быта и нравов жителей села Роговатое XIX в.	36
<i>Анпилова Л.Н.</i> Оскольские храмы в живописи А.Г. Филиппова	58
<i>Шаповалова И.А.</i> Творческий портрет Ивана Кирилловича Толмачева	62
<i>Шаповалова И.А.</i> Старооскольский художник И.Г. Андрющенко (1916-2006): материалы к творческой биографии	65

РАЗДЕЛ III. ДОКУМЕНТЫ

<i>Никулов А.П.</i> Ландратская перепись 1718 г.	72
Сведения об авторах	78

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Альманах «Оскольский край» во многом уникален: это первое в Старом Осколе научное периодическое издание, посвященное исследованию проблем истории и культуры Оскольского края. История заселения края, формирования его населения и культуры представляет неотъемлемую часть истории русского народа.

Страницы альманаха объединили историков, этнографов, культурологов, философов и социологов, предметом научного интереса которых является изучение культуры в ее региональных аспектах. Помимо междисциплинарного синтеза знаний, осуществляемого в рамках ведущих тенденций современной постнеклассической науки, альманах является свидетельством синергичных усилий неравнодушных к судьбе своей малой родины представителей самых различных организаций города, среди которых отметим служащих администрации Старооскольского городского округа, управления образования, местного краеведческого музея и, конечно, преподавателей разных вузов города и региона, в частности кафедры гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСиС».

В 2007 г. при кафедре гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСиС» была создана Исследовательская лаборатория проблем культуры Оскольского края. Сотрудниками

лаборатории ведутся историко-краеведческие исследования, результаты которых публикуются на страницах альманаха.

Целью научного издания является интеграция усилий краеведов Белгородчины по осмыслению особенностей историко-культурного развития края, причем развитие это исследуется во всем многообразии его аспектов (социальных, философских, педагогических, этнических, религиозных и т.п.). Немаловажной особенностью альманаха является и публикация на его страницах редких архивных документов, связанных с историей Оскольского края, причем все эти документы впервые становятся доступными широкому читателю.

Мы надеемся на дальнейшее сотрудничество со всеми заинтересованными лицами. Пока еще остаются в стороне вопросы развития традиционных народных промыслов, музыкальной культуры, литературы, фольклора и др. Редколлегия альманаха обязуется самым доброжелательным образом рассмотреть все поступающие материалы, непременно опубликовать актуальные и обладающие научной новизной работы, а также оказать всю возможную помощь по «доведению» представленных исследований до уровня, позволяющего предоставить им страницы «Оскольского края».

Е.А. Андрусенко

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СТАРООСКОЛЬСКОГО РАЙОНА В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ ВОРОНЕЖСКО-КАСТОРНЕН- СКОЙ ОПЕРАЦИИ

Уходят все дальше события военных лет. Однако годы войны, изменившие судьбы нескольких поколений, не могут не волновать нас и сегодня. Старооскольская земля, обильно политая кровью, изрезанная траншеями и окопами, многое хранит в своей памяти. Одна из самых героических страниц в истории края — зима 1943 года. Именно в этот период Поосколье было охвачено боевыми действиями, вошедшими в историю как Воронежско-Касторненская наступательная операция.

Острогожско-Россошанская, Воронежско-Касторненская, Харьковская наступательные операции проводились в рамках общевойсковой Воронежско-Харьковской наступательной операции, проводившейся с 13 января по 3 марта 1943 года силами Воронежского, Брянского, Юго-Западного фронтов. Общая продолжительность операции составила 50 суток. Ширина фронта боевых действий составила 250-400 км. Глубина продвижения советских войск — 360-520 км [1]. Освобождение Старого Оскола и Приосколья произошло в ходе Воронежско-Касторненской наступательной операции.

В канун проведения Воронежско-Касторненской операции сложилась благоприятная для наших войск ситуация. 2-я немецкая армия, в составе 12 дивизий общей численностью 125 тыс. солдат и офицеров, 2,1 тыс. орудий и минометов, 65 танков, оказалась в своеобразном выступе, обращенном своей вершиной на восток. С севера над ней нависали войска Брянского фронта, а с юга — войска Воронежского фронта.

Замысел советского командования заключался в том, чтобы ударами по сходящимся направлениям с севера и с юга по флангам немецкой армии в общем направлении на Касторное окружить и уничтожить ее основные силы, освободить важный в оперативном отношении район Воронеж — Касторное и железную дорогу Елец — Валуйки, создав

тем самым необходимые условия для развития наступления на Курск [2].

Сложность подготовки операции заключалась в том, что нужно было в короткий срок скрытно провести перегруппировку сил Воронежского фронта. 4-й танковый корпус под командованием генерал-майора А.Г. Кравченко, только что прибывший из-под Сталинграда, вынужден был совершать длительные ночные марши в условиях небывалых снежных заносов. Переброска частей и соединений потребовала большой работы войскового, армейского и фронтового тыла по снабжению войск горючим, боеприпасами, организации питания на маршах, медицинского обслуживания. Подготовка операции и ее начальный этап проводились в то время, когда еще шла ликвидация противника в районе Острогожска и Россоши, что создавало дополнительные трудности. Спротивление противника поддерживала немецкая авиация, прикрывавшая проход своих войск.

Воронежско-Касторненская операция началась 24 января ударом войск 40-й армии Воронежского фронта на Касторное с юга. Создалась угроза окружения вражеских войск под Воронежем, немцы стали отводить войска, 25 января был освобожден Воронеж, 29 января — Касторное. После завершения окружения противника в районе Касторного войска Воронежского фронта вели боевые действия по уничтожению главных сил противника. В этой ситуации бои за Старый Оскол стали важнейшим этапом в ходе проведения Воронежско-Касторненской операции.

В операции и непосредственном освобождении города и сел Старооскольского района принимали участие: 25 гвардейская, 107, 303, 305, 309, 340 стрелковые дивизии (сд), 116, 102 танковые бригады (тб), 6,8 отдельные лыжные бригады, 20, 28 минометные бригады. Наши войска поддерживала 208-я ночная бомбардировочная авиационная дивизия, совершавшая налеты на скопления противника, начиная со второй половины января 1943 года [3].

Перед 116 танковой бригадой была поставлена задача: войти в тыл противника, занять железнодорожную станцию Голофеевка и удерживать ее до прихода наших войск. Голофеевка находилась еще в сравнительно глубоком вражеском тылу. Чтобы добраться до нее, требовалось стремительно пройти через ряд населенных пунктов, в которых находились различные по силе немецкие гарнизоны. С захватом этой станции нарушались вражеские коммуникации, противник лишался возможности перебрасывать

резервы в район наступления наших войск. Немаловажно было и то, что, обладая этой станцией, появилась бы возможность прикрыть левый фланг своих войск от ударов немецких частей, окруженных в районе Острогожска, при попытке их вырваться из этого окружения. Именно танкисты могли надежно решить задачу, совершить быстрый маневр, внезапно появившись в том месте, где противник их не ждет [4]. 116-я отдельная танковая бригада под командованием полковника А.Ю. Новака прорвала на Дону линию обороны и, пройдя по тылам противника, 21 января овладела селом Городище, а 22 января – станцией Голофеевка, перерезав коммуникации врага. В течение нескольких дней танкисты отражали атаки противника. Утром 26 января на окраине Голофеевки появились первые бойцы 6-й отдельной лыжной бригады. При поддержке 6-й и 8-й отдельных лыжных бригад и 1-го батальона 81-го гвардейского стрелкового полка 25-й Гвардейской стрелковой дивизии были освобождены села Сорокино и Соковое [5].

22 января 1943 года 107-я стрелковая дивизия под командованием полковника П.М. Бежко получила приказ форсированным маршем следовать по маршруту Острогожск – Шубное – Красное – Уколово – Шаталовка. 28 января части дивизии достигли Шаталовки.

В это же время 340-я стрелковая дивизия под командованием генерала С.С. Мартиросяна получила приказ наступать на Солдатское и далее на Городище, с последующей задачей овладеть селами Новиково, Казачек и Шмарное.

Заняв Шаталовку, части 107-й дивизии, действуя справа от 340-й сд. и взаимодействуя с ней, направились к селам Солдатское, Дмитриевка, Архангельское, Котово. В районе с. Солдатское было уничтожено до 400 солдат и офицеров противника, взято в плен до 200 человек [6].

25 января частям 340-й сд. было приказано наступать с северо-востока на Старый Оскол. Полки этой дивизии двигались в направлении на слободу Ямскую. Однако, благодаря преимуществу противника в огневых средствах и наличию прочных высоких рубежей, атаки города в течение 25–29 января успехом не увенчались. Одновременно части 340-й сд. подвергались бомбежке с воздуха. Дивизия стала нести большие потери и 29 января получила приказ оставить блокаду Старого Оскола и продолжать наступление по курсу Верхне-Атаманское, Богословка, Кошеево, к 7 февраля выйти к Белгороду [7]. В районе села Верхне-Атаманское против-

ник стал оказывать упорное сопротивление. Здесь в тяжелейших боях погибли сотни солдат и офицеров 340-й дивизии.

К вечеру 25 января части 107 стрелковой дивизии достигли: 516 стрелковый полк – рубежа с. Хорошилово, 504 стрелковый полк – западной окраины с. Архангельское, 522 стрелковый полк – восточной окраины с. Архангельское.

26 января, преодолевая сопротивление противника, части 107 дивизии к 15-10 занимают следующие позиции: 522 вп. занял лес северо-западнее села Курское, 516 стрелковый полк вышел на юго-восточную окраину с. Незнамово [8].

27 января 522 стрелковый полк достиг с. Каплино, 504 полк взял под контроль железную дорогу северней слободы Ламской, 516 полк овладел селом Незнамово.

Стремительным движением вперед части 107-й дивизии освобождали населенные пункты от противника и к вечеру 28 января полностью овладели селами Архангельское и Хорошилово. Передовой батальон 516 стрелкового полка к 23 часам занял с. Котово. Противник несколько раз небольшими группами с разных сторон контратаковал батальон, стремясь выбить его из Котово. Но командир батальона капитан Тараненко умело и грамотно расставил силы и огневые средства батальона и успешно отразил все атаки противника. К 2-00 29 января вошли в Котово и остальные батальоны 516 стрелкового полка, и комбат Тараненко с гордостью доложил командиру полка подполковнику Арутюнову, что батальон сдержал натиск врага [9]. В Котово расположился командный пункт 107-й стрелковой дивизии.

После неудачных ночных контратак на Котово противник отошел на заранее подготовленный рубеж в районе Старого Оскола. Передний край противника перед фронтом 107 сд. проходил по линии сел Красные Кусты, Каплино, в районе Канатной фабрики, слободы Ламской и стыке железных дорог в 500 м от юго-восточной окраины Старого Оскола. Скопление противника наблюдалось в районе сел Лапыгино, Курское, хутора Чумаки.

В ночь с 28 на 29 января полки 305 стрелковой дивизии форсировали р. Оскол на участке Казачок, Ивановка, Волоконовка, вышли на рубеж Дубенка – Орлик. 30 января части дивизии вели бои в районе сел Верхне-Атаманское, Чуфичево, севернее Старого Оскола [10].

29 января в 9-30 командир 107 стрелковой дивизии полковник П.М. Бежко отдал приказ о наступлении. Полковником П.М.

Бежко был разработан следующий план: нанести главный удар правым флангом 522 и 504 стрелковыми полками, свернуть линию обороны противника и обходным маневром овладеть селами Каплино, Федосеевка, слободой Ездоцкой, ворваться в Старый Оскол и закрыть пути отхода на запад и северо-запад. 516 стрелковому полку в это время нужно было наступать на Старый Оскол с востока. План был изложен командующему 40-армией генерал-лейтенанту К.С. Москаленко. Командующий армии план одобрил [11].

29 января к 20-00 части дивизии овладели линией железной дороги от разъезда Набокино и на юг до стыка железнодорожных линий, в 400 м юго-восточнее Старого Оскола. 522 и 504 стрелковые полки освободили от противника села Курское, Лапыгино, был очищен от противника прилегающий к селам лесной массив.

30 января продолжалось наступление дивизии, и полки, действующие на главном направлении, освободили села Каплино, Федосеевка, район города – Углы.

31 января в 14-00 был получен приказ командующего 40-й армией о нанесении главного удара. В приказе ставились жесткие сроки: атаковать противника 1 февраля и полностью овладеть городом.

Противник 31 января в 16-00 перешел в контрнаступление в центре фронта 107 стрелковой дивизии, стремясь отбить Канатную фабрику. Бои за фабрику продолжались и 1 февраля. Три раза предприятие переходило из рук в руки и только к вечеру 1 февраля резерв 107 сд. – учебный батальон под командованием капитана Винокурова – выбил врага с территории фабрики.

31 января 1943 года неравный бой у разъезда Набокино приняли 17 бойцов-бронбойщиков 409-го отдельного противотанкового истребительного дивизиона 107 стрелковой дивизии. 31 января полковник П.М. Бежко лично поставил боевую задачу перед бойцами: держать позицию у разъезда Набокино, не дать танкам противника войти в тыл нашим частям.

Когда солдаты во главе со старшим лейтенантом Плотниковым, младшим лейтенантом Бондаренко и комсоргом Литвиновым окопались у железнодорожного полотна, откуда хорошо просматривалась наезженная по снегу дорога в город, а также с возвышенности хорошо было видно место, откуда должны были идти немцы, бронбойщики увидели, что вместо ожидаемых ими танков со стороны Горшечного движется немецкая пехота, численностью более 300 человек. Труден и жесток был бой, длившийся с 13 до

16 часов. Тринадцать героев из семнадцати погибли смертью храбрых, четверо получили тяжелые ранения, но не пропустили врага. В бою погибли старший лейтенант Валентин Плотников, младший лейтенант Василий Бондаренко, рядовые Умербай Чажабиев, Сергей Башев, Петр Николаев, Михаил Яблоков, Тимофей Савин, Григорий Опарин, Михаил Дроздов, Павел Виноградов, Алексей Золотарев, Николай Литвинов, Петр Толмачев. Тяжело ранены Тихон Бабков, Абдыбек Бутбаев, Павел Рябушкин, Василий Кукушкин. Бойцы проявили исключительное мужество и до подхода подкрепления (на подмогу был выслан последний резерв – прибывшая с задания разведрота). Бойцы погибшей роты были представлены к званию Героя Советского Союза (правительство наградило 13 погибших бойцов орденами Отечественной войны 1 степени, оставшихся в живых – орденами Красного Знамени) [12]. На месте боя поставлен памятник 17 героям. Василий Иванович Кукушкин и Павел Егорович Рябушкин являются Почетными гражданами Старого Оскола.

1 февраля обстановка существенно осложнилась. От командира 25-й Гвардейской стрелковой дивизии генерала П.М. Шафаренко пришло донесение, что выбитая из Горшечного Воронежская группировка противника поспешно продвигается на юго-запад, т.е. на Старый Оскол. 25-й Гвардейская стрелковая дивизия вела тяжелые бои в районе Горшечного. С прорвавшейся из окружения немецкой армейской группой генерала Гольвитцера, численностью до 15 тысяч человек, в районе Старого Оскола вела сражение и 102-я танковая бригада 4-го танкового корпуса генерала А.Г. Кравченко (будущего дважды Героя Советского Союза).

102 танковая бригада еще в 1942 году дислоцировалась в Старом Осколе, участвовала в боях на территории края летом 1942 года. 11 января 1943 года, по железной дороге была направлена на Воронежский фронт, где получила задание наступать в сторону Касторного, участвовала в уничтожении Воронежской группировки противника. Танковая бригада вместе с двумя полками 25 Гвардейской стрелковой дивизии стояла на путях отхода немецкой группы генерала Гольвитцера через Старый Оскол. При выполнении приказа понесла значительные потери. Согласно донесениям 8 танков были выведены из строя противником в районе Старого Оскола и оставлены в городе для восстановления [13].

С 1 по 5 февраля 1943 года 303-я сд. вела упорные бои севернее Старого Оскола, за-

няла села Ново-Кладовое, Красные Кусты, Горшечное. В этих боях было уничтожено до 7200 немецких солдат и офицеров, взято в плен 1537 человек. Преследуя отходящие силы противника, части дивизии совершили марш по маршруту Старый Оскол — Бабровы Дворы — Скородное, после чего перешли к обороне [14].

В ночь с 2 на 3 февраля захваченный пленный солдат противника показал, что немецкая группировка в Старом Осколе будет держаться до прихода войск из-под Воронежа, которых будет поддерживать авиация [15].

Немецкая бомбежка города началась 3 февраля в 9 часов утра. Одновременно в воздухе находилось от 15 до 17 самолетов противника, горела вся северо-восточная окраина города. К 13 часам началось движение противника. Вот как вспоминает этот бой полковник П.М. Бежко:

«К 13-00 подошла к разъезду Набокино лавина войск противника Воронежской группировки и началось неравное сражение, мое прикрытие на разъезд Набокино смято. Доблестные артиллеристы били врага прямой наводкой в колоннах, но противник просто ошеломленный движется в колоннах через свои трупы, прикрывая себя с флангов. Авиация противника прикрывает непрерывно проход своих войск. Противник разрезал дивизию на две части и освободил себе шоссе-ную дорогу. Противник нес большие потери на участке шоссе-ной дороги. Поле между железной дорогой и с. Каплино усеяно трупами противника. С отрезанными 522 и 504 полками связь не терялась ни секунду, 522 полк захватил в плен до 400 человек солдат и офицеров противника. Пленные показывали, что из-под Воронежа на Старый Оскол отходит 11 дивизий. Начальник штаба армии генерал-майор Рагозный сказал, что доложит командующему армии, о том, что положение жуткое, но не безнадежное» [16].

3 февраля, к исходу дня, разведрота и противотанковый дивизион заняли рубежи у села Набокино и отрезали путь противнику. Полковником Бежко на командном пункте была вновь поставлена боевая задача — взять город. Наступление началось в 8-00. После удачной атаки 522 и 504 стрелковые полки овладели слободой Ездоцкой и ворвались в северную часть города. 516 стрелковый полк успешно с востока занимал квартал за кварталом и к 14-00 полностью освободил город. В этом бою было уничтожено до 3000 человек противника, до 800 взято в плен.

В 15-00 полковник П.М. Бежко доложил командующему 40-й армии о выполнении задачи.

За успешно выполненную боевую задачу командующему 40-й армией генерал-лейтенанту К.С. Москаленко, командующему 107 сд. полковнику П.М. Бежко, всему личному составу была объявлена благодарность Сталина. За проведение операции полковнику П.М. Бежко. 5 февраля 1943 года было присвоено звание генерал-майора, он был также награжден орденом Суворова 2-й степени. Командиру 516 сп. майору Арутюнову было досрочно присвоено воинское звание подполковника и вручена награда — Орден Красного Знамени. Орденами и медалями были награждены более 1000 человек. 8 февраля 1943 года 102-я танковая бригада получила звание Гвардейской и была переименована в 22-ю Гвардейскую танковую бригаду.

Дорогой ценой досталась эта победа. Потери только 107-й стрелковой дивизии с начала операции до момента освобождения города составили 4061 человек [17]. Всего же в ожесточенных боях на территории Старооскольского края погибло более 7 тысяч советских воинов.

В начале марта 1943 года наступающие войска исчерпали свои возможности и перешли к обороне. Однако победа, одержанная нашими войсками в феврале 1943 года, стала еще одним шагом в деле приближения Великой Победы советского народа над фашизмом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Ред. Кривошеина Г.Ф. — М.: Воениздат, 1993. — С. 185.
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. Т. 3. — М.: Воениздат, 1964. — С. 105.
3. ЦАМО. — Ф. 20203. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 31-33 об.
4. Шиманский В.П. Позывные наших сердец. — М.: Воениздат, 1973. — С. 38.
5. ЦАМО. — Ф. 3200. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 1-6.
6. ЦАМО. — Ф. 1296. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 6.
7. ЦАМО. — Ф. 1657. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 4.
8. ЦАМО. — Ф. 1296. — Оп. 1. — Д. 4. — Л. 71.
9. ЦАМО. — Ф. 1296. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 12.
10. ЦАМО. — Ф. 1613. — Оп. 1. — Д. 16. — Л. 3-5.
11. ЦАМО. — Ф. 1296. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 13.
12. ЦАМО. — Ф. 1296. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 11.
13. ЦАМО. — Ф. 1102. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 3.
14. ЦАМО. — Ф. 1610. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 34.
15. ЦАМО. — Ф. 1296. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 11.
16. ЦАМО. — Ф. 1296. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 14.
17. ЦАМО. — Ф. 1296. — Оп. 1. — Д. 57 — Л. 6 об.

Е.А. Пушкаренко

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ОСКОЛЬСКОГО КРАЯ ЛЕТОМ 1942 ГОДА

В начале июля 1942 года Старый Оскол оказывается в эпицентре военных действий. Наш город не имел какого-либо стратегического значения для немцев, однако лежал на пути движения крупнейших сил противника, а потому имел тактическое значение в реализации немецких планов. Начало немецкой оккупации Старого Оскола приходится на лето 1942 года и связано с неудачной для советской стороны т.н. Воронежско-Ворошиловградской операцией. Для советской стороны она была оборонительной. Ее осуществляли войска Брянского, Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов в период с 28 июня по 24 июля 1942 г. Цель операции заключалась в предотвращении дальнейшего наступления противника на воронежском и ворошиловградском направлениях.

Немецкая наступательная операция стала логическим продолжением успешных действий под Харьковом в мае 1942 г. Поэтому операция «Блау» (с 30 июня 1942 г. название изменилось на «Брауншвейг») ставила целью развитие успеха немецких войск именно на этом направлении. Она предусматривала окружение и уничтожение советских войск западнее Старого Оскола, выход к Дону и захват плацдарма на его левом берегу (в районе Старого Оскола должны были встретиться 6-ая армия Паулюса и венгерские части). Началу операции предшествовало проведение кампании по дезинформации советской стороны под кодовым названием «Кремль». Она должна была убедить советское командование, что главный удар немцев весной-летом 1942 г. будет снова направлен на Москву. При этом о немецких планах нам стало известно незадолго до начала операции «Блау». Маршал СССР К.С. Москаленко (бывший командующий 38-ой армией) вспоминал, что 9 июня 1942 г. бойцы одного из подразделений 76-ой стрелковой дивизии 21-ой армии в районе села Белянка Шебекинского района подбили немецкий самолет «Фюзеляршторх». У одного из погибших членов экипажа — начальника оперативного отдела 23-ей танко-

вой дивизии майора Райхеля — были изъяты документы, раскрывавшие стратегические задачи операции «Блау». Их содержание шло вразрез с дезинформацией под кодовым названием «Кремль», о якобы готовящемся летом 1942 г. наступлении немцев на Москву [1].

Из захваченных документов выяснилось, что немцы планируют нанести два удара и окружить советские войска западнее Старого Оскола. Один удар был направлен против 40-ой армии Брянского фронта. Его должна была осуществлять 4-ая танковая армия немцев. Второй удар, южнее, был направлен против 21-ой армии Брянского фронта. Его осуществляли 6-ая армия и 40-ой танковый корпус немцев.

Дата начала операции «Блау» была неизвестна, но достоверность захваченных документов подтверждалась авиа- и радиоразведкой. Однако в Ставке сочли это дезинформацией. В итоге накануне Воронежско-Ворошиловградской операции силы противника превосходили наши на этом направлении в полтора-два раза.

Воронежско-Ворошиловградская операция осуществлялась силами 40-ой и 21-ой армий. На правом фланге фронта дислоцировались части 40-ой армии фронта. Она располагала 121 СД, 160 СД, 212 СД, 45 СД, 62 СД, 6 СД, 141 стрелковой бригадой, 176 танковой бригадой, 14 танковой бригадой, 4 гвардейским арtpолком, одним бронепоездом, двумя батальонами противотанковых ружей и двумя инженерно-саперными батальонами. На левом фланге фронта дислоцировались части 21-ой армии. В ее состав входили 124 СД, 343 СД, 13 танковый корпус, 4 танковый корпус, 24 танковый корпус, 226 СД.

Наша оборона состояла из двух эшелонов. В первом эшелоне было пять стрелковых дивизий (121 СД, 160 СД, 212 СД, 45 СД, 62 СД). Второй эшелон обороны включал 6 СД, 14 танковую бригаду, 176 танковую бригаду и 141 стрелковую бригаду. Глубина обороны армии доходила до 25-30 км. Противотанковая оборона на некоторых участках достигала 10-12 орудий на километр фронта. При этом сплошного минирования по фронту обороны не было. На наиболее важных направлениях — минные противотанковые поля, заготовлены бутылки с зажигательной смесью. Все мосты на глубину обороны до 40 км были подготовлены ко взрыву и минированы.

Численность наших дивизий доходила до 6-8 тысяч человек. Личный состав был вооружен автоматическим оружием (автоматы и пулеметы) и имел боевой опыт в оборонительных боях осенью 1941 года. Войска

были обеспечены боеприпасами от 1,5 до 2 боевых комплектов. Все бойцы пехоты были вооружены противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью [2].

План оборонительной операции предусматривал жесткую оборону переднего края. Ход оборонительных боев в полосах наших дивизий предполагал втягивание противника в так называемые «мешки» и его уничтожение силами резервных частей. Активная роль в проведении операции отводилась авиации. Ее действия должны были быть направлены на изолирование первых эшелонов наступающего противника от последующих эшелонов и резервов, в особенности танковых и моточастей. В случае прорыва противника предполагалось нанесение контрудара, в том числе силами танковых корпусов [3].

28 июня 1942 г. началось немецкое наступление. В этот день немецкая группа армий под командованием генерала Максимилиана фон Вайхса нанесла удар по стыку 13-ой и 40-ой армий Брянского фронта («северный удар»). Используя свое преимущество, немецкое командование на 45-километровом участке фронта против трех советских стрелковых дивизий 40-ой армии только в первом эшелоне использовало семь дивизий. В этот же день советская оборона на данном участке была прорвана, враг продвинулся на 8-15 км, а на следующий день — на 35-40 км. 30 июня 1942 г. произошел т.н. «южный» удар немцев, осуществлявшийся силами 6-ой армии Паулюса и 40-го танкового корпуса из района Белгорода. Наступление немцев завершилось прорывом советской обороны на стыке 21-ой и 28-ой армий Юго-Западного фронта. Армейская группа Вайхса и 6-ая армия Паулюса превосходили в живой силе и технических средствах оборонявшиеся советские войска почти в два раза. Они имели в своем составе 41 дивизию (из них 4 моторизованные и 6 танковых) и одну пехотную бригаду [4].

Наступлению противника предшествовала мощная артиллерийская и авиационная подготовка. По данным бывшего начальника штаба 40-ой армии генерал-майора Рогозного, в воздухе находилось одновременно до 1000 самолетов противника, в том числе штурмовики и пикирующие бомбардировщики. Их удары изначально пресекали действия наших противотанковых орудий и попытки маневра наших войск. В ходе боя 28 июня 1942 г. решением командующего 40-ой армией Парсегова наши части (6 СД, 14 танковая бригада, 176 танковая бригада, 141 стрелковая бригада) должны были нанести контрудар по прорвавшемуся противнику,

однако авиация противника не дала этого сделать. Несмотря на то, что планом оборонительной операции фронта предусматривался вылет нашей авиации по требованию командующего, в ходе боя было выполнено только несколько вылетов по 6-7 истребителей. Первый день оборонительной операции закончился тем, что противник вклинился в нашу оборону на 25-28 км, но к дальнейшему углублению и расширению прорыва способен не был [5].

Тем не менее, по мнению начальника штаба 21-ой армии генерал-майора Данилова, соотношение сил на 28 июня 1942 г. было в нашу пользу.

Так, части левого крыла фронта армии имели:

Танков — до 400 единиц,
Артиллерии на 1 км фронта — до 8 орудий,
Минометов всех калибров на 1 км фронта — 18,
Минометов РС (всего) — 72 установки,
Самолетов — до 30 самолетовылетов в час.
При этом противник имел перед левым крылом фронта армии:
Танков — около 350 единиц,
Орудий на 1 км фронта — около 18,
Минометов (всех калибров) — около 38,
Пулеметов (СТ и РП) — около 20,
Самолетов — до 22 самолетовылетов в час [6].

«Если учесть, что противник еще не закончил свое сосредоточение, то начатая бы нами наступательная операция в значительной степени надломила боеспособность дивизий противника в первой линии, создала бы значительное замешательство в управлении и при воздействии нашей авиации и танков, при умелом использовании минометов РС — дала бы возможность расстраивать и подавлять сосредоточение и скопление живых резервов противника», — считал генерал-майор Данилов. Однако, по распоряжению Ставки, в связи с начавшимися боевыми действиями на участке 40 А, 24 и 4 танковый корпус были переброшены на участок 40 А — в район Старого Оскола. Это в значительной степени ослабило концентрацию сил и средств левого крыла армии и соотношение в маневренно-броневой силе стало уступать противнику. По данным на 30 июня 1942 г. установилось следующее соотношение сил.

Левое крыло армии:

Танков — 130,
Артиллерии на 1 км фронта — 6 орудий,
Минометов — 18,
Пулеметов — 11,
Минометов РС — 72 (всего),
Самолетовылетов в 1 час — 30.

Силы противника на данном участке фронта:

Танков — 350,
Артиллерии на 1 км фронта — до 18,
Минометов — до 38,
Пулеметов — до 20,
Самолетовылетов в 1 час — до 20 [7].

30 июня в 4 часа утра после мощной артиллерийской и авиационной подготовки противник начал новое наступление. В журнале боевых действий 40-й армии говорится о ходе оборонительной операции в течение 30 июня 1942 следующее: «Армия своим правым крылом и центром продолжала вести ожесточенный оборонительный бой с противником, развивающим успех в направлениях: Касторное, Горшечное, Старый Оскол. Войска левого крыла армии занимали прежнее положение. 4-ый танковый корпус сосредоточился на северо-западной окраине Старого Оскола в районе Ездоцкой» [8].

В ночь с 1 на 2 июля 1942 г. противник на участке фронта в районе Старого Оскола сосредоточил крупную группировку танков, мотопехоты и самоходной артиллерии, ставя своей задачей начать с утра наступление, прорвать данный участок фронта и выйти к городу. С 4-х часов утра немцы осуществляют авиаудары, а с 8-ми утра начинается наступление танков и мотопехоты. Согласно отчетам 47-ой танковой бригады, которая участвовала в обороне Старого Оскола, в течение дня 2-го июля она подверглась свыше 200 авиаударам; фронт был прорван, и по приказу командования бригада в числе других воинских подразделений начинает отход. Немецкий прорыв на данном участке фронта стал возможен в силу того, что передислокация наших войск происходила с опозданием, что и дало преимущества противнику [9].

Так, уже бои в течение 30 июня — 1 июля показали необходимость перевести в район Старого Оскола группу войск в составе 212 СД, 45 СД, 62 СД, 176 танковой бригады для предотвращения захвата города. Однако санкция Ставки была получена лишь 2 июля, когда противник уже занял Старый Оскол и переправы на реках севернее и западнее города.

В соответствии с приказом Ставки, полученным 2 июля 1942 г., войска левого крыла 40-й армии отходили на новые рубежи, при этом 160-ая СД должна была занять оборонительную позицию на восточной окраине Старого Оскола. В приказе об отходе войск говорилось: «Вывод главных сил следует прикрыть сильными арьергардами. Артиллерию, тяжелые минометы вести в главных силах частей в готовности к действию. Ко-

мандиры соединений и частей ставят в известность своего соседа об отходе частей и увязывают с ним время начала отхода. В случае попыток противника препятствовать организованному отводу, отражать атаки противника ружейно-пулеметным, артиллерийским и минометным огнем. Командирам соединений и частей лично быть в главных силах, держать в руках части и решительными мерами пресекать трусость и паникерство в частях, ни в коем случае не допускать потерю в материальной части. Командиры части и комиссары несут строжайшую ответственность за организацию отхода частей. С 2.07.1942 отвод войск прикрывается штурмовой и истребительной авиацией. Отвод начать в 15.00 2.07.1942. Командирам и комиссарам соединений и частей весь аппарат ответственных штабных работников прикрепить к частям для постоянной связи с ними и выслать ответственных офицеров связи в Старый Оскол» [10].

Отступавшие советские войска мужественно сопротивлялись. Более того, на ряде участков наши танковые соединения наносили контрудары. В оперативной сводке Генштаба КА говорится: «... в течение 2 июля войска Брянского и Юго-Западного фронтов продолжали вести ожесточенные оборонительные бои на прежних направлениях и производили отвод частей к рубежу реки Оскол. Севернее Старого Оскола продолжались ожесточенные танковые бои, в ходе которых наши танковые соединения, сдерживая атаки противника, наносили ему большие потери. В боях за 2 июля 1942 г. частями фронта уничтожено 282 танка и до 14 тысяч солдат и офицеров противника. В течение 3 июля 1942 г. продолжались ожесточенные танковые бои в районах севернее Касторного и северо-восточнее Старого Оскола» [11].

В течение первых дней июля наши войска вели сдерживающие бои, а в ночь на 2 июля начали отход за реку Оскол на новый рубеж обороны. Однако не всем частям сражавшихся здесь дивизий удалось это сделать.

В течение 3 июля 1942 продолжался отвод наших войск, в дивизии неоднократно поступали боевые распоряжения об изменении дислокации. 6-ая СД и 160-ая СД должны были отойти в район сёл Ново-Кладовое и Каплино и оборонять восточный берег реки Оскол. 212-ая СД должна была продолжать форсированный отход и занять оборону на восточном берегу р. Оскол. 45-ая СД продолжала отход на восточный берег р. Оскол. 62-ая СД также продолжала отход на восточный берег р. Оскол и должна была занять оборону в районе сёл Незнамово и Игнатовка. При-

крывать отход дивизий должны были 141 СБр и 170-ая ТБр, двигаясь в арьергарде. При этом по всему фронту авиация противника группами по 40-50 самолетов бомбардировала боевые порядки наших войск и тылы армии [12].

В результате массированного немецкого наступления 2 июля 1942 г. в районе Старого Оскола соединились 6-ая немецкая армия и немецкая армейская группа Вайхса. Под Старым Осколом попали в окружение 12 дивизий 21-ой и 40-й армий, в том числе 8-ая мотострелковая, 45 СД, 62 СД, 160 СД, 212 СД, 297 СД, 227 СД, 226 СД, 6 СД, 121 СД, 76 СД. Шесть из них были окружены полностью, шесть – частично. В целом советские потери в результате проведения Воронежско-Ворошиловградской операции ежесуточно составляли до 21 тыс. человек убитыми; 40 тысяч советских бойцов было взято в плен [13].

В течение 4-5 июля 1942 г. наши войска, ведя сдерживающие бои, продолжали отход уже на восточный берег р. Дон. При этом части левого крыла 40-ой армии вели бои в полном окружении в лесах южнее Старого Оскола.

Южнее и юго-западнее Старого Оскола в районе Атаманского и Ямского лесов попали в окружение 45-ая, 62-ая, 160-ая и 124-ая стрелковые дивизии. Здесь, на участке длиной в 45 км, в окружении сражались около 50-ти тысяч советских бойцов и офицеров. В результате этих боев практически полностью погиб личный состав 62-ой СД под командованием полковника П.А. Навроцкого. После кровопролитных боев удалось форсировать реку Оскол 160-ой СД. Бойцы 45-ой СД сражались в течение пяти дней, организовав круговую оборону. По данным Центрального архива Министерства обороны, 45-ая СД понесла огромные потери после боев в условиях полного окружения. Из попавших в окружение 6-ти тысяч солдат и офицеров с боями вышли только около пятисот, в частности старшего и среднего комсостава – 156 человек, младшего комсостава – 71 человек, рядового состава – 255 человек [14].

По воспоминаниям участника тех боев командира батальона 8-ой мотострелковой дивизии Ефима Израилевича Иткиса: «В течение шести дней, с 1-го по 6-ое июля, мы отбивались от выброшенных десантов и значительно превосходящих сил противника, особенно начиная с 3-го июля. Всеми этими операциями руководил комиссар 6-го полка батальона Лелюк Ефим Антонович. Всего нас было около 5-ти тысяч человек. Сюда входили отдельные подразделения ... различных дивизий 21-ой и 40-ой армий. В ночь с 6-го

на 7-ое июля, вырвавшись из очередного кольца, мы приблизились к деревне Сорокино, намереваясь смять фашистского гада, но внезапно не получилось, и мы развязали тяжелый бой. При обеспечении переправы на лодках и вброд под артиллерийским огнем противника погибло много воинов, в том числе и комиссар полка Лелюк Е.А. Затем, собрав остатки своего батальона, всего 129 человек, я с ними выходил через Выползово, Солдатское, Нижнее Уколово, Репьевку, через реку Потудань на Дон к нашим частям...» [15].

6-ой мотострелковый полк, входивший в состав 8-ой мотострелковой дивизии, вел арьергардные бои в районе сел Верхне-Атаманское, Прокудино, Нижнее Чуфичево 4-5 июля. Батальон прикрывал отход частей и соединений 21-ой и 40-ой армий. После переправы главных сил противник предпринял контратаку с юга, в результате чего 6-ой мотострелковый полк был отрезан от переправы. 5-го июля вечером связь с полком прервалась [16].

Ожесточенные бои велись на всей территории Поосколья, за каждую переправу через реку Оскол. В районе сел Архангельское, Городище, Солдатское вели бой 4-ый и 24-ый танковые корпуса. Они осуществляли отступление параллельно линии фронта, увлекая за собой до 600 танков противника [17].

Ведя упорные кровопролитные бои, советские войска отошли с рубежа по реке Северский Донец в направлении Дона. По оценкам начальника штаба 40-ой армии генерал-майора Рогозного, указанные дивизии на данном участке фронта потеряли до 50 % личного состава; потери в артиллерии доходили до 30%. В результате 8-дневных оборонительных боев наши войска также нанесли противнику серьезные потери. Так, войска 40-ой армии уничтожили не менее 450-480 танков противника; подорвалось на минных полях, а также с помощью бутылок с зажигательной смесью не менее 80-100 танков [18].

О боях в условиях немецкого окружения в документах 45 СД сообщается: «45 СД 2.07.1942 года отошла в район Старого Оскола, где приняла бой и попала 3.07.1942 г. в окружение. Противник двумя клиньями прошел с левого и правого флангов, оставив у себя в тылу 45 СД, 62 СД, 160 СД, 6 СД и окружив их своими частями. Боеприпасы вышли, материальную часть через реку Оскол переправить было невозможно, переправы были сорваны. Материальная часть была полностью уничтожена. Прорвав окружение, дивизия группами начала свой выход. 110 км люди пробивались к своим во-

йском. 10.07.1942 года дивизия начала сбор в Коршево» [19].

О героическом сопротивлении советских войск, попавших в окружение в районе Старого Оскола, свидетельствуют многочисленные находки поисковиков. Южнее Старого Оскола, в районе населенных пунктов Сорокино, Нижнее Чуфичево, Шмарное, староскольские поисковики обнаружили останки советских воинов, солдатские медальоны, документы, подтверждающие, что здесь продолжались ожесточенные бои. В одной из предсмертных записок, обнаруженных в этом районе объединением «Поиск», говорилось следующее:

«Патроны кончились, кругом фашисты, За Родину, за Сталина!»

Поисковики установили, что ее автором был лейтенант Денга Яков Петрович, командир взвода связи 45-ой стрелковой дивизии, уроженец г. Киева [20].

Попавшие в окружение в районе Старого Оскола советские войска продолжали сражаться в течение первой декады июля. Газета «Правда» 7 июля 1942г. сообщала:

«От советского информбюро.

Вечернее сообщение 6 июля.

В течение 6 июля наши войска вели жестокие бои западнее Воронежа и юго-западнее Старого Оскола» [21].

В лесах западнее р. Оскол продолжали сражаться окруженные советские части и соединения, пытаясь разорвать вражеское кольцо. Живых оставалось все меньше и меньше, боеприпасы заканчивались, в ночь с 7 на 8 июля и даже позже группами и в одиночку наши бойцы выходили из окружения. Участница этих событий, радистка 89-го артполка М.А. Сосновская, вспоминала: «С командиром артполка нас осталось 12 человек. Перед очередным выходом из леса мы разделили по сухарю — все что имелось. Перешли ручей. С высоты немцы открыли сильный артобстрел, внизу строчили пулеметы, а еще ниже автоматчики. Командир полка погиб, под огнем наша группа распалась, кричать было нельзя. В лесу осталась я одна. Когда немцы стреляли — я шла, прекращали огонь — стояла. В темноте наткнулась на немецкого автоматчика. Он тоже, видно, испугался. Я кувырком слетела вниз и отбежала в сторону. Потом услышала русскую речь, на зорьке это было. Вчетвером мы вышли из леса, но двух бойцов все же легко ранило. На день отползли в поле, слышали стоны раненых, крики немцев. По ночам шли болотами, перелесками, а днем лежали во ржи, питались колосьями, иногда заходили в деревушки...» [22].

Другой участник событий, командир

штабного взвода связи 123 СП А.Ф. Носенко, вспоминал: «... Противник создал специальные конные отряды мажар, которые рыскали по селам, проселочным дорогам, перелескам, чтобы ловить окруженцев. Применялись зверские расправы с населением, оказывавшим помощь продуктами. На вероятных путях отхода к Дону устраивались минные поля и заграждения. С такими заграждениями пришлось дважды столкнуться и мне, и заняться саперным делом. Не раз мы «напарывались» на немецкие разьезды, на размещение тыловых частей. Двигались по болотам, чуть ли не по горло в воде... 22 июля мы вышли к Дону. От длительного голода мы так ослабли, что бойцы танковой части переправляли нас на лодках прямо в санитарную часть, где под наблюдением врачей восстанавливались наши силы» [23].

Советские войска, попавшие в окружение под Старым Осколом, продолжали сражаться, отдельным частям и группам советских бойцов удалось вырваться из окружения 10 июля 1942 г.

В районе Старого Оскола были окружены 8-ая мотострелковая дивизия НКВД (была укомплектована пограничниками, офицерами НКВД, милиционерами); 45-ая стрелковая дивизия (она понесла самые большие потери); 62-ая стрелковая дивизия (командовал дивизией полковник Навроцкий Павел Акимович, герой гражданской войны, погиб при выходе из окружения); 212-ая стрелковая дивизия (командир — полковник Шутов, который пропал без вести в районе с. Шмарное при выходе из окружения); 297-ая стрелковая дивизия (ее командир — полковник Московцев — застрелился, когда немцы окружили штаб; его примеру последовали офицеры штаба) [24].

Перечисленные дивизии понесли наибольшие потери, пытаясь выйти из окружения, некоторые из них были расформированы, так как их личный состав практически весь погиб в ходе этих боев.

Меньше пострадали и смогли выйти из окружения 315-ый отдельный артиллерийский полк, 595-ый артиллерийский полк, 227-ая стрелковая дивизия, отдельные части 6-ой и 226-ой стрелковой дивизии, 121-ая стрелковая дивизия, части 76-ой горнострелковой дивизии. Впоследствии именно нашими земляками пополнялся личный состав этих соединений [25].

При попытке прорыва немецкого кольца многие советские бойцы погибли, другие продолжали сражаться уже не на жизнь, а на смерть. О неспособности противника сломить сопротивление советских воинов, сра-

жавшихся в окружении, говорит тот факт, что немцы использовали против них химическое оружие (нервно-паралитический газ «Гелон»). Потери противника в ходе этих боев также были значительными. Выше уже приводились данные о потерях немцев в течение 2 июля 1942 г. А начальник немецкого госпиталя в Старом Осколе Отто Рюле вспоминал: «Немецкое кладбище в Осколе было самым большим, которое оставила наша санитарная рота после нападения на Советский Союз» [26].

Точное число погибших советских бойцов в оборонительных боях 1942 г. на территории города и района неизвестно до сих пор. По данным руководителя Белгородского областного общественного патриотического объединения «Поиск» И.И. Андреева только в районе села Нижнее Чуфичево за 20 лет поисковой работы обнаружено и перезахоронено более 400 советских воинов. Все они погибли здесь в июле 1942 г. в ходе массового прорыва из окружения частей 21-ой и 40-ой советских армий. Все они числились как пропавшие без вести. На месте обнаружения останков не нашли даже солдатских медальонов [27].

В целом, по данным поисковиков на июнь 2011 года, выявлено и перезахоронено около 6800 человек, однако погибших здесь советских воинов, наверняка, гораздо больше.

В 1942 г. в условиях окружения, жесточайших боев по прорыву кольца и отступления советских войск захоронения убитых не могли как-то специально обозначаться, зачастую не производились вообще. Подтверждением тому служат данные из приказа командира 267 СД от 22 марта 1942 г. полковника Потапова «О порядке погребения красноармейцев». В нем говорится: «...Установлено, что вопросу погребения павших бойцов до сих пор должного внимания не уделяется. Команды розыска и регистрации трупов и доставки их на дивизионный пункт для погребения работают плохо. Учет погибших производится небрежно. К опознанию личности погибших не всегда принимаются необходимые меры. О смерти бойца не сообщается семье, и, как следствие, семья лишается получения государственного пособия. Приказываю в 5-дневный срок произвести уборку трупов и их похоронить. В дальнейшем установить строгий контроль за своевременной уборкой трупов с поля боя...» [28].

Земля Оскольского края хранит множество останков советских солдат и офицеров, последним земным пристанищем для которых стала даже не могила, а поле боя. Вероятно, речь идет о десятках тысяч погибших.

Работа по их выявлению, идентификации и перезахоронению продолжается.

Оценивая итоги Воронежско-Ворошиловградской операции, приходится признать, что для советских войск она была неудачной. В Военном энциклопедическом словаре говорится: «Несмотря на упорное сопротивление, превосходящим силам немецких войск удалось прорвать оборону советских войск на воронежском и ворошиловградском направлениях на глубину 150-400 км и развернуть наступление на Сталинград. Однако окружить и уничтожить основные силы Юго-Западного и Южного фронтов враг не сумел» [29].

Причины неудачи Воронежско-Ворошиловградской операции были стратегического и тактического характера. Изначально силы противника превосходили наши в полтора-два раза, так как в Ставке Верховного Главнокомандующего сочли, что главный удар немцев весной-летом 1942 г. будет снова направлен на Москву. К Москве были переброшены дополнительные силы, а на ряде участков фронта сложилось соотношение сил не в нашу пользу. Например, в боевом донесении № 309 в штаб 40-ой армии от 21 июля 1942 г. за подписями генералов Парсегова и Rogozного было указано: «Форсировать подачу пополнения личным составом; в армии некомплект более 20000 человек рядового и младшего комсостава» [30].

С другой стороны, в 1941-1942 гг. действиям наших войсковых соединений не хватало слаженности и координации. Этот фактор имел место, когда в районе Старого Оскола пытались осуществить танковые контрудары в первых числах июля 1942 г. Но они не были одновременными и согласованными, в результате чего танковые соединения попали в окружение. В боевом донесении в штаб 40-ой армии от 2 июля 1942 г. за подписями генералов Парсегова и Rogozного давалась следующая оценка сложившейся обстановки в полосе армии: «Противник крупными танковыми соединениями развивает наступление в направлении Нижнедевицка, Воронежа и стремится окружить центр и левое крыло армии в районе Старого Оскола. Введенная в бой наша крупная танковая группировка разделила армию на две части. Считаю совершенно необходимым немедленно передать управление своим правым крылом 13-ой армии, а мне вместе с Штабом армии переехать в район Старого Оскола для управления только войсками центра и левого крыла» [31].

Однако необходимые указания по реорганизации управления войсками в сложившейся ситуации так и не последовали. В результате на левом крыле 40-ой армии соз-

далась чрезвычайно напряженная обстановка. Соседняя с ней 21-ая армия еще 2 июля 1942 г. без управления отходила на восточный берег р. Оскол. При этом правое крыло 40-ой армии (8 МСд, 297 СД и другие части), испытывая с флангов удары противника, который смог переправиться на восточный берег р. Оскол, переместилось в район Старого Оскола. Возникла угроза окружения левого крыла 40-ой армии и правого крыла 21-ой армии. В сложившейся обстановке заместитель командующего войсками 40-ой армии генерал-майор Жмаченко и член военного совета армии комбриг Грушецкий направили 2 июля 1942 г. командующему Брянским фронтом генерал-лейтенанту Голикову донесение, в котором обосновывалась необходимость централизации управления войсками. Не получив утверждения, они обратились к представителю Ставки генерал-лейтенанту Федоренко и просили его принять решение об объединении руководства и оставлении 4-го и 24-го танковых корпусов в районе Старого Оскола до подхода частей левого крыла армии, чтобы в дальнейшем всей группой ударить по тылам противника. Однако генерал-лейтенант Федоренко категорически отказался и дал указание данным танковым корпусам самостоятельно пробиваться в направлении Касторного [32].

В результате отвод танковых корпусов и отсутствие централизованного руководства войсками в сложившейся обстановке дали возможность противнику сомкнуть кольцо на восточном берегу р. Оскол и захватить все переправы. Против окруженных частей нашей 40-ой армии немцы использовали до четырех дивизий с танками и авиацией. Особенно ожесточенные бои с большими потерями с обеих сторон завязались южнее Старого Оскола.

В воспоминаниях начальника штаба 40-ой армии генерал-майора Рогозного находят подтверждение данные выводы: «С нашей стороны не было общего управления достаточно крупными танковыми соединениями. Резерв Главнокомандующего, состоявший из трех танковых корпусов, возглавлялся генералом Федоренко и действовал без должной увязки с войсками армии и фронта. Это по существу способствовало противнику в овладении и удержании городом Старый Оскол». Также, по его мнению, весьма отрицательную роль в судьбе южной группы войск (части, входившие в состав 40-ой армии) сыграла 21-ая армия, которая по приказу командующего ушла со своих позиций ранее на сутки и открыла путь для выхода в наш тыл на путях отхода [33].

Таким образом, к числу главных причин

наших неудач в данной операции можно отнести следующие: существенное превосходство сил противника, отсутствие достаточной координации и согласованности в действиях наших частей, входивших в состав разных армий, принятие необходимых решений о передислокации войск с явным опозданием, что позволило противнику развить успех.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Во имя Победы. Белгородчина в Великой Отечественной войне 1941-1949 гг. ЦДНИБО. — Белгород, 2000. — С. 75.
2. ЦАМО, ф.395, оп.9136, д.102, л.1-2.
3. ЦАМО, ф.395, оп.9136, д.100, л.52-53.
4. Гриф секретности снят. — М.: Военное издательство, 1988. — С. 63.
5. ЦАМО, ф.395, оп.9136, д.102, л.3-4.
6. ЦАМО, ф.6 гв. А (335), оп.5113, д.121, л.8.
7. ЦАМО, ф.6 гв. А (335), оп.5113, д.121, л.8.
8. ЦАМО, ф.395, оп.9136, д.98, л.62.
9. ЦАМО, ф.3403, оп.1, д.8, л.13 (об.).
10. ЦАМО, ф.395, оп.9136, д.100, л.93.
11. ЦАМО, ф.28(16), оп.1072, д.481 е, л.18-26.
12. ЦАМО, ф.395, оп.9136, д.100, л.95-97.
13. Гриф секретности снят. — М.: Военное издательство, 1988. — С. 65.
14. Андрусенко Е.А. Цена победы / Технолог. — Старый Оскол, 25.06.2011. — С. 2.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. ЦАМО, ф.395, оп.9136, д.102, л.5.
19. ЦАМО, ф.1102, оп.1, д.20, л.1.
20. Архив Старооскольского военно-патриотического объединения «Поиск».
21. От советского информбюро / Правда. 7.07.1942 г. — С. 1.
22. Старооскольский краеведческий музей. Ф.15, оп.1, д.6, л.20-21.
23. Во имя Победы. Белгородчина в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. ЦДНИБО. — Белгород, 2000. — С. 77.
24. Архив Старооскольского военно-патриотического объединения «Поиск».
25. Там же.
26. Рюле О. Исцеление в Елабуге. — М.: Военное издательство, 1959. — С. 130-131.
27. Андреев И.И. О поисковой работе / Белгородские ведомости. — 5.02.2012. — С. 1.
28. ЦАМО, ф.1557, оп.1, д.1, л.22.
29. Военный энциклопедический словарь. — М.: Военное издательство, 1984. — С. 162.
30. ЦАМО, ф.395, оп.9136, д.100, л.57.
31. ЦАМО, ф.395, оп.9136, д.100, л.90.
32. ЦАМО, ф.395, оп.9136, д.98, л.72-73.
33. ЦАМО, ф.395, оп.9136, д.102, л.5.

Л.Н. Пивоварова

ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ «СТАРЫЙ ОСКОЛ – РЖАВА»

После поражения под Сталинградом и на Северном Кавказе гитлеровская ставка принимала экстренные меры, чтобы восстановить свое господство на Южном крыле фронта. Она разрабатывала план наступательной операции под кодовым названием «Цитадель» и сосредотачивала на Курской дуге до 50 дивизий, 10 тысяч орудий и минометов, 2700 танков и более 2000 самолетов. Пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, гитлеровское командование бросило все силы на восток. К Курской дуге стягивались войска из Бельгии, Франции, Голландии; сокращались немецкие гарнизоны на Балканах, и все боеспособное перебрасывалось на Левобережную Украину. Была сформирована новая группа армий «Юг».

В свою очередь, в связи с подготовкой к летней кампании советское командование Воронежского фронта представило в Ставку доклад о плане предстоящей стратегической операции. На основе всестороннего учета имевшихся резервов, обобщения разведывательных данных и конкретных предложений, поступавших от командующих фронта, Верховное Главнокомандование разработало план летней кампании. План советского командования был рассчитан на то, чтобы в ходе обороны измотать и обескровить основные вражеские группировки, сосредоточенные в районах Орла и Белгорода, а затем перейти в контрнаступление на широком фронте.

Решение «О строительстве железнодорожной линии Старый Оскол – Ржава» под номером № 3522сс было принято 8 июня 1943 года Государственным комитетом обороны по инициативе Командования Воронежского фронта. В нем, в частности, говорилось, что «...в целях создания дополнительной железнодорожной коммуникации ГКО постановил:

1. Построить железнодорожную линию Старый Оскол – Ржава общей протяженностью 95 км.

2. Обязать НКПС обеспечить указанное строительство рельсами...».

Острая потребность в этой дороге была вызвана тем, что Воронежский фронт (командующий Н.Ф. Ватутин), готовясь к боям на Курской дуге, не имел своих железнодорожных коммуникаций для подвозки военных грузов. Пропускная способность железной дороги Центрального фронта Касторная – Курск не обеспечивала потребности двух фронтов. Железнодорожные узлы Курск и Касторная подвергались систематическим налетам вражеской авиации. Дорога Старый Оскол – Ржава открывала возможность для самостоятельного обеспечения грузами Воронежского фронта через станции Касторная и Валуйки, минуя Курск.

Для обеспечения снабжения фронта Военный Совет Воронежского фронта просил:

«1. Строительство дороги возложить на УВВ (Управление военно-восстановительными работами) Воронежского фронта №3 (начальник генерал П.А. Кабанов,), подкрепив его на время работ по строительству одной железнодорожной бригадой, с прибытием ее к месту работ 15 июня 1943 г.

2. Рельсы для обеспечения строительства использовать за счет снятия вторых путей с участков Ржава – Белгород и Льгов – Готня.

3. Обязать Курский обком ВКП (б) и Курский облисполком привлечь для работ по строительству указанной железнодорожной линии местное население...».

Бюро Курского Обкома ВКП (б) и Курский Облисполком приняли решение мобилизовать на строительство этого участка местное население в количестве 20 тысяч человек и более 1000 подвод. Из рабочих, мобилизуемых на строительство железнодорожной линии, было решено создать в каждом районе строительные колонны. Начальниками колонн на весь период были утверждены вторые секретари РК ВКП (б). Военный совет Воронежского фронта выделил для строительства два автомобильных батальона и 2000 красноармейцев из запасных частей.

Были утверждены ответственные лица за организацию общественного питания и торговли товарами широкого потребления. Для оперативного руководства ходом строительства была обеспечена радиотелефонная связь, здесь же находилась выездная редакция газеты «Курская правда», которая организовала выпуск «Боевых листков». «...На строительство, непосредственно на участки,

завозится 5000 экземпляров газет, из них 300 экз. газет «Правда», 100 экз. — «Известия», 100 экз. — «Комсомольская правда», и 4500 экз. — «Курская правда». С этого же числа на строительстве приступила к работе выездная редакция газеты «Курская правда на стройке», которая выпускает 3000 экземпляров (многотиражки) и около 500 экземпляров бюллетеней с сообщениями Совинформбюро. Во всех колоннах по отрядам, бригадам проводятся читки газет. Читки, как правило, проводят заместители по политической части начальников отрядов и подобранные из коммунистов и комсомольцев агитаторы», — докладывал секретарь Обкома ВКП(б) по транспорту Черников в справке «О ходе строительства железнодорожной линии».

Было приказано приступить к строительству линии не позднее 15 июня, а закончить ее строительство 15 августа 1943 года, но по ходатайству Курского Обкома ВКП(б) сроки были сокращены до 1 августа 1943 года. Сооружение линии было решено вести по облегченным техническим условиям с применением небольшого уклона и шириной земляного полотна 5 метров. Этому объекту было присвоено наименование — строительство №217. Начиналось строительство с нуля. Незнакомая местность, не было проекта, строительных материалов. Было необходимо переместить около 1 млн. кубических метров грунта, возвести 10 мостов, уложить 164 км главных и стационарных путей. При этом не хватало рельсов, шпал, крепежей, столбов для линии связи.

«Все строительство разбили на два участка. Начальником первого участка назначили заместителя командира 19-й бригады инженера-полковника П.К. Кулешова; второго — командира 7-й бригады полковника Н.И. Новосельского. В подчинение Кулешову выделили 19-ю бригаду, 22-й батальон 8-й бригады, горем № 7 и фронтовой автобат. На втором участке трудились 7-я бригада, горем № 19, автобат. Гражданское население поделили между участками. На его плечи легла самая трудоемкая часть работ — земля, земляное полотно. Военские подразделения и спецформирования строили мосты, укладывали путь, балластировали его, возводили технические здания. Пункты водоснабжения на всей трассе строил Водрем №13, связь прокладывал Связьрем №10.

Уже на третий день после принятия Постановления ГКО к месту строительства

прибыло 25 тысяч человек и направлено для земляных работ 1280 подвод. К строителям дороги обратился строитель Михайлов:

«Строитель, помни!

По зову Родины мы все сюда пришли
Работать, наши силы умножая.

Здесь каждый метр распаханной земли
Победу над врагами приближает...

В военный год страна послала нас
Для быстрой, четкой, слаженной работы.
Сдадим досрочно Родины заказ.

Исполним долг советских патриотов!»

Первым прибыл строительный отряд из Пристенского района — 875 человек. 23 июня 1943 года они обратились с призывом ко всем участникам строительства дороги: «Дорогие товарищи! Мы призваны построить один из важнейших объектов, досрочное окончание которого будет решать успех дела на фронте. Учитывая это, наш Пристенский район первым в области полностью и досрочно отмотилизовал трудящихся на строительство указанного объекта, за что получил Красное Знамя Курского обкома ВКП (б) и областного Совета депутатов трудящихся.

Эта награда воодушевила нас, строителей, на трудовые подвиги. В первый же день работы 17 июня во всей колонне строителей нашего района не было ни одного не выполняющего производственно-технические нормы, а в последующие дни производительность труда непрерывно увеличивалась.

Инициатор стахановского движения командир 6-го отряда Таня Кабанова, правильно организовав труд, добилась выполнения полутора норм каждым строителем ее отряда. Звено Кати Крыгиной (в количестве 10 человек) дневную норму выполняет до обеденного перерыва. Отличные показатели в труде имеют строители 5-го отряда, командиром которого является Тютюнова Нина. Здесь 29 девушек задание выполняют на 200%. В 7-м отряде 12 двухсотников, и нет ни одного (строителя), выполнявшего ниже полутора норм. Но и эти успехи мы не считаем пределом, наш девиз: «Каждому работать за троих. ...Досрочно сдадим новую ветку!»

Начальник строительства, генерал-майор технической службы генерал П.А. Кабанов, вспоминал: «Я обратил внимание на лозунги, написанные краской на щитах и на бортах многих тачек: «Честь и хвала ма-

стерам военной нормы!», «Дорог на фронте каждый час. Выполним в срок боевой приказ!», «Наша стройка – путь снаряда в гнездо фашистского гада!», «Выше темпы работы – снаряды ждет оружейный расчет!». Я спросил заместителя командира батальона по политической части майора Ю.И. Лукьянца: «Кто сочинил такие лозунги?» Он ответил: «Сами люди!» Это были не просто слова, а зов сердца каждого человека, его клятва партии и Родине!».

Призыв строителей из Пристени поддержал комсомольско-молодежный отряд из Старооскольского района (1000 человек и 100 подвод). От райкома ВЛКСМ помощником по политической части Старооскольского отряда была назначена инструктор Райкома комсомола Лидия Шугаева. Разместили строителей дороги в шалашах, в землянках, часть рабочих была расквартирована по ближайшим селам. Строители ветки трудились от зари до зари, по-фронтовому ударно. Вспоминает генерал П.А. Кабанов: «Строительство железной дороги развертывалось в очень сложной обстановке. Рельсы поступали разных типов. Крепления некомплектные. Не хватало шпал. Не было и столбов для линии связи... Головные участки новостройки напоминали потревоженный муравейник. Люди копали землю, таскали ее на себе – на носилках, в тачках, в фартуках. Лошадей и автомобилей не хватало. О тракторах и механизмах не было и речи. Самыми сложными и, пожалуй, единственными машинами на стройке были копры. Они работали на мостах, забивали сваи».

Одна из участниц строительства дороги А.Ф. Шляхова вспоминает: «Со своими младшими братьями я принимала участие в строительстве этой дороги. На работу вставали рано, трудились от зари до полных сумерек, без отдыха и выходных. Тяжелые шпалы носили по несколько человек, часть груза возили на волах, которых было очень мало. Волы были не приспособлены к этой работе. Его гонишь, а он не понимает, чего от него требуют, станет на одном месте и стоит. Да ещё так наступит на ногу, что завоешь от боли. Ходили ведь мы босиком, обуви не было. Так что стиснешь зубы, попрыгаешь-попрыгаешь, рану землёй замажешь и снова идёшь, хромая. Эту дорогу, в основном, строили женские руки, мужчин было мало. Помню, как женщины получали похоронки на мужей и сыновей: прочитает, покачнется и снова идёт работать, а оплаки-

вает свое горе уже ночью... Дорогу постоянно бомбила вражеская авиация. Самолёты появлялись так внезапно, что многие люди не успевали укрыться. Были раненые и убитые. Страшно было на всё это смотреть. Но оплакивать погибших было некогда, надо было работать».

«Работали даже тогда, когда человека должно было сломить большое горе», – пишет в своей статье корреспондент Неля Бобрышова в районной газете поселка Пристень. Вспоминает А.Е. Бокулина (с. Сазановка): «Как-то из нашего села Сазановки прибежал мальчик к одной женщине и подал бумажку. Это была похоронка на убитого отца. Мать смотрела в землю, не плача, потом сказала: «Пошли, работать надо». Весь остаток дня носила землю, а вечером после работы она ушла в степь и до утра просидела одна в скорбном молчании и горе». «Кровавые мозоли не сходили с рук, но никто из девушек не жаловался. Все знали, что эта дорога нужна фронту. Работали все с удвоенной энергией».

«Вместе с солдатами укладывали рельсы на полотно дороги. Полуголодные. Нормы хлеба была 400 г, крупы 50 г из общего котла и 1 ч. ложка сахара в сутки. Распухали руки, ноги, ладони в кровавых мозолях, но со своего участка работы никто не уходил, знали, что от каждого зависит быстрее завершение стройки. Поэтому работали каждый за двоих-троих. Сдавали около 3 км готового пути. И как бы мы ни уставали, молодость брала свое. Умели мы и отдыхать: пели, шутили, танцевали, – вспоминает участница строительства дороги А.Е. Кочергина. – Как-то военный инженер попросил: «Девчата – этот участок надо выполнить за один-два дня. Я вас завтра всех сфотографирую». Участок выполнили, а фотографии – нет. Потом инженер признался, что у него и фотоаппарата не было, но вместо фотоаппарата пригласил гармониста. Напелись, танцевались, и снова за работу».

«Для поощрения молодежных коллективов, добившихся лучших показателей, Курский Обком комсомола постановил учредить переходящее Красное знамя. В докладной записке Курского Обкома комсомола ЦК ВЛКСМ о политико-массовой работе на строительстве железной дороги Старый Оскол – Ржава говорилось: «В бригадах и колоннах было развернуто соцсоревнование. Обкомом комсомола было установлено переходящее Красное Знамя, которое оспарива-

ли 11 колонн». За него боролись всего 130 комсомольско-молодежных бригад. Всего на строительстве дороги работало 4000 комсомольцев и 15 000 чел. молодежи.

Для руководства политико-массовой работой среди молодежи Обком комсомола посылал комсorghов. 317 комсомольцев работали заместителями политруков комсомольско-молодежных бригад и отрядов. Руководил агитмассовой работой комсомольско-молодежных бригад области секретарь Курского обкома ВЛКСМ Г. Лунев.

На самых трудных участках бригада Т. Семеновой старалась выправить положение. Ее не раз перебрасывали на отстающие участки. Очень часто трудовые задания передовая бригада выполняла на 220-250 %.

«...Очень радостный и торжественный момент был, когда нам секретарь обкома ВЛКСМ товарищ Миняйлов вручал Красное знамя. Впервые в жизни я принимала такой священный дар за наш коллективный упорный труд. Я даже растерялась и не могла ничего сказать, а от счастья заплакала. И только потом, когда поцеловала Красное знамя, взяла древко в руки, поклялась удерживать его до конца стройки».

Красное Знамя как символ трудового подвига старооскольцев в годы войны в настоящее время экспонируется в Старооскольском краеведческом музее. Девушки этой бригады умели не только работать, но и отдыхать. Ансамбль этой бригады пользовался большим успехом среди бойцов и населения. Лидия Даниловна Жилмостных играла в составе оркестра Дома пионеров Старого Оскола, который часто выступал с концертами перед жителями города и участниками строительства дороги. А затем сама попала в бригаду Тамары Семеновой и не только работала ударно, но была главной запевалой в ансамбле: «Как только перерыв — так девчата в кружок; как только закончилась смена — так песня».

Анна Проторчина пишет в своих воспоминаниях: «Вот увидит, бывало, бригадир Тамара Семенова в обеденный перерыв, что кто-то загрустил и скажет: «А давайте споем». И мы пели. Пели свои любимые песни того времени: «Вечер на рейде», «В землянке», «Ты ждешь, Лизавета» и другие. Или вдруг предложит какой-нибудь танец в собственном исполнении под наши аплодисменты. И ее кто-то обязательно поддержит, чаще всего самые молодые из нас: Лида Щурова, Зоя Кондаурова. Это снимало уста-

лость, помогало в работе».

Первенство у этой бригады постоянно оспаривали комсомольские бригады Волоковского, Чернянского, Тимского, Ясеновского районов, но завоеванное Красное Знамя бригада удержала до конца строительства. «Борьба за Красное Знамя на стройке была огромной. Ведь 10 районов представили свои комсомольско-молодежные бригады. Особенно соперничал с нами Чернянский район. Соревнование развернулось по всей трассе. Тогда мы вынесли решение работать до конца смены до позднего вечера».

Работали даже ночью. «Приходишь со смены, — вспоминает Валентина Федоровна Котенева, — а Тамара Семенова вскоре поднимает: «Девчата. Надо вставать, во вторую смену идти поработать». Надо, значит надо. Другого ответа не было. Были очень дружны. С продуктами ведь было трудно, так все у кого что было, с собою складывали все вместе».

В отчете военного командования о работе комсомольской бригады Л.Н. Шугаевой (Старооскольский район) от 18 июля 1943 года командир части Иванов и начальник производственного отдела Злой отмечали: «...Бригада девушек Старооскольского района под руководством Шугаевой Лидии Николаевны на строительстве удлинения железнодорожных разъездов и по ремонту пути показала исключительно добросовестное отношение к выполнению задания, не считаясь со временем и с отличным качеством работ...».

Многие переходили на двухсменную работу, трудились по 20 часов в сутки. «Поражала необычайно высокая трудовая активность строителей. Были случаи, когда люди падали от усталости, но через несколько минут поднимались и продолжали работать».

Об этом же вспоминает житель села Долбино Белгородского района Н.М. Кизилев, который 16-летним юношей участвовал в строительстве дороги. «Однажды девушка, — пишет он, — которая несла носилки с песком, упала возле меня от усталости. Я кинулся к ней, чтобы помочь, но она охрипшим голосом сказала: «Уходи. Делай свое дело. Чего стал? Сама поднимусь». И действительно, полежав несколько минут на земле, она поднялась и пошла. А вскоре я увидел её с носилками. Она продолжала носить землю. Такие сцены здесь были не редкостью».

Трудящиеся Касторенского района при-

звали всех строителей: «Будем работать так, как сражаются с фашистским зверем наши доблестные воины. Дадим две-три нормы за смену».

Агитаторы комсомольско-молодежного отряда Ленинского района, где работала заместитель политрука Валя Федосова, за один день выпускали по 28 «Боевых листов», 5 стенных газет, провели 5 докладов и 27 бесед, ежедневно проводили политинформации, широко развернули социалистическое соревнование.

Вспоминает Мария Афанасьевна Малахова, заведующая начальной школой в селе Заломном: «Нашей Вислудубравской колонне, как и другим, был отведен определенный участок. Нам достался участок в урочище «Березово». Всю работу выполняли вручную. Нужно было прорыть километровую траншею глубиной до 6 метров, переместить большое количество грунта. Земля в холмах усохшая, вязкая, словно спрессованная глина. Мы не копали, а «грызли» упругую твердь земли. Не было экскаваторов, ленточных конвейеров, вся тяжесть стройки легла на наши молодые руки. А норма была 3,5 кубометра в сутки. Чтобы справиться с доверенным заданием работали по 13-14 часов в сутки. Без каких-либо выходных. Если руки трескались, то черенок обматывали тряпкой, и вновь лопата ходила быстро».

Навсегда преодоление препятствий осталось у тогдашних поколений как ведущая черта характера. М.А. Малаховой сегодня за 80 лет, она до сих пор трудится на приусадебном участке, держит корову, воспитывает правнуков.

В труде до нынешнего времени находится и другая участница строительства дороги — Мария Ивановна Чурикова. Вот, что осталось в памяти у нее: «...Когда прибыли на строительство дороги, трудно было понять картину, которая здесь открылась. Это было светопредставление. Масса народа сновала так, что поначалу все казалось хлопотным. На самом деле здесь был порядок. Представители от военных всем управляли четко. Таким образом, за 10 дней июля 1943 года в районе села Заломное была закончена трудоемкая выемка. Из которой силами мобилизованного населения было выбрано 46,4 тысячи километров грунта».

Старалась и прилагала все силы труженица колхоза «Заря» Пелагея Никитична Черникова: «...Бывало порой и так: одна поднимает глину, а другая руками срывает

ком, прилипший к штыку лопаты. Главное, управиться побыстрее, сделать все возможное, чтобы фашисты не вернулись сюда, чтобы их отбросили подальше». Заработанные деньги строители села Заломное передали в фонд Красной армии. Хотя сами нуждались во всем: в одежде, в обуви, в пропитании.

Рядом со взрослыми все тяготы работы и быта переносили юные участники строительства. Среди документов Губкинского отряда мы нашли анкету и газетную статью с воспоминаниями Михаила Даниловича Агафонова, которого направили на строительство, когда ему было 14 лет. Он вспоминает: «Из нашего небольшого колхоза «Луч Пахаря» на строительство железной дороги было выделено 52 человека, в основном молодежь. А самым молодым был я. Мне исполнилось только 14 лет. Собравшиеся девчата начали подходить ко мне и класть в телегу лопаты и продукты питания. Перед отправкой нас на место строительства с краткой речью выступил председатель колхоза Нечипуренко Федосей Васильевич. Он дал нам наказ, чтобы все мы работали честно и добросовестно и в установленные сроки выполнили задание по строительству железной дороги.

Выезжали мы, как сейчас помню, на деревню Уколово, Троицкое, Черновец, Сараевку. В Сараевке нас расквартировали по домам. В этот же день нам отвели участок и мы приступили к работе. Работали с рассвета и дотемна. Девчата лопатами, грабарками насыпали в телегу землю, а я подвозил ее на полотно железной дороги. Чтобы дело шло быстрее, я придумал по бокам хода положить доски. При разгрузке я поднимал эти доски и быстро разгружал землю. Затем снова девчата насыпали землю в ход, а я спешил к полотну для разгрузки.

В каждую субботу, закончив трудовой день, уезжали в свое село за продуктами питания. Хлеб и пшено нам отпускали из колхоза, а картошку собирали по домам.

Должен сказать, что работали все старательно, выполняли по 2-3 нормы в день, строили мы полотно на участке от Сараевки до Сазановского моста».

Топорова Зоя Ивановна попала на строительство железной дороги в 15 лет. В таком же возрасте направили туда и Архипову Екатерину Ивановну из Федосеевки. Она вспоминала: «Нас с вещами на лошадях отправляли в село Етавка. Там нас разместили в надворных постройках. Трудно было.

Спали на полу. В домах находились хозяева и солдаты. Работали по 3 смены. Мне было чуть больше 15 лет».

Несмотря на свой юный возраст, добросовестно работали в составе Старооскольского отряда Воронова Мария Анатольевна, Емельянова Лидия Антоновна, Ильинкова Тамара Евгеньевна, Дорошева Александра Степановна. Им, как и десяткам других подростков, чьи имена мы не упоминали в своей работе, приходилось переносить совершенно недетские лишения и тяготы. И они совершенно по-взрослому, сознательно относились к своей работе, понимали всю ее важность. Многие из самых молодых рабочих Старооскольского отряда вспоминали те радостные чувства, которые вызвало у них досрочное завершение строительства участка. Но на этом работа их не завершилась. Их, членов молодежных бригад, перебрасывали и на другие участки дороги, где требовалась срочная помощь. И они старались не подвести. Желание построить дорогу, столь нужную для фронта, быстро и хорошо, было таким сильным, что никто не жаловался на трудности.

Участники строительства указывали, что даже дети оказывали помощь. В одном из писем приводился такой пример: Сережа Елисеев, 12-летний мальчик, был возчиком. Был очень старательным. Несмотря на возраст, работал и ночью, и рано утром.

В основном подростки трудились на строительстве насыпи. Почти вся работа делалась вручную: лопатами долбили землю, на носилках переносили ее, утрамбовывали специальными приспособлениями, сделанными из части бревна. Были случаи, когда дорога шла через болотистые участки, тогда объем работы увеличивался. Работали иногда по две смены подряд. Не раз во время работы в районе строящейся дороги показывались немецкие самолеты. Они делали попытки обстрелять находящиеся на насыпи людей, но даже в таких условиях никто не бросал работу.

Для защиты от самолетов поблизости от полотна дороги находились зенитные установки. «Мы слышали гул самолета. Западнее нашего участка завязался бой в воздухе, через 1-2 минуты немецкий самолет, обвятый черным дымом, рухнул на землю, — описывала свои впечатления М.П. Шевченко, одна из работающих на стройке девушек. — Однажды немецкий самолет пролетел низко и сбросил листовки, на них на-

рисовано — дом, к которому идет женщина с граблями, за ней скотина и птица, а внизу подпись: «Хозяйка, бросай работать, тебя дома ждут». Мы смеялись над немцами».

Посильную помощь на строительстве дороги оказывали даже старики. «Запомнилось надолго, как ехали на строительство дороги на лошаденке, которой правил 90-летний дед, а возвращались уже поездом по своей дороге», — вспоминает Клавдия Чеснокова.

Дорогу сооружали 7-я и 19-я железнодорожные бригады, отдельные части 8-й, 23-й, 25-й бригад и спецформирований НКПС. В июне на стройку дополнительно прибыли батальоны из других железнодорожных бригад. Мост через Сейм возводил 14-й мостовой батальон. На сооружении этой линии активное участие приняли путейцы Старооскольской дистанции пути.

Дорога «Старый Оскол – Ржава» строилась в прифронтовой полосе, поэтому можно было ежедневно слышать гул артиллерийских орудий, а по ночам были видны трассирующие полеты реактивных снарядов. Более всего поразил первый налет фашистов на дорогу Анну Дмитриевну Андрееву из Старого Оскола: «Гляньте, — кричала, — сколько ворон летит. Но потом я ничего не боялась. Приходилось под налетами фашистских бомбардировщиков ночью работать. Бог миловал».

Вспоминает участница строительства дороги А.А. Проторчина из Старого Оскола: «Однажды, отдохнув днем, вышли в ночь. При освещении утрамбовывали. И вдруг налетел вражеский самолет и начал обстреливать. Повезло — первые пули пришлись по обочине дороги, а потом послышались выстрелы наших зенитчиков. Самолет набрал высоту и улетел»; «...Не раз в воздухе появлялись фашистские самолеты. Они бомбили место работ. Обстреливали и рабочих из пулеметов. Но краснозвездные «ястребки» защищали девчат от налетов».

Далее гитлеровцы от одиночных налетов на линию перешли к массированным, стараясь сорвать или хотя бы затормозить строительство. Но точный огонь зенитчиков не позволял фашистским налетчикам осуществлять прицельную бомбежку, рассеивал их строй, бомбы падали куда попало, и строители уже не прекращали работу.

Гитлеровское командование неоднократно забрасывало в этот район диверсионные группы, немецкие самолеты сбрасывали на

линию бомбы, разрушали железнодорожное полотно, но строители быстро все вновь восстанавливали и упорно двигались к цели. «Иногда прилетали вражеские самолёты и вешали фонари-парашюты, тем самым оказали нам услугу: было светлее работать».

17 июля 1943 года линия «Старый Оскол — Ржава» была сдана в эксплуатацию. Задание Государственного комитета обороны было выполнено за 32 дня.

О готовности линии П. Кабанов немедленно телеграфировал в НКПС. Для доклада Военному совету фронта он вылетел из Старого Оскола на самолете в Ржаву. Член Военного совета генерал Л.Р. Корниец встретил его у дверей своего кабинета, по-отечески обнял, расцеловал и попросил передать благодарность всем строителям от имени командования фронта: «Молодцы, дали ложку к обеду!» Как и положено, комиссия внимательно осмотрела дорогу, каждое сооружение, записала недоделки. Несмотря на это, в своем акте на прием и сдачу линии в эксплуатацию комиссия качество строительства оценила на «хорошо». Подсыпку второго слоя балласта и достройку зданий военные и строители сделали уже в процессе эксплуатации линии.

18 июля 1943 года состоялся митинг, посвященный открытию дороги, на который прибыли все участники строительства, руководители области. Паровоз ЭМ-737-62 с несколькими груженными вагонами провел от станции Старый Оскол до станции Сараявка машинист Василий Яковлевич Несмеян. Вспоминает Лидия Шугаева-Селиверстова: «... Когда поехал первый поезд по нашей дороге, радости не было границ. Я ехала на платформе первого поезда, которую толкал паровоз впереди себя, а по себе стороны дороги строители кричали «ура!», целовались, подбрасывали свои косынки, аплодировали».

«Мы увидели сначала движущийся красный флажок — это шла первая разведчица дрезина, а за нею паровоз. Как мы волновались! А вдруг паровоз сойдет с рельс?». 19 июля по железной дороге Старый Оскол — Ржава прошли первые эшелоны с войсками, боеприпасами, техникой.

Машинисты Южной железной дороги прозвали новую магистраль ласковым именем «Оскольчанка». Дорога стала постоянно действующей.

Спустя годы её назовут «Дорогой Мужества, Дорогой Славы», а её строителям посвятят эти строки:

*О днях тех давних память не остыла,
И подвиг в ней будет жить всегда.
О, женщины! О, труженики тыла!
Подростками лишь были вы тогда.
От Старого Оскола и до Ржавы
Всех трудных вёрст не насчитать и ста,
Но сколько вашей доблести и славы
В себя вместила каждая верста!*

На магистрали, получившей название «Дорога мужества», в результате хорошо поставленной политико-массовой работы и широко развернутого соцсоревнования была достигнута самая высокая (2-3 километра) среднесуточная производительность за весь период Великой Отечественной войны.

Комсомольско-молодежные бригады Старооскольского (секретарь РК ВЛКСМ тов. Шугаева), Чернянского (секретарь РК ВЛКСМ тов. Твердохлебова), Воловского (секретарь РК ВЛКСМ тов. Пихтерев) и многих других районов выполняли нормы на 200-300%. Было произведено около 800 тысяч кубометров земляных работ, построено 56 искусственных сооружений протяженностью 750 погонных метров, 8 остановочных пунктов, 2 пункта водоснабжения.

Новая линия разгрузила железнодорожную линию Касторная — Курск, Воронежский фронт получил самостоятельную железнодорожную коммуникацию, выход на дорогу Курск — Белгород и на изолированный железнодорожный участок Ржава — Обоянь. Ввод дороги ускорил доставку грузов к линии фронта на 24-48 часов, так как сократилась дальность доставки грузов автотранспортом на 120-150 километров. Дорога была использована для организации кольцевого одностороннего движения поездов по маршруту Касторная — Курск — Сараявка — Старый Оскол, что значительно увеличило провозную способность железных дорог на Воронежском и Центральном фронтах во время Курской битвы и способствовало её победоносному завершению.

Легендарная Курская битва, гигантская по масштабам, яростная по своему характеру, историческая по своим последствиям, означала конец концепции блицкрига в стратегическом и оперативном смысле. Победа на Курской Огненной дуге развеяла миф о непобедимости гитлеровской армии, стала роковой и в конечном итоге смертельной для нацистской Германии. Она стала решающей в обеспечении коренного перелома в ходе Великой Отечественной и Второй мировой войн.

Оценивая значение Курской битвы, маршал Советского Союза А.М. Василевский писал: «В мировой истории есть события, которые оставляют неизгладимый след в памяти человечества. Одним из таких событий является победа советских вооруженных сил в исторической битве на Курской дуге летом 1943 года, которая во многом определила дальнейший ход Второй мировой войны и ее победный финал в пользу государств антифашистской коалиции».

Военный совет Воронежского фронта в письме, направленном от 19 июля 1943 года, тепло поздравил всех строителей новой дороги: «Поздравляем бойцов, командиров железнодорожных частей и спецформирований фронта, колхозников и колхозниц Курской области, участвовавших в строительстве, с успешным окончанием новой стройки – железнодорожной линии. Военный совет выражает твердую уверенность в том, что бойцы, командиры железнодорожных частей и спецформирований, колхозники и колхозницы и впредь приложат все усилия для окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков. Командующий войсками Воронежского фронта генерал армии Ватутин. Члены Военного совета Воронежского фронта: генерал-лейтенант Хрущев, генерал-лейтенант Корниец». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1943 года 386 отличившихся строителей были награждены орденами и медалями. Среди награжденных орденами и медалями Союза ССР 186 комсомольцев, их них 18 комсомольцев-агитаторов.

Среди старооскольских девушек, участвовавших в строительстве, «за исключительно добросовестное отношение к выполняемой работе были отмечены нижеследующие товарищи: нач. отряда Шугаева Л.Н., бригадир Семенова Т.М., работницы Кузьмина В.М., Веселова Д.В., Паршина В.И., Волобуева Н.В., Полякова З.С., Бажинова Л.Д., Дей М.И.».

С тех пор прошло уже много лет. «Дорога мужества» не забыта на Белгородско-Курской земле. На восьми станциях от Старого Оскола до Ржавы были установлены мемориальные доски в честь строителей, внесших вклад в разгром врага на Курской дуге. На мемориальной доске читаем высеченные памятные слова: «Железнодорожный участок Ржава – Сараевка – Старый Оскол построен по решению Государственного Комитета Обороны СССР за 32 дня в

июле 1943 года и сыграл важную роль в разгроме немецко-фашистских полчищ на Курской дуге. В сооружении участвовали железнодорожные войска и жители Курской и Белгородской областей».

Железнодорожная ветка «Старый Оскол – Ржава» действует и сегодня, связывая железнодорожное Поосколье с другими районами страны. Тяжело гроыхают по стальным рельсам составы с железной рудой, цементом, мелом. Бегут зеленые пассажирские поезда.

К 65-летию Курской битвы, 9 июля 2008 года, в Старом Осколе состоялось торжественное открытие памятника-мемориала «Строителям железной дороги Старый Оскол – Ржава». На гранитном постаменте из камня, привезенного с Урала, – три женских бронзовых фигуры в момент наивысшего напряжения работы. Авторы памятника – белгородские специалисты – архитектор М.А. Хромов, скульптор А.А. Шишков.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) – Ф. 644. – ОП. 1. – Д. 125. – Л.21-22.
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) – Ф. 203. – Оп. 42595. – Д. 1. – Л.8, Л.120.
3. Партархив Курского обкома КПСС. – Ф.1., 131. – Оп.1., 6. – Д.212., 649, 1056. – ЛЛ. 75, 76, 77, 109.
4. Старооскольский городской краеведческий музей. Архивные документы. Ф.1. П 38/1. Воспоминания Анны Проторчиной об участии в строительстве железной дороги Старый Оскол – Ржава».
5. Текущий архив Исследовательской лаборатории истории и культуры Оскольского края при кафедре гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСиС».
6. 1941-1945: Во имя жизни. – Старый Оскол: Управление по корпоративным коммуникациям ОАО ОЭМК, 2010. – С. 107.
7. Агафонов М.Д. В четырнадцать мальчишеских лет // Ленинский путь. – 1975. – 15 ноября.
8. Андреева А.Д. Помнит сердце, не забудет никогда // Октябрьские зори. – 1998. – 9 июля.
9. Батуркин П.А. На поле ратном. – М.: «Московский рабочий», 1977. – 336 с.
10. Белгородоведение: Учебник для общеобразовательных учреждений / Под ред. В.А. Шаповалова. – Белгород: БелГУ, 2002. – 410 с.

11. Василевский А.М. Дело всей жизни. — М.: Воениздат, 1983. — 544 с.
12. Война, народ, победа. 1941-1945. Статьи, очерки, воспоминания. — Изд. 1. — Кн. 2. — М., 1976. — С. 34-35.
13. Гончаренко Ю.И., Молчанов В.Е. Ратная доблесть белгородцев. — Белгород, 1995. — 396 с.
14. Друговская А.Ю. Детство, опаленное войной. — Курск, 2005. — 430 с.
15. Друговская А.Ю. Человеческие документы войны. — Курск, 1998. — 423 с.
16. Евсюков Е.Н. Победа приходит крылатой. — Старый Оскол: «Ямская степь», 2005. — 160 с.
17. Евсюков Е.Н. Живая память. — Старый Оскол: «Ямская степь», 2005. — 176 с.
18. Жилмостных Л.Д. Из воспоминаний о строительстве дороги // Октябрьские зори. — 1998. — 9 июля.
19. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. — Т.2. — М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1987. — 303 с.
20. Золотухин А.Ю., Коровин В.В., Манжосов А.Н. У памяти великой на посту. — Курск, 2008. — С. 30, С. 120.
21. Иванов С.П. Герой Советского Союза генерал армии Н.Ф. Ватутин: К 80-летию со дня рождения // Военно-исторический журнал. — 1981. — №12. — С. 77-79.
22. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. — М.: Военное изд-во Мин. Обороны СССР, 1964. — С. 254.
23. Кабанов П.А. Стальные перегоны. — М., 1973. — 326 с.
24. Котенева В.Ф. Из воспоминаний о строительстве дороги // Октябрьские зори. — 1998. — 9 июля.
25. Кузнецов Н.А., Новоспаский К.М. Белгородская область. — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1979. — 259 с.
26. Курская битва. Из воспоминаний участников. — Курск, 1959. — С. 177.
27. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Сб. документов. Т.2. — Курск, 1962. — С. 70-72.
28. Мелентьев Р. Прозвали ласковым именем «Оскольчанка» // Зори. — 2003. — № 56. — С. 3.
29. Мухина З.З., Масленникова В.В., Пивоварова Л.Н. Потомству в пример (Сборник материалов о жизни и деятельности Н.Ф. Ватутина). — Старый Оскол: ООО ТНТ, 2002. — 112 с.
30. На рельсах Огненной дуги. Воспоминания железнодорожников. — Харьков, 1986. — С. 115.
31. Никулов А.П. Старый Оскол (Историческое исследование Оскольского края). — Курск: ГУИПП «Курск», 1997. — 575 с.
32. Никулов А.П., Григорьев Э.И. Старый Оскол. — Белгород: Везелица, 1992. — 111 с.
33. Пархоменко И.Г., Чиченков А.П. Культурная жизнь в Белгородской области 1917–1990 годы. Историческая хроника. — Белгород, 1997. — 288 с.
34. Проторчина А. Нас спасала молодость // Октябрьские зори. — 1998. — 9 июля. — С. 65.
35. Телегин В. Железная дорога к победе // Стойленская нива. — 2003. — 8 мая.
36. Чеснокова К. Из воспоминаний о строительстве дороги // Октябрьские зори. — 1998. — 9 июля.
37. Холтобина Л.С. Факел памяти народной: дети войны 1941-1945 гг. — Курск: «Пресс-Факт», 2005. — 152 с.
38. Шугаева-Селиверстова Л. Я ехала на платформе первого поезда. Письмо из Уфы // Октябрьские зори. — 1998. — 9 июля.

Е.А. Шамрина

СОЗДАНИЕ ПОСЛЕВОЕННОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕМЬИ, МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА. ЕЕ СВЯЗЬ С СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ

Тяжелым испытанием для всего советского народа явилась Великая Отечественная война. Страна оказалась в тяжелейшем положении, материальные потери СССР в ходе войны оцениваются в 2,5 трлн. рублей, в том числе прямой ущерб, нанесенный противником, — в 679 млрд. рублей. Это составило около 30% всего национального достояния Советского Союза. Разорению подверглись наиболее плотно населенные и лучше всего развитые в промышленном отношении области СССР, на территории которых до войны производилось 45% валового национального продукта и находилось 47% используемых сельскохозяйственных земель. Исчезло с лица земли более 1700 городов и поселков, 70 тыс. сел и деревень, полностью или частично было разорено около 6 тысяч поликлиник, диспансеров, амбулаторий, 82 тысячи начальных и средних школ, 334 высших учебных заведения. Было разрушено 5 млн. домов. Без крова осталось 25 млн. человек. На четверть сократились посевные площади, урожайность упала в полтора раза. На оккупированной территории, а также в результате бомбардировок было разрушено 31 850 промышленных предприятий, в том числе 1135 шахт, 749 предприятий тяжелого и среднего машиностроения. Уничтожено 65 тыс. км железнодорожных путей, 16 тыс. локомотивов, 428 тыс. железнодорожных вагонов [1].

В связи с этим, еще в годы Великой Отечественной войны основными направлениями социальной политики стали социальное обеспечение инвалидов войны, организация помощи семьям фронтовиков, помощь детям-сиротам, матерям, вдовам и другим нуждающимся категориям населения. Так, в первые дни войны был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время»

[2]. Постановлением СНК СССР от 28 июня 1941 г. пенсионерам, вернувшимся на производство, выплачивалась пенсия независимо от размера заработка. Только в 1942 г. было выдано около 6,5 млрд. рублей в виде пособий и пенсий [3].

Также изменения претерпела и система начисления пенсий — время нахождения рабочих и служащих в оккупированных территориях не прерывало стажа при отсутствии порочащих данных об их поведении в этот период.

С первых же дней войны был введен новый порядок трудового устройства и направления на профессиональное обучение инвалидов войны. Постановление СНК СССР от 24 мая 1942 г. «О трудовом устройстве инвалидов» обязало органы социального обеспечения нести персональную ответственность за трудовое устройство и организацию обучения новым профессиям инвалидов Великой Отечественной войны.

Помощь со стороны государства в этот период была необходима многим слабозащищенным категориям населения, но прежде всего женщинам и детям. Отрыв огромного числа детей от своих семей и родителей по причинам военного времени вызвал необходимость принятия государственных мер, направленных на защиту интересов детей.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 23 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей» предусматривало создание по всей стране при исполкомах комиссий по устройству детей, оставшихся сиротами или потерявших родителей при переезде в другую местность [4]. Постановлением проявление конкретной заботы о детях-сиротах вменялось в обязанность всем государственным ведомствам, партийным, профсоюзным и комсомольским организациям.

Еще в годы войны одной из вынужденных мер стала эвакуация детей в районы, удаленные от линии фронта. На 1 декабря 1942 г. в 22 областях РСФСР было размещено 1808 эвакуированных детских учреждений с количеством детей 2046448 человек: из них интернатов для детей от 1 года до 3-4 лет — 158 с количеством детей 15 008, для детей дошкольного и школьного возраста — 1650 (189 640 детей) [5].

Однако несмотря на то, что эвакуация спасла от гибели сотни тысяч детей, условия содержания эвакуированных были крайне тяжелыми. Война требовала от всего населения страны больших материальных затрат, чтобы сосредоточить все усилия на

разгроме врага. Это естественно не могло не отразиться на благополучии детей. Нехватка квалифицированных медицинских кадров, медикаментов приводило к вспышкам различных заболеваний. Так, обследование детей, например, в Кировской области выявило 800 детей, больных туберкулезом, в Горьковской области – 214 детей, Ивановской – 545 [6].

Несмотря на проводимые меры по устройству детей, лишенных родителей, основным направлением политики государства в сфере охраны материнства и детства в послевоенный период стала реабилитация института семьи и материнства.

Одной из наиболее острых социальных проблем послевоенного общества явилась детская беспризорность. Именно на послевоенные годы пришелся максимальный за всю историю нашей страны рост беспризорности. От подрастающего поколения во многом зависела скорость восстановления народного хозяйства, поэтому государство должно было приложить максимум усилий для организации социальной защиты детей-сирот. Главным фактором роста детской беспризорности и сиротства в рассматриваемый период стали последствия войны. За девять месяцев 1945 г. в РСФСР было выявлено 256 тыс. детей-сирот, из них в 71 % случаев родители находились в армии, были партизанами или погибли во время оккупации [7].

Рост детской беспризорности потребовал структурных изменений в системе социальной защиты детей-сирот. Как уже отмечалось выше, в годы войны были созданы комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, при местных советах и отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в составе НКВД как центры для координации всей работы в этом направлении.

Широкий размах во время войны приняло усыновление детей. Возрождается практика передачи детей-сирот в семьи. Под опеку и патронирование было передано за военные годы 270 тыс. детей-сирот [8].

В послевоенные годы расширяется практика передачи беспризорных детей главным образом в детские дома. В 1950 г. в стране функционировало 6543 детских дома, в которых воспитывалось 635 900 детей. Широкое распространение получило создание детских домов при колхозах, промышленных предприятиях [9].

Однако следует отметить, что количественный рост детских учреждений не сопровождался соответствующими каче-

ственными изменениями. Сами условия содержания в детских домах были крайне тяжелыми. Яркая картина состояния основной массы детских домов предстает со страниц официальных документов – справок о результатах проверок, проведенных Комитетом партийного контроля (далее – КПК) при ЦК ВКП (б) в 1945 г. В них тяжелое положение объяснялось «отсутствием должного внимания к детям со стороны местных советских и партийных органов». Если говорить более конкретно, то оно было обусловлено разрухой послевоенных лет, нарушениями установленных норм и порядка и, наконец, злоупотреблениями. Проверки, организованные КПК, помогали решить некоторые проблемы местного масштаба: обеспечить топливом на зиму, отремонтировать крышу, уволить негодный персонал. По линии комсомола был организован сбор денег и учебных принадлежностей. Шефствующие предприятия и колхозы помогали с ремонтом, с заготовкой кормов для скота и уборкой урожая в подсобных хозяйствах, с починкой одежды и обуви.

Но в целом положение дел оставалось тяжелым. В системе централизованного распределения при дефиците потребительских товаров и продовольствия детские дома снабжались в последнюю очередь. Из 1500 пальто, выделенных для детских домов по указанию СНК в 1945 г., лишь единицы дошли по назначению, большая часть была реализована через торговую сеть. Снабженческие организации задерживали выдачу фондов детским домам, заменяли одни продукты другими. Вместо мяса и яиц выдавали яичный порошок, вместо овощей и фруктов – пшено [10].

Следует отметить, что в рассматриваемый период главным в системе социальной защиты детей-сирот оставалось их устройство. Нормативные документы, регулировавшие устройство детей, оставшихся без попечения родителей, признавали преимущества семейного воспитания. Предусматривались различные условия передачи детей в приемные семьи: опека или попечительство, патронат, усыновление. Учитывая сложности военного времени для государства выгоднее «раздать» беспризорных детей по семьям, нежели содержать их за государственный счет в детских домах.

В первые годы после войны почти половина приемных семей (46,8 %) брала ребенка на условиях патроната. Принятое еще 8 апреля 1943 года Постановление СНК РСФСР «О патронировании, опеке и попе-

чительстве детей, оставшихся без попечения родителей» изложило условия и порядок передачи детей на воспитание в семьи. Так, на патронат передавались дети от 5 месяцев до 14 лет, однако при определенных условиях, например, если ребенку будет обеспечено грудное вскармливание, предусматривались случаи передачи детей, не достигших 5-месячного возраста. Кроме того, патронат предусматривал заключение договора государственных органов попечительства с семьей о воспитании приемного ребенка и выплату пособия семье. Следует отметить, что практика воспитания детей в приемных семьях на договорных основах не прижилась, так как патронат часто оформлялся исключительно для получения дополнительного дохода. К 1953 г. его доля составила 28,4 % от всех приемных семей, а в 1968 г. патронат упразднен полностью. Альтернативой патронату выступили опекуновство и усыновление. Доля опекуновства составила 45,9 % в 1953 г. от числа всех приемных семей.

По мере преодоления последствий войны, разрухи и голода численность детей-сирот сокращалась. К середине 1950-х гг. она приблизилась к довоенному уровню. Изменились и источники сиротства. На первый план вышли такие причины, как невозможность и неспособность родителей содержать и воспитывать своих детей из-за нужды, болезни, инвалидности или аморального образа жизни. Из 124 тыс. детей, прошедших через детские приемники-распределители в 1954 г., большинство сами ушли из семьи. Среди причин ухода первое место занимал недостаток внимания — 43 % случаев, на втором месте была материальная необеспеченность — 17,2 %, на третьем — стремление путешествовать [11].

Одним из важнейших направлений социальной политики в послевоенный период стало и восстановление демографического баланса, что обуславливалось общенациональными стратегическими интересами страны в новых геополитических условиях. Последствия Великой Отечественной войны определили развитие демографических процессов в послевоенный период. По подсчетам демографов, прямые людские потери в Великой Отечественной войне составили в СССР около 27 млн. человек, включая всех погибших в результате военных и иных действий противника и из-за повышения уровня смертности в период войны, как в тылу, так и в прифронтовой зоне и на оккупированных территориях [12]. Здесь не учтены последствия снижения рождаемости в период вой-

ны, возрастания смертности в послевоенные годы и другие косвенные демографические потери. Согласно подсчетам М.В. Филимошина, косвенные потери населения СССР за время войны составили 23 млн. человек, а по РСФСР — 14 млн. [13].

Изменения возрастно-полового состава населения вследствие людских потерь в годы Великой Отечественной войны оказали влияние на семью и демографические процессы на многие десятилетия.

В связи с этим еще до окончания войны был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства», направленный на восстановление института семьи, материнства и детства в послевоенный период [14].

Заботой не только о матери, но и о здоровье ребенка были продиктованы следующие нововведения указа: а) увеличение вдвое нормы дополнительного продовольственного пайка беременным женщинам, начиная с шестого месяца беременности, и кормящим матерям в течение четырех месяцев кормления; б) увеличение продолжительности отпуска по беременности и родам до 77 дней (35 дней до родов и 42 дня после); в) предоставление беременной женщине возможности приурочить очередной отпуск к отпуску по беременности и родам; г) запрет на привлечение беременной женщины, начиная с четырех месяцев беременности, к сверхурочным работам; женщин, имеющих грудных детей, к работам в ночное время на период кормления ребенка [15].

В соответствии с указом от 8 июля предполагалось значительное расширение сети детских воспитательных и медицинских учреждений, в том числе и детских санаториев. Так, к 1945 г. было развернуто и восстановлено около 14 тыс. детских санаториев. План по расширению сети медицинских консультаций перевыполнен на 125 % [16].

За два года реализации Указа звание «Мать-героиня» было присвоено 11 138 матерям, орденами «Материнская слава» и «Медаль материнства» награждено 1 141 584 женщин [17]. Проблема финансового покрытия возросших расходов, связанных с выплатой пособий матерям, была решена путем введения налогов на холостяков, одиноких и малосемейных граждан. Налогоо-

бложению подлежали мужчины в возрасте от 20 до 50 лет и женщины от 20 до 45 лет [18].

Определенной вехой, продолжившей формирование системы социального обеспечения материнства и детства, стало принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1956 г. «Об увеличении продолжительности отпусков по беременности и родам», в соответствии с которым был принят новый порядок установления и выплаты пособий беременным женщинам, одиноким и многодетным матерям.

Следует отметить, что выплата единовременного пособия осуществлялась при рождении ребенка, а ежемесячное — со второго года после рождения и до достижения им пятилетнего возраста. При этом выплата пособий не зависела от того, получала ли мать пособия на ранее рожденных детей.

Поддержка материнства и детства не ограничивалась только выплатой пособий; многодетные, неполные и малообеспеченные семьи получали также большое количество льгот, скидок, бесплатных услуг. Так, дети из перечисленных категорий семей бесплатно отдыхали в пионерских лагерях, здравницах, регулярно выезжали на экскурсии в другие города, получали безвозвратные ссуды и кредиты, качественное медицинское обслуживание и образование.

Таким образом, в послевоенный период произошла некоторая модернизация системы социального обеспечения. В сложившихся условиях предпринимались меры, направленные на смягчение прямых и косвенных последствий войны. Были созданы механизмы поддержки инвалидов войны, ветеранов, семей военнослужащих. Особое внимание государства было направлено на реабилитацию института семьи, материнства и детства, что соответствовало общенациональным задачам, стоящими перед страной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Быков, С.Г. В стенах Госплана / С.Г. Быков // Война. Народ. Победа. 1941 — 1945. Статьи. Очерки. Воспоминания / Сост. Ж.В. Таратута. — М., 1984. — Кн. 3. — С. 234.
2. Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг.: энциклопедия / Под ред. М.М. Козлова. — М., 1985. — С. 497.
3. Справочное пособие по социальной работе / Под ред. А.М. Панова и Е.И. Холостовой. — М., 1997. — С. 110.

4. Собрание Постановлений Правительства СССР (СП СССР). — 1942. — № 2. — Ст. 26.
5. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. — 8009. Оп. 21. Д. 61. Л. 94.
6. Там же. Л. 11.
7. Зезина, М.Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы / М.Р. Зезина // Вопросы истории. — 1999. — № 1. — С. 127.
8. Варывдин, В.А., Клейманович, И.П. Управление системой социальной защиты детства / В.А. Варывдин, И.П. Клейманович. — М.: Педагогическое сообщество России, 2005. — С. 32.
9. Там же. С. 34.
10. Зезина, М.Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы / М.Р. Зезина // Вопросы истории. — 1999. — № 1. — С. 128-129.
11. Там же.
12. Людские потери СССР в период Второй мировой войны. — СПб.: Блиц, 1995. — С. 41-42.
13. Там же. С. 131.
14. Социальное обеспечение и страхование в СССР: сб. официальных документов. — М.: Юридическая литература, 1972. — С. 572-573.
15. Там же. С. 575.
16. ГАРФ. Ф. Р. — 8009. Оп. 21. Д. 125. Л. 1-4.
17. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 31. Д. 2577. Л.11.
18. Социальное обеспечение и страхование в СССР: сб. официальных документов. — М.: Юридическая литература, 1972. — С. 576-577.

Е.А. Андрусенко

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СТАРООСКОЛЬСКОГО КРАЯ

Памятники археологического наследия являются неотъемлемой частью истории и культуры. Полностью или частично скрытые под землей следы существования человека содержат важнейшую информацию о древнем прошлом человечества, причем не только в глобальном плане, но и применительно к истории конкретного края. Изучение археологических памятников является важнейшей составляющей формирования исторических и краеведческих знаний.

Изучение памятников археологии на территории Курской губернии во многом связано с деятельностью Курской Губернской Ученой Архивной Комиссии, созданной в 1903 году. Результаты своих исследований Архивная комиссия публиковала в сборниках – Трудах Курской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Благодаря этим изданиям сохранилась бесценная информация о памятниках (в том числе и современной Белгородчины), в настоящее время уже утраченных [1].

Первой государственной археологической коллекцией в Курской губернии стала коллекция Курского губернского статистического комитета. В основном это были случайные находки, собранные его сотрудниками. Первым хранителем этой коллекции стал губернский секретарь Николай Иванович Златоверхников. Позже именно эта коллекция легла в основу губернского музея. Музей являлся составной частью Архивной Комиссии и был учрежден Курским губернатором Николаем Николаевичем Гордеевым в 1903 году. В открывшемся музее значительную часть экспозиции заняла археологическая коллекция, собранная во время экспедиций выдающегося русского ученого Дмитрия Яковлевича Самоквасова на территории Курской губернии. В палеонтологическом отделе музея размещались находки, сделанные, в том числе, и на территории Старооскольского уезда (фрагменты костей и зубы, челюсть мамонта) [2].

Первым профессиональным археологом, изучавшим древности в Старооскольском уезде, был Матвей Васильевич Васильков.

Матвей Васильевич окончил Московский археологический институт со званием ученого археолога, стал последним председателем Ученой Архивной Комиссии в Курске, просуществовавшей до 1922 года [3]. В 20-е годы был директором губернского музея.

В конце XIX века Курский Губернский Статистический Комитет составлял «Анкеты о памятниках древнего искусства». Понятие «Памятники древнего искусства» было достаточно широким и включало в себя следы древних поселений, курганы, старинные храмы и т.д. Васильковым был обследован подземный пещерный комплекс в селе Шмарное Старооскольского уезда и составлено его подробное описание. В анкетах о памятниках древнего искусства Курского Губернского Статистического Комитета за 1886 год сказано: «...В Старооскольском уезде в 4 стане, при с. Шмарном, в 2 верстах от него в меловой горе, обросшей деревьями, имеется пещера, в которую ведет небольшой спуск, пещера состоит из коридоров, один коридор приводит в церковь, при входе в которую представляются врата, поддерживаемые колоннами, из которых уцелела только одна. В стенах ее выдолблены углубления, а также высечены кресты» [4].

Работал В.М. Васильков в Старом Осколе и в 1923 году, когда на территории Нижней площади между уездным финотделом, бывшим собором и аптекой были обнаружены подземные сооружения, вырубленные в меловой скале: коридор и подвал [5]. Археолог пришел к выводу, что обвал произошел на месте подземных ходов Оскольской крепости.

В 20-е годы XX века археологические исследования на территории Старооскольского уезда вели и другие сотрудники губернского музея – Лев Николаевич Соловьев (профессиональный археолог), Владимир Матвеевич Васильков (сын М.В. Василькова, слушатель Археологического института в Москве). Главным образом это были археологические разведки с паспортизацией памятников, борьба со стихийным кладочислательством, постановка на специальный учет памятников гражданской и церковной архитектуры [6].

Археологические исследования на территории края в конце 20-х – начале 30-х годов были напрямую связаны с экономическим развитием региона, в частности, успехом ученых в исследованиях залежей КМА. В январе 1925 года выдающийся советский ученый Иван Михайлович Губкин сделал отчет Президиуму ВСНХ СССР об окончании исследовательских работ на КМА. С

1930 г. начались буровые работы. Первая бадья с рудой была поднята в 1933 году. Для того, чтобы обеспечить доставку железной руды Коробковского месторождения на Липецкий металлургический комбинат, необходимо было проложить железнодорожную ветку. С целью выявления, учета и изучения памятников археологии в зоне работ по сооружению железнодорожной ветки от Старого Оскола до села Коробково Курской области Государственной Академией Истории материальной культуры (ГАИМК) была организована экспедиция под руководством Константина Григорьевича Болтенко [7]. Константин Григорьевич Болтенко – советский археолог, исследователь скифской культуры, аспирант ГАИМК, научный сотрудник Государственного Эрмитажа возглавляла Оскольскую экспедицию, которая начала свою работу в 1934 году. Работал в составе экспедиции также старший научный сотрудник археолог и этнограф Василий Степанович Адрианов.

С целью ознакомления с историческим окружением разрушаемых памятников экспедиция Болтенко должна была выйти за пределы полосы отчуждения. Необходимость этого особенно остро встала тогда, когда выяснилось отсутствие литературных и архивных данных о памятниках, находящихся в Старооскольском районе. Маршрутная разведка в долине р. Оскол выявила пять пунктов отдельных находок. Затем была произведена разведка с целью определения стратиграфии и характера культурных отложений поселения у села Лукьяновка, раскопан курган у села Лукьяновка. Следы культурного слоя были найдены около сел Каплино, Бор-Малаявинка, в слободе Казацкой. Наиболее полно было изучено Лукьяновское поселение [8].

Лукьяновское поселение было расположено на склоне левой надпойменной террасы Оскольца. Экспедицией было вскрыто 116 кв. м., площадь поселения была частично разрушена железнодорожной насыпью. Памятник был отнесен к донской лесостепной срубной культуре (кон. III тыс. до н.э.). Раскопана была одна полуземляночная постройка, собрана коллекция керамики, типичной для срубной культуры, с разнообразной орнаментацией (линии, зигзаги, меандры, ромбы, треугольники), некоторые сосуды были инкрустированы белой пастой. Основные находки – изделия из кости. Найдена была также литейная форма для отливки украшений. Материалы раскопок хранятся в Государственном Эрмитаже. В самом селе Лукьяновка, около школы, при

устройстве площадки для разъезда еще до приезда экспедиции был снесен курган. Около северо-западного края села располагалась группа из 9 курганов. Экспедицией был изучен один (местные жители называли это место «Пьянов курган») высотой около 2 м, диаметром 20-25 м. Под курганной насыпью было найдено два детских погребения эпохи поздней бронзы. Из инвентаря были найдены сосуды, находившиеся в погребениях.

В дневнике К.Г. Болтенко содержатся записи, представляющие интерес для изучения современного музейного собрания: «Ввиду дождя приходится работать в музее, зарисовывая и фотографируя археологическую коллекцию Старооскольского краеведческого музея. Вещи не имеют паспорта, поэтому происхождение их неизвестно, однако все они найдены случайно» [9].

Из дневника руководителя экспедиции видно, что активное участие в экспедиции принимали и сотрудники музея. К отчету прилагались фотографии и опись предметов, входивших в археологическую коллекцию Старооскольского музея до Великой Отечественной войны.

Экспедиция Болтенко стала самой значимой в довоенный период на территории Старооскольского края. В 1935 году Константин Григорьевич Болтенко был арестован НКВД СССР, осужден за контрреволюционную троцкистскую деятельность, приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. По отбытии срока в 1944 году был освобожден из мест лишения свободы, но к профессиональной деятельности больше не вернулся [10].

Василий Степанович Адрианов вошел в историю отечественной археологии как автор раскопок Усть-Полуйского городища (Ямало-Ненецкий автономный округ), позволивших собрать уникальную коллекцию (около 18 тыс. предметов I тыс. н.э.), хранящуюся в Музее антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге. В 1936 году В.С. Адрианов был арестован органами НКВД по обвинению в участии в деятельности контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР 19 декабря 1936 года был приговорен к высшей мере наказания, и в тот же день приговор был приведен в исполнение в Ленинграде [11].

Исследования края надолго прервала Великая Отечественная война. В послевоенные годы археологическое изучение края возобновилось. В 1958, 1959 годах был органи-

зован Оскольский палеолитический отряд от Института археологии Академии наук СССР и Белгородского краеведческого музея под руководством Павла Иосифовича Борисковского. Постановка работ отряда была связана с костенковской палеолитической проблематикой. Как известно, основным материалом, которым пользовались палеолитические обитатели Костенок — памятника, называемого в мировой археологии «Жемчужиной русского палеолита», — был темный меловой кремь. Многолетние поиски месторождений этого кремня по течению Дона выше и ниже Костенок оказались безрезультатными. И в середине 50-х гг. XX века выдающийся советский ученый-археолог Павел Иосифович Борисковский решил произвести широкомасштабную разведку в поисках предполагаемых месторождений этого кремня по рекам Осколу и Дону вплоть до Валук. Эта грандиозная разведка П.И. Борисковского была единственной за всю почти 130-летнюю историю изучения костенковских памятников, и вклад ученого в решение этого вопроса является самым значимым.

Свои работы отряд начал с окрестностей Старого Оскола. В этой работе большую помощь оказывали преподаватели геологоразведочного техникума, местные краеведы. В фондах музея хранится письмо с благодарностью всем оказавшим археологам помощь — директору Старооскольского краеведческого музея Александру Ивановичу Ефанову, заведующему кабинетом минералогии геологоразведочного техникума Николаю Михайловичу Рождественскому (первый директор Старооскольского краеведческого музея) и многим другим [12].

За два года палеолитический отряд исследовал районы сел Верхнечуфичево, Котеневка, Монаково, Прокудино, Нижнечуфичево, Сорокино, Хорошилово, Терехово, Пушкарской, Стрелецкой и Гуменской слобод. В результате были обнаружены стоянки на левом берегу р. Оскол, в районе села Правороть, найдены случайные находки, в том числе зернотерка, изделия из кремня, фрагменты костей мамонта. Наиболее существенные находки, а также следы палеолитических и неолитических кремневых мастерских были обнаружены южнее по течению р. Оскол, на территории современных Алексеевского и Валуйского районов [13]. Позднее результат двухлетних работ отряда вошел в монографию П.И. Борисковского «Очерки по палеолиту бассейна Дона» [14].

Долгое время археологические исследования в Поосколье ограничивались разведоч-

ными работами. В 1960 году в результате работ Скверо-Донецкого отряда под руководством Светланы Александровны Пленевой было обнаружено селище позднего бронзового века на краю села Ивановка [15]. Селище того же периода около села Сорокино было открыто Воронежской лесостепной скифской экспедицией в 1973 году под руководством Виктора Викторовича Килейникова [16].

Весомый вклад в изучение Поосколья внес Анатолий Григорьевич Николаенко — педагог из села Волоконовка, руководитель краеведческой группы «Алан», он на протяжении десятков лет проводил археологические изыскания в Поосколье. Проводя разведки в 1982 и в 1983 годах, А.Г. Николаенко открыл поселения эпохи Раннего железного века около сел Ивановка, Казачок, Нижнеатаманское, Новиково; пункты древней металлургии Салтово-Маяцкой культуры около сел Ивановка, Долгая Поляна, Шмарное. Благодаря работе А.Г. Николаенко было паспортизировано 18 памятников археологии на территории Старооскольского района [17].

Следующий шаг по изучению древней истории Поосколья был предпринят в 2008 году археологами Воронежского государственного университета. Исследовалась курганная группа у села Владимировка. Экспедицией руководил доктор исторических наук, заведующий кафедрой археологии Воронежского государственного университета Александр Павлович Медведев. Изучаемый памятник представлял собой группу из 5 курганов, располагавшихся на восточной окраине с. Владимировка, вдоль асфальтовой дороги, проходящей рядом с птицефабрикой «Приосколье». Все курганы расположены по восточному краю высокого мыса, образованного рекой Боровая Потудань и ручья Грязная Потудань. По свидетельству местных жителей, еще несколько курганов, включая один очень крупный, до 4 м в высоту, были срыты при строительстве птицефабрики. Все сохранившиеся курганы распахивались длительное время.

Экспедицией были исследованы два могильника из сохранившихся курганов. Раскопки производились с помощью бульдозера в соответствии с общепринятой методикой исследования земляных курганов. Под курганными насыпями были найдены 8 погребений и инвентарь, относящиеся к позднему периоду среднедонской катакомбной культуры. Среднедонская катакомбная культура — одна из культур катакомбной общности. Датируется приблизительно 22-

18 веками до н.э. Территория расселения носителей культуры – лесостепь от Волги до Северского Донца. Найденные погребения и инвентарь (сосуды, украшения, оружие) позволили приоткрыть еще одну страницу древней истории Оскольского края [18].

В настоящее время археологическое наследие Старооскольского городского округа включает в себя памятники разных эпох: от палеолита до периода раннего средневековья. Всего на территории округа 36 паспортизированных, находящихся под охраной государства объектов: стоянок, селищ, городищ, могильников, курганов, пунктов древней металлургии [19].

Следы древних стоянок и отдельные находки свидетельствуют о пребывании человека на территории современного Поосколья еще в эпоху верхнего палеолита. Люди палеолитической эпохи использовали, главным образом, кремень, реже – кварцит. Найденные кремневые отщепы, пластины, нуклеусы, резцы, проколки, ножи, а также находки обработанных костей свидетельствуют о том, что берега Оскола были обитаемы 40 – 35 тыс. лет назад. Частые находки костей крупных животных позволяют предположить, что здесь были также места охоты древних людей.

Наиболее древние стоянки – дюнные поселения эпохи мезолита (XII – VI тыс. до н.э.) – известны в устье реки Убля. Основными находками мезолитической эпохи являются так называемые микролиты – мелкие кремневые пластины различной формы, имеющие острые края, которые служили наконечниками стрел, а также вкладышами из которых составляли лезвия орудий с костяной или деревянной оправой. Появление новых орудий труда было связано с изменением климата, а также флоры и фауны территорий, что привело к появлению новых форм и видов деятельности людей (индивидуальная охота на мелких подвижных животных, сбор растений и т.д.).

Характерным признаком эпохи неолита (V – III тыс. до н.э.) являются находки каменных топоров, изготовленных из мягких пород камня – сланца, песчаника, диорита с применением новых технологий – сверления, пиления, шлифования [20]. Каменные топоры использовались для рубки деревьев, обработки древесины, а в случае необходимости топор превращался в грозное оружие. Основным занятием людей продолжала быть охота, но наравне с ней существенную роль стало играть животноводство. Собираательство сочеталось с выращиванием злаков, однако стоянки были кратковременными и об-

работки полей в современном понятии еще не было. Поселения эпохи неолита на территории Оскольского края известны близ сел Сорокино, Нижнечуфичево.

Памятники эпохи бронзы представлены курганными группами, селищами около сел Сорокино, Шмарное, Нижнечуфичево.

Эпоха раннего железного века характеризуется отдельными находками предметов вооружения скифского облика (меч акинак, наконечники стрел, дротиков, копий) [21], а также предметами сарматской культуры (меч, фибула, удила и др.) [22]. История края в скифо-сарматское время наименее изучена и только новые экспедиции могут восполнить этот пробел.

Ярким свидетельством жизни людей в эпоху раннего средневековья являются памятники Салтово-Маяцкой культуры [23]. Носители Салтово-Маяцкой культуры – аланы (одна из крупнейших этнических групп Хазарского каганата), жившие в VIII – IX веках на территории Поосколья; оставили памятники, содержащие следы черной металлургии, – сыродутные горны для плавки железа. Пункты древней металлургии зафиксированы в районе сел Голофеевка, Ивановка, Казачок, Шмарное. Всего на территории Белгородской области известно более сорока аланских и болгарских крепостей, поселений и могильников, расположенных по берегам Северского Донца, Оскола и других рек.

Археологические памятники нашего края являются неотъемлемой частью культурного достояния Белгородской области. В настоящее время они стали частью не только исторической науки, но и современной культуры, наряду с памятниками истории, архитектуры, монументального искусства, охраняемыми государством. Сохранение историко-культурной среды – сложная и многогранная задача.

Согласно Постановлению правительства Белгородской области об охране археологического наследия Белгородской области, «объекты археологического наследия и их охранные зоны используются в целях развития науки, гуманитарного образования и культуры» [24]. Всесторонне оценивая значимость памятников археологии, можно сказать о многогранности интерпретационных возможностей археологического материала и использовании этих возможностей для всестороннего и гармоничного развития личности.

ИСТОЧНИКИ:

1. Кобылин А. Несколько сведений о каменных бабах // Труды курской Губернской Ученой Архивной Комиссии. Вып. II. – Курск, 1915. – С. 27-36.
2. Левченко В.В. Курский государственный областной краеведческий музей. – Курск, 2000. – С. 9.
3. Щавелёв С.П. «Дело краеведов в ЦЧО» 1930 – 1931 годов. – Курск, 2007. – С. 12.
4. Анкеты о памятниках древнего искусства. 1886 г. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 101. Л. 5, 5 об.
5. Самсонов В. Прошлое старых городов Курской области / Прошлое Курской области. – Курск, 1940. – С. 47.
6. Щавелёв С.П. «Дело краеведов в ЦЧО» 1930 – 1931 годов. – Курск, 2007. – С. 12.
7. ГАИМК. Ф.2. Оп.1. 1934 г., Архив № 178, Л. 34 – 35. (копия).
8. ЛОИА Ф. № Р I, Архив № 2169 (копия).
9. ГАИМК Ф.2, Оп. 1, 1934 г. Архив 180. Дневник № 3., Л. 30 – 31. (копия).
10. memory.pvost.org/pages/boltenko.html
11. www.mvk-yamal.ru/yamal/ssledovатели_YA-mala/VS_Adrianov/
12. СОКМ КП 17032
13. Отчет о работе Оскольского палеолитического отряда в 1959 году. Архив ИИМК 1959, Ф.35, Д. 151. (копия).
14. Борисковский П.И. Очерки по палеолиту бассейна Дона. – М.,1963. – С. 166-194.
15. Археологические памятники Белгородской области. Вып. 2. Государственный список №1 (регистрационные №№ 456 – 680). – Белгород, 1993. – С.18.
16. Там же.
17. Археологические памятники Белгородской области. Вып. 2. Государственный список №3 (регистрационные №№ 681 – 800). – Белгород, 1995. – 19.
18. Медведев А.П. Предварительный отчет о раскопках курганной группы Владимировка – 1 в Старооскольском районе Белгородской области. 18.09.08. (копия).
19. Археологические памятники Белгородской области. Вып. 2., Вып. 3 – Белгород, 1995.
20. СОКМ КП 52, 507, 508, 1091
21. СОКМ КП 12037
22. СОКМ КП 9130
23. Винников А.З., Синюк А.Т. По дорогам минувших столетий. – Воронеж, 1990. – С. 229.
24. Постановление правительства Белгородской области Об охране археологического наследия Белгородской области № 55-пп от 4 июня 2004 г. // Белгородские известия – 2004. – 22 июня.

В.В. Юдин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЫТА И ПРАВОВ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА РОГОВАТОЕ XIX В.

Повседневность – это естественная жизнь крестьянина в каждодневном тяжелом земледельческом труде, с постоянной заботой об устройстве быта, пропитании, отдыхе своей семьи. В этой обыденности заключена суть жизни, и потому она очень сложна в исследовании. Крестьянский быт сам по себе весьма консервативен. Веками укоренившаяся привычка жить так, как жили деды и отцы, препятствовала изменению образа жизни. Появление каких-либо новшеств рассматривалось как нарушение установленного Богом миропорядка. Поэтому мы можем, не боясь ошибиться, рассматривать быт роговатовских жителей на протяжении XIX века как неизменный, постоянный. Тем более, что предметный мир русских крестьян был сравнительно единообразен на всей территории России, особенно это касается сельскохозяйственных, ремесленных орудий, транспортных средств, предметов обстановки и убранства жилища, что объясняется схожими природными и климатическими условиями, земледельческим типом крестьянского хозяйства. В опубликованных исследованиях нашли подробное отражение те или иные стороны старого деревенского быта [1]. Наша цель – на основе источников дать краткий обзор некоторых сторон традиционного быта жителей села Роговатое, подчеркивая местные особенности.

Как и в старые времена, жилось в селе Роговатое привольно. По-прежнему село окружал густой лес Роговатовский: «...лес растёт строевой дубовый, осиновый, березовый, между коими и дровяной». Дичи всякой было вдосталь: «...волки, лисицы, зайцы, хори, горностаи. Птицы тетерева, куропатки, соловьи, чижи, щеглы. В полях перепёлки, жаворонки, дикие утки, журавли» [2]. И хотя ближайшая речка Боровая Потудань «весьма мелкая, глубиною бывает в пол аршина, шириною в одну сажень», но «в ней плотва, щуки, окуни и пескари, кои употребляются для господского, однодвор-

ческого и крестьянского обиходов» [3]. В то время в оврагах и логах было множество источников с ключевой водой, откуда люди брали питьевую воду, а те, у кого родниковой воды под рукой не было, предпочитали довольствоваться «большей частью из рытых колодцев на горах». Хотя, как отмечали современники, «вода же, находящаяся в колодцах, солоната на вкус и очень груба. Вымытые ею волосы становятся жестки..., впрочем, она здорова» [4].

Все владения Роговатовской общины со времени проведения Генерального межевания были определены, обозначены межами. Помимо пашни и земли под усадьбами, во владении государственных крестьян села Роговатое на 1888 год было (в дес.): сенокосов луговых – 230, сенокосов степных – 205, выгонов – 360, кустарников – 500, неудобье – 534, лесных угодий – 864,9 [5]. Площадь «дворовых усад» занимала 508 десятин или примерно 554 гектара. Нетрудно высчитать и средний размер участка на один двор – 0,66 га на одну усадьбу. Земские статистики Нижнедевицкого уезда утверждали, что на одну усадьбу в с. Роговатое в среднем приходилось 1,27 гектара. Такие расхождения связаны, по всей вероятности, с неопределенностью (разным пониманием) терминов «двор», «усадьба», «хозяйство». Однако, принимая во внимание эти цифры, можно допустить, что в рассматриваемый период времени площадь участка усадьбы колебалась в указанных пределах. По данным тех же земских статистиков на одно хозяйство в среднем приходилось: хата, клеть, два амбара, сарай, погреб, хлев, колодезь, ограждение двора и ворота. Все постройки по ценам того времени оценивались в 250 рублей [6]. Естественно, это средние цифры, ибо состав и характер каждого хозяйства в развитии выявить невозможно.

В XVIII веке угроза военного нападения сошла на нет, что привело к изменениям в планировке усадьбы, к уменьшению высоты и массивности ограды и позволило отодвигать хозяйственные постройки и дом к краю двора. Но окончательно дворовая ограда не исчезла, она просто превратилась в глухую наружную стену сараев, дома. Двор окружался плетнём, плетеными сараями, омшаниками и амбарами. В усадьбах зажиточных хозяев было зачастую два двора. «Чистый» ставили около дома, там находились амбары, ледник и сарай. На «грязном» всегда строили хлев, овчарню, свинарник, курятник, конюшню. Под навесами прятали плетеные ясли, разный инвентарь, повозки.

С крестьянским двором связано множество различных поверий, и прежде всего поверье о том, что там живет «дворовой» — хозяин хлевов, конюшен, покровитель скота. Этот невидимый в обычное время дух может показываться людям в виде маленького старика, покрытого косматой шерстью. «Дворового» крестьяне воспринимали как идеального хозяина. Якобы он всю ночь и весь день хлопочет по хозяйству, заботится о лошадях, коровах и овцах, помнит о всех хозяйственных мелочах. Особенно любит лошадей. Любимую лошадь дворовой старается накормить, напоить, почистить скребницей, вплетает ей в гриву серебряные колечки и подвески. Если же лошадь не нравится дворовому, то он может её сгубить: катается на ней всю ночь, пока она не выбьется из сил. Крестьяне старались не обижать дворового, так как, по поверью, дворовой, любящий хозяина, принесит дому счастье и удачу. Нередко его задабривали каким-либо подношением, например, подсолненным куском хлеба, который клали во двор. При переезде в новый дом дворового пытались переманить с собой, говоря ему: «Дворовой, дворовой, не оставайся тут, а иди с нашей семьёй».

Основное деревянное строение крестьянского двора — изба. Жилищем сельчанина обычно являлась двухкамерная или трехкамерная постройка, состоящая из белой избы (или черной избы) и сеней, связанных друг с другом в единое целое общей крышей. Площадь строения была небольшой, постройки «в 8 аршин кругом» были характерны.

Потолок избы представлял собой «подволоки», или специальную «подшивку», набранную из колотых пополам бревен, плотно пригнанных друг к другу «в закрой». Стыки потолочин дополнительно тщательно конопатились, промазывались глиной, а на чердаке поверх потолочин насыпался слой земли. С появлением простейших потолков увеличилось неудобство во время топки печи «по-черному», дым теперь стлался гораздо ниже, чем при сводчатой кровле. Стал получать распространение переходной вариант от курной избы к избе с печью и трубой, такие варианты встречались в селе Роговатое вплоть до 70-х годов XX века. Суть этого варианта заключалась в том, что от печи, расположенной в заднем углу, устраивался горизонтальный дымоход из гончарных труб, вставленных одна в другую и уложенных на две жердины. Крепились жерди одним концом в печи, другим — в стене. Дымоход («бандырь») проходил через всю избу над головами людей и выходил в сени над дверью или около неё. В сенях над

отверстием дымохода устраивался вертикальный дымарь, выводящий дым наружу. Изготавливали его из двух выдолбленных и связанных половин древесного ствола. Естественно, что такие избы в первую очередь появлялись у зажиточных хозяев. Ведь, кроме средств на устройство дымоходов, нужно иметь большое количество дров, а заготавливать эти дрова приходилось не просто вручную, а с помощью только одного топора. Обычное для современного языка выражение «нарубить дров» для того времени было буквальным. Дрова нужно было не только нарубить, вывезти из лесу, но и разрубить на части, высушить. Всё это отнимало очень много времени и сил и заставляло весьма бережно расходовать топливо. Печь с трубой и топка «по-черному» дают весьма ощутимую разницу в использовании калорийности дров (по крайней мере, вдвое). И пока в быту сельских жителей не появились в достаточном количестве фабричные пиломатериалы, сохранялась топка «по-черному». По замечаниям современника середины XIX века (1848 год), «...у прочих помещиков и государственных крестьян избы большей частью деревянные, черные (курные) и белые... Кирпичных и каменных нигде нет. Попадаются дома о двух, трех и четырех комнатах у зажиточных. Но уже у всякого есть деревянная изба с земляной завалинкой, подле — рубленные либо плетённые сени» [7].

Крыша избы, как правило, двускатная, крытая тёсовой дранью. Соломенные кровли были редкостью. При относительном обилии лесов солому как кровельный материал применять было невыгодно, не говоря о том, что еще её ценили как зимний корм для скота. Дешевле и проще было покрыть крышу тёсовой дранью. Однако без лубяной подложки деревянная кровля была неэффективна, а такого материала как раз и не хватало. Заготовка подложки осуществлялась весной, в период движения соков, из определенных пород молодых деревьев (чаще всего липовых), что приводило к гибели насаждений. Своё распространение соломенные кровли нашли в начале XIX века, когда были значительно истреблены леса, окружающие село. До второй половины XIX века крыши покрывали соломой «в раструс» и «снопиками». А с 80-х годов XIX века — «под глинку» (для большей пожароустойчивости).

С распространением оконных стёкол в избах сельских жителей всё чаще появляются «косячатые окна» размером 60х60 или 60х70 см. Оконная коробка крепилась на стенах с помощью косяков и имела, кроме

боковых, ещё верхний косяк и подоконник. Она «стеклилась» кусочками стекла или слюды разной формы и размера. Поначалу в избе устраивали одно «косячатое» окно, остальные же оставались волоковые: «В одной стене волоковое окно четверти в полторы длины и ширины с деревянной задвижкой. В той же стене просто окно со стеклянной рамой, зиму и лето закопченное» [8]. В тёмное время суток у бедных лучина освещала избу. У тех, кто зажиточней, — каганец с бараньим или говяжьим салом, постным маслом, иногда свечи. В последней четверти XIX века для освещения избы стали использовать коптилку — льняной фитиль, вставленный в пузырёк с керосином. Горящий фитиль был лучше лучины, но очень сильно коптил. От этой копоти в избе было всё черно: стены, потолок, одежда и сами люди. С 1890 года в избах жителей стали появляться 3-линейные керосиновые лампы заводского изготовления. Света от лампы стало гораздо больше, а главное — исчезла копоть. И хотя себестоимость освещения жилища керосиновой лампой для крестьянина значительно выросла (если для освещения избы фитилём бутылки керосина хватало на 2 недели, то лампой — на 2-3 дня), люди оценили преимущество ламп: и сами стали чище, и изба светлей. Современники по внешнему виду детей в земской школе замечали, где изба освещалась фитилём: «люди были грязные, и в школе смеялись из грязных детей, и дети краснели, и, придя домой плакали».

Внутренняя планировка жилища изменилась мало. Из сеней, обычно с левой стороны, находился вход в избу. В избе левый, ближний от двери угол — передний, «святой» или «красный угол». Здесь устраивалась божница — главное украшение дома. В этой части избы отмечались все важнейшие события в жизни семьи. Большая часть мебели продолжала составлять часть конструкции избы и была неподвижна. Вдоль всех стен, не занятых печью, тянулись широкие лавки. Предназначались они не только для сидения, но и для сна. В зависимости от места расположения, лавки имели свое название. «Длинная», или «долгая», — вдоль боковой стены, насупротив печи; «красная» лавка — по фронтому. В «красном углу», под образами — стол, на стенах — полки для посуды. Параллельно печи делались полати — наслаждение и место отдыха русского мужика. Отсюда вечно выглядывали головы ребятишек со всклокоченными волосами и с красными глазами от едкого дыма, особенно утром, когда разжигали печь. Около печи обыкновенно стояла дёжа (квашня) для вы-

печки хлеба и светец для вкладывания горящей лучины, а под лавками — кадочка с квасом и лукошко для сажания насекомых. Домашняя мебель состояла, в лучшем случае, из табуретов о трех ногах. Столовая посуда, по большей части, деревянная или глиняная. Миска, большая тарелка или блюдо, несколько ложек, крашенных или простых, половник деревянный и высокая деревянная солонка составляли всегдашнюю принадлежность крестьянского стола. «Иметь поливную каменную чашу, деревянные крашенные ложки да жестяную кружку считается роскошью. Запросто едят из деревянной чаши, самодельковыми ложками, пьют деревянным корцом» [9]. Столовый нож, большая железная вилка-двойчатка для доставания мяса из горшка, косарь или толстый, довольно тупой нож для щепления лучины и выскребания стола находились в каждой избе. Кухонная посуда для приготовления пищи была представлена несколькими глиняными горшками разной величины, одного или двух чугунов, одной или двух сковородок с рогаками, кочергою, чепельником и помелом. Особенности варки в глубине русской печи обусловили специфическую форму керамических горшков с широким горлом, узким плоским дном и сильно вздутыми боками, что давало возможность максимально использовать жар печи, где топливо находилось на одном уровне с сосудами. Поскольку жар сохранялся в глубине печи, горшки задвигались туда при помощи рогака или ухвата. Некоторые хозяйки пользовались катком, по которому прокатывали ручку, чтобы не держать на весу тяжелую посуду с пищей.

Пол избы был земляной, плотно утрамбованный и сверху смазанный толстым слоем глины, смешанной с соломой. Такой пол назывался «земь».

Хотя большинство изб состояло всего из одной комнаты, негласная традиция предписывала соблюдение определённых правил размещения для членов семьи, чтобы в избе с большим или меньшим удобством размещались 7-8 человек. Это достигалось благодаря тому, что каждый член семьи знал своё место в общем пространстве. Мужчины обычно работали и отдыхали днем на мужской половине, включавшей в себя передний угол и лавку около входа. Та часть избы, где находилась судняя лавка, всегда считалась женской половиной, и заходить туда мужчинам без особой надобности считалось неприличным, а посторонним — тем более. У устья печи был «бабий кут», т.е. угол, где готовили пищу.

Места для сна также были строго распределены: дети, парни и девушки спали на полатах; хозяин с хозяйкой дома — под полатами на специальном настиле или лавке, к которой придвигалась широкая скамья; старики — на печи. Нарушать заведенный в доме порядок не полагалось без крайней необходимости. Человек, его нарушающий, считался не знающим заповедей отцов. Этикет предписывал гостю, вошедшему в избу, оставаться в первой половине у дверей, до матицы. Нищий или незнакомец, войдя в избу, вообще присаживался у входа и только по особому приглашению проходил вперед и садился на лавку близ переднего угла. Подобные правила поведения строго соблюдались и составляли определённую часть крестьянской культуры взаимоотношений.

У многих хозяев напротив тёплой избы пристраивался «обедник» — изба без печи, в которой летом обедали и хранили пожитки. С увеличением численности семьи во дворе, поодаль от дома ставили небольшие холодные постройки — «клетки» или «пуньки», рубленные из мелких бревен или плетенные и обмазанные глиной, служившие кладовой и летней спальней. В них летом, а нередко и зимой, под шерстяными попонами (дерюгами) или тулупами спали мужья с женами, особенно молодые. Тут-то поверяла жена мужу, а муж жене все тайны своего сердца — горе и радость, досаду и неудовольствие на привередливого свекра и ворчунью-свекровь. В домах, где жила большая семья (хозяева-родители, незамужние дочери, женатые сыновья с жёнами и детьми), клеток было несколько. Здесь хранилось личное имущество невестки, её приданое — всё уложенное в сундуки, расставленные вдоль стен. Обиходные домашние вещи раскладывали на широкие полки или на грядки — длинные шесты, протянутые от одной стены до другой. Ключ от клетки находился у владелицы, и никто из членов семьи не имел права войти туда без её разрешения.

Множество обрядов было связано с постройкой новой избы. Например, нельзя было ставить избу на месте, где пролегла дорога, так как в этом случае хозяину, по поверью, грозила скорая смерть. Нельзя было начинать постройку «в тяжелые дни» — понедельник, среду, пятницу и воскресенье. В эти же дни нельзя переходить в новую избу. Можно было это делать только «в легкие дни», какими считались вторник, четверг и суббота. Хорошо начинать постройку, «когда наполняется месяц», после новолуния или под этот день. Повсеместно был распространен обычай: при заклад-

ке избы в передний угол окладного венца класть монету, «чтобы богато жилось», в остальные три угла — клочок шерсти, горстку зерна и кусочек воску. При переходе в новый дом соблюдались определенные обряды. К порогу приколачивали подкову или под порог вбивали старую железную косу, которая была почти незаметна, но каждый входящий задевал ее ногой. Это делалось, чтобы зараза не вошла в избу. Прежде чем переселиться в неё, вносили кошку, и она должна была провести там ночь. По поверью, кто первым переселится в новый дом, тот скоро умрет. Вещи можно было переносить и раньше. Самим к ночи переезжать не следовало, нужно это делать рано утром, с рассветом или даже «до-свету». Первым входил хозяин с квашней и иконой в руках, за ним — хозяйка с курицей, дальше шла молодежь. Счастливыми днями для новоселья считались двенадцатые праздники. Удачей считалось переселиться под полнолуние, чтобы жилось полнее. Перебираясь на новое место, хозяева обязательно приносили дрова из старой избы, «чтобы было теплее», захватывали с собой горшок с жаром (с углями из старой загнетки), тем самым приглашая домового перейти вместе с хозяевами в новое жилище. По поверью, домовый — дух, покровитель семейного очага — жил под печью или за ней.

По определению земских статистиков на среднюю семью государственных крестьян из восьми человек приходилось четыре душевых надела земли, т.е. под посевом было около 10 десятин. Современники свидетельствуют, «почва земли в Роговatom есть жирный чернозем, приносящий в хорошие годы обильный урожай трудолюбивому земледельцу. От этого крестьяне села Роговatom живут довольно зажиточно, имея хороших лошадей и достаточное количество другого домашнего скота» [10]. Мы уже упоминали, что на душевой надел крестьянина приходилось несколько участков земли в зависимости от качества почвы, от степени разнообразности рельефа и удалённости земель от усадеб. Разному качеству этих земель соответствовала и разная урожайность. Как отмечает современник, урожайность «бывает противу посева в лучшие годы рожь и овес в 8, греча в 6, в посредственные годы рожь и овес в 6, греча в 4, а в худые годы рожь и овес в 4, греча в 2 раза. Прочий же хлеб родится посредственно» [11]. В описаниях хозяйственной деятельности употреблялось выражение «сам» и цифра, которая означала, во сколько раз объем собранного урожая был больше объема посевного материала.

Судя по цифрам, рожь в «хороший год» давала земледельцу до 14 центнеров с гектара. Из технических культур возделывались лён и конопля. Как пример, распределение посева культур в Роговатовском обществе на 1888 год: рожь и пшеница — 1727,2 дес., овёс — 1016 дес., просо — 826,4 дес., гречиха — 508 дес., конопля — 37,2 дес., оставалось под паром — 2235,2 дес.

Самой выгодной в хозяйстве зерновой культурой была озимая рожь — она составляла основу продовольствия сельского жителя и залог его благосостояния. Если к зиме в хозяйстве имелось два-три одонья ржи в запасе, то хозяин был спокоен: семья его голода знать не будет, да ещё и на продажу останется. Рожь отличали наиболее надежная урожайность, рациональность затрат труда на её возделывание. Пшеницу роговатовцы сеяли мало, «потому что для нея нужно хорошо удобрить и вспахать землю, а они на это ленивы и в оправдание своей лениности говорят, что пшеница не уродлива» [12]. Обвиняя селян в лениности, очевидец явно лукавил. Возможно, они относились к посеву пшеницы осторожно, с опаской, но на их стороне был вековой опыт предков. Недаром жители того времени говорили, что рожь была лучше «на пищу всякого другого хлеба».

Из яровых культур аналогичное место занимал овес, шедший «к содержанию лошадей». Он же был в крупах «лучше и прочнее всякого хлеба». Самое главное его достоинство в глазах крестьян — стабильность, хотя и сравнительно невысокая урожайность. Овёс неприхотлив, а стало быть, растёт и на «плохих», безнавозных, не удобряемых землях. Унавоживать землю у роговатовских мужиков очень долгое время было не принято. Во-первых, мешала сравнительная отдаленность полей от жилья. Во-вторых — чрезполосность. Никто не хотел удобрять своего поля, зная, что при очередном переделе оно достанется соседу. Они говорили, что «не земля родит, а небо». Отчасти это выражение оправдывалось тем, что неистощимое плодородие земли при обильных дождях давало весьма хороший урожай.

Гречиха активно использовалась крестьянами с целью улучшения плодородия полей, так как густая листва ветвистой гречи подавляла вокруг все сорняки, что для роговатовских черноземов играло большую роль. Кроме этого, гречиха, будучи отличным медоносом, поставляла к столу сельчан вкусный и душистый мёд. Хозяев, имеющих 50-100 ульев, было в селе довольно много. И в благоприятное лето, при хорошем уро-

жае гречихи, пчеловодство приносило крестьянину дополнительный доход: 1 пуд мёда стоил 3 рубля серебром [13].

Коноплю преимущественно сеяли на хорошо унавоживаемых огородах возле дома, а иногда в поле на низинах и там, где летом были овчарни. Сеяли её в небольшом количестве и, в основном, для домашнего употребления. Лён же в этих местах был «мал ростом и не волокнист».

Овощеводство прибывало на уровне «подспорья» к основному занятию. «В огородах сажают капусту, редьку, свеклу, огурцы, лук, чеснок, морковь, ... картофель по малому количеству» [14]. Необходимо отметить, что со второй половины столетия производство картофеля станет доходной статьёй в хозяйстве и неизменным продуктом на столе селянина. Способствовали этому мероприятия властей по обязательной посадке картофеля в качестве страховой меры на случай неурожая. В ходе реализации этих мероприятий у государственных крестьян изымались под картофель особые участки на лучших землях, а в случае неповиновения «ослушников» облагали дополнительными поборами и повинностями. Нередко это вызывало недовольство крестьян (так называемые «картофельные бунты»).

Нет сомнения в том, что метеорологические условия влияли и влияют на степень урожайности, повышая или понижая её. Погода в наших краях всегда была непостоянна. Внезапные переходы от тепла к холоду и наоборот — далеко не редкость. Ветры дули почти постоянно, сильнее всего в осеннее и весеннее равноденствие. Грозы летом случались довольно большие и начинались иногда с марта. Чаще всего дожди бывали в мае-июне, особенно в мае, почти ежедневно. Такое изобилие дождей бывало главной причиной неурожая. Град выпадал летом довольно часто и причинял много убытков земледельцам. В Воронежской губернии очень большой неурожай имел место в 1811 году, когда, как писал современник, «... бедный земледелец помогал нужде своей травой лебедью». Но поскольку земля была менее истощена, то и неурожай всё же случались реже и по своим последствиям были не так разрушительны, как начиная с середины XIX века. По рассказам крестьян, «... раньше выйдешь сеять в поле босиком, тепло стоит, жаворонок поёт, а там, гляди, дождь пойдёт, дня через 3-4 зеленыя появляться. Теперь же вёсны стали холодные, дуют северные ветры и холод продолжается до Николина дня (9 мая ст. ст.), а потом вдруг засухой захватит и, когда подойдет уборка

хлеба, непременно дожди начнут тебе мешать» [15].

Самым тяжёлым в памяти жителей села Роговатое остался 1891 год, получивший название «Голодного». В тот год случилась засуха. Ни весной, ни летом не было ни одного дождя. Озимые выгорели от жгучего солнца, а яровой клин не засеяли, так как в сухую землю семена бросать — напрасный труд. В итоге осенью убирать было нечего. Трава на выгонах выгорела, скотину кормить стало нечем. Поля стояли чёрные. Мале́йший ветерок поднимал клубы пыли. В начале августа по решению сельского схода начали рубить кустарники на корм скоту. Целиком был вырублен лес в Заскочном. По оврагам и логам на лозинах обрубали все ветви. На корм скоту пошли соломенные крыши сараев и амбаров. Из-за нехватки кормов упали цены на мясо. Хорошая овца стоила 2-3 рубля, корова — 12-15 рублей. Лошадей отводили на бойню за 1-3 рубля, так как конину не ели, считалось «великим грехом». Но резко выросли цены на хлеб: мука ржаная стоила 1 руб. 85 коп. за пуд, пшено — 2 рубля. Зимой из общественных магазинов стали выдавать по 20 фунтов (8,2 кг) зерна на душу в месяц. Из-за массового забоя скота мясо солили и ели как хлеб, но без хлеба и мясо — не еда... К весне 1892 года хлеб в общественных амбарах закончился полностью. По решению Нижнедевицкого земства в Роговатом открыли три пункта бесплатной раздачи горячей пищи для нуждающихся: готовили крупяной суп и давали 400 грамм хлеба. Весна выдалась на редкость тёплой, шли умеренные дожди, природа ожила, на выгонах появился корм для скота, ожили и люди. Но озимые были очень и очень плохие из-за малого высева семян, а овса и гречихи совсем не было. По полям одна лебеда росла. Каждый хозяин стремился засеять каким-либо зерном своё поле. Яровой клин засеяли просом, в озимом подпахивали погибшую рожь и также высевали просо. Погода благоприятствовала всходам: стояло тепло, шли дожди, и вскоре просо «...шумела по полю как камыш, ростом в пояс, а волот до земли висит. Люди не чаяли как можно скорее убрать её. Когда начала созревать, то при маленьком ветре начала осыпаться, так осыпалась, что некоторые полосы были земли не видать от проса. Народ начал косить по ночам, но ничего не пособляло, всё равно просо сыпалось. Но скосили и убрали благополучно. Умолот этим годом проса был от 2 до 3 цн с 1 копны, а на десятине ставили 15-20 копен. Урожай достигал более 300 пудов с десятины»

(Из воспоминаний Г.И. Хадеева). Год 1892 вошёл в историю села Роговатое как «просяной» [16].

Сроки высева и уборки урожая были целиком во власти традиций, как по отношению к озимым, так и к яровым. А впрочем, об этом лучше современника не расскажешь. «Жители пахут землю большей частью сохой на лошадях. Порядок хлебопашества производится таким образом: 1-е. С начала открывшейся весны под яровой хлеб пахут и боронят. Потом сеют и ещё запахивают и боронят. 2-е. Пахут и боронят июня месяца в первых числах под озимый хлеб и оной начинают сеять августа в первых числах и сев оканчивают в половине сентября месяца, а потом и ещё запахивают. 3-е. Пахотные поля, по снятию хлеба, отдыхают год под перелогом, в продолжение которого времени на тех полях пасут скот, от чего земля унаваживается и бывает хлебоборнее. А более, по тучности земли, ничем не одаб्रивают. Из вышеписанного посеянного хлеба поспевают к снятию озимой июля месяца в первых, а яровой в последних числах или в августе месяце, и оной хлеб жнётся серпами, а в неурожай, по редкости хлеба, косится косами. Гречу жнут или косят косою с граблями, горох же теребят, а лён и конопля берутся руками из корня. По сжатии всякий хлеб, во-первых, вяжется в снопы и кладется в копны, а мак срезают ножами головки и трясут из них семена прямо в кадушки. И тот хлеб свозят с полей на гумна, который складывают в одонья. Потом в потребное время кладут в овины и, высушив, молотят. Вымолоченный, для очищения от пыли веют, отвозят на мельницы для молотья» [17].

Как видим, основным орудием обработки почвы для земледельца являлись соха и боро́на, изготовленные в своем хозяйстве. Соха неглубоко пахала землю и благодаря своей пружинящей конструкции легко обходила корни, которыми изобиловали пашни этого края. Бороной разбивали комья земли после вспашки и заделывали семена после посева. Наиболее распространенным орудием уборки хлебов был серп, с насечкой и гладкий. С конца XVIII — начала XIX в. для уборки хлеба стали применять косу-стойку или косу-литовку. Часто хлеб для удобства косили косой с граблями (крюк), который состоял из пяти тонких палок уменьшающейся длины (40-30-20 см), самая короткая из них находилась на наибольшем расстоянии от косы. Скреплялись они с косой особо выгнутой палкой. Это приспособление облегчало косьбу, особенно при высоких хлебах. Об-

молот зерна производили осенью, нередко и зимой. Всё зависело от того, как управится домохозяин с полевыми работами, и от количества рабочих рук в семье. Для хранения снопов, молотбы и веяния зерна в селе Роговатое строили рыги-клуни — это помещение обычно больших размеров, с низкими стенами и огромной, крутой, низко свисающей четырёхскатной крышей. Размеры такой клуни определялись потребностями хозяина, но обычно 6-8 метров в ширину, 30-40 метров в длину. Хотя могла иметь как квадратную, так и прямоугольную форму. Клуни-рыги заполняли снопами, привезенными с поля и уложенными в одонья (рожь, связанная в снопы и уложенная в копны в виде конуса). Одонья ставили на расстоянии 3-3,5 метра друг от друга для удобства проезда телег, груженных снопами, и обвевания скирд ветром. В обычное время ток, чтобы он не портился от непогоды, застилали соломой. Молотили в основном цепом. Хлестание и околачивание снопов применяли, чтобы получить посевное зерно и целую солому (сторновку) для покрытия крыши и приготовления свясел (соломенных жгутов для связывания снопов). При хлестании снопом ударяли о край бочки, колоду, ступу, бревно. При этом в бочку или на подстеленный холст падали самые крупные и тяжелые зерна. Оставшееся мелкое зерно выколачивали цепами. Молотили в четыре, шесть, восемь цепов и мужики, и бабы, и даже дети старше 12 лет. При молотбе снопы выстилали вдоль всего тока в два ряда колосьями в середину, один к другому («волоть к волотью»). Молотильщики, встав в два ряда, друг против друга, ударяли сперва по колосьям одного ряда, двигаясь в сторону, а потом, возвращаясь назад, били по колосьям другого ряда. Затем поворачивали снопы и опять так же молотили, после чего развязывали снопы и ещё раз выбивали. При ударах цепов соблюдали определённый ритм, чтобы не мешать друг другу.

Обмолоченное и провеянное зерно хранилось в амбарах, где вдоль стен делали ящики для хранения зерна, называемые «закрома». Каждый заком имел свое назначение: под рожь, под овес и т.д. Амбары ставили на улице, на невысоких фундаментах (дубовых чурках — «подвалах», «подвалки»), каждый хозяин против своего дома — «на глазах», во избежание воровства. Амбар составлял необходимую принадлежность каждого деревенского двора. Лишь самое захудалое бедняцкое хозяйство обходилось без этого строения. Амбар, поставленный «на века», закома которого полны зерна, ассоцииро-

вался у крестьян с богатством. Недаром говорили: «Есть в амбаре, будет и в кармане». В основном же, у справногo мужика имелось по два-три амбара с крепкими замками.

Для хранения овощей и других продуктов питания делали погреб-яму глубиной до трех метров. В одном углу оставляли отверстие для спуска по лестнице, а остальное закрывали бревнами и засыпали землей. Нередко над ямными погребами ставили шалаши или плетеные курени.

Скотоводство в нашем крае имело наиболее благоприятные условия для развития. Численность домашнего скота в крестьянском хозяйстве определялась главным образом кормовыми ресурсами — летними пастбищами и сенокосами. Для сравнения, если в Воронежской губернии на начало XIX века в среднем приходилось на 100 человек 358 дес. сенокосных угодий, то в селе Роговатое на 100 человек — 490 дес. [18]. Хотя количество сена, снимаемого с десятины покоса, — величина не постоянная, но, тем не менее, в скирдах каждый хозяин заготавливал на зиму как минимум пудов 200-250 сена. В крайнем случае использовался так называемый гуменный корм — овсяная и просяная солома, колос, мякина, отруби.

Хорошая лошадь считалась одним из главных богатств земледельца: «Мужик без лошади что дом без потолка», «Без коня — не хозяин». По свидетельству современников, «лошади в иных многоземельных сёлах ... Роговатом довольно хорошие, крепки, сильны и доброезжи. Рогатый скот мелкой породы и беден на молоко. Свины в этих местах нехороши породой, они мелки ростом и не дают большого тука при выкормке на убой» [19]. Из построек для скота у жителей были сараи — холодные постройки со стенами в виде забора. Иногда сараи представляли собой просто навесы без бокового ограждения. На летнее время использовали «ворок» — загон для скота, выгороженный внутри двора. Овец разводили в большом количестве потому, что они поставляли в дом и мясо, и кожу, и шерсть.

Всё женское население крестьянской семьи занималось изготовлением домотканого полотна. Начиная девочка работать с 7 лет и «пока глаза не закроются» — по местному выражению. Почти в каждом крестьянском дворе ткали сукно для собственного употребления. Сукно изготавливалось из шерсти простых овец осенней стрижки, т.е. самой грубой, на тех же станках, на которых ткались и остальные крестьянские полотна. Работа производилась преимущественно осенью и весной. Полотно изготов-

ливалось для домашнего употребления и на продажу. Село Роговатое славилось своими кустарями. Так, на всероссийской выставке кустарных производств 1882 года в Москве жительница села Роговатое Евдокия Пашкова награждена почетным отзывом за изготовленные шерстяные чулки и носки. Бронзовой медалью награжден Аверьян Колесников за изготовление очень качественного зипуна из белого сукна [20].

Каждая девушка, выходя замуж, получала в приданое от родителей сундук с её собственным добром. Больше крестьянская женщина ничего не получала ни от мужа, ни от отца или брата на свои наряды, на свечи в церкви и так далее. Эти деньги, от 3 до 10 рублей в год, она должна была зарабатывать сама приготовлением холста. Со стороны мужчин только хлопоты по подготовке земли под посев конопли и сам посев. Для изготовления холста применялась мелкая конопля (посконь), количеством поскони определялось и количество приготовляемого холста. Посконь вымачивали, толкли в ступах на мельницах, мяли на ручных мялках, пряли на обыкновенных прялках, а потом уже приступали к изготовлению полотна. Полотна ткали на обыкновенных крестьянских станках шириною в пол-аршина. Роговатовская волость поставляла на продажу до 10 000 аршин как толстого (мешочного), так и тонкого (рубашечного) холста. Кроме того, в селе Роговатое готовили очень много рядна. Сбывалось полотно и рядно на всех местных ярмарках, в Воронеже, в Старом Осколе. Купцы брали полотно от 6 до 9 копеек за аршин, а рядно — по 4 копейки. С этих доходов в пользу ткачихи приходилось от 1 до 3 копеек за аршин. Искусная ткачиха, работающая с расчетом и постоянно, могла заработать от 80 до 100 рублей в год. Но это исключение. Обычно женщина в семье зарабатывала продажей всего до 15 рублей в год, не считая полотна на домашние нужды. Такой заработок считался очень хорошим, стоящим того, чтобы им похвалиться: «...мы-де, рукодельницы, и у мужиков, что нужно по нашему бабьему делу, ничего не просим, лишь бы они-то нашего не пропивали» [21].

В селе Роговатое, единственном в уезде, признавалось право наследования замужней дочерью усадебного участка родной семьи. Эта характерная черта однодворческого населения корнями уходит в природу четвертных прав на землю. Но, допустим, вдова не может владеть двумя усадьбами: одной — после смерти мужа, а другой — по праву наследования по смерти отца. За ней оста-

валось право выбора любой усадьбы и право свободной продажи другой кому-либо из односельчан [22].

Предки наши вставали рано. Утром — с восходом солнца, осенью и зимою — за несколько часов до света. Вставши ото сна и помолвившись, умывались холодной водой, «завтракают хлеб и оставшиеся от вчерашнего холодное кушанье, а потом с веселостью принимаются за свою работу» [23]. С утра женщины не успевали вытопить громадную русскую печь и ограничивались приготовлением холодного завтрака.

Пища наших предков определялась традиционным характером сельскохозяйственного производства, имевшим зерновое направление, и больше была растительная, чем мясная [24]. Тем более, что одним из важнейших регуляторов потребления продуктов питания были посты. Церковь предписывала воздержаться от потребления мяса, масла, молока, яиц во все постные дни недели, каковыми считались среда и пятница. Помимо этих двух обязательных дней постились по желанию и в понедельник. Кроме того, существовали ещё длительные посты, приходившиеся на наиболее голодные зимнее и весеннее время. Пост на Рождество продолжался шесть недель. Великий пост перед Пасхой — семь недель. Петровский и Успенские посты были менее длительными. По подсчетам современников, сельские жители, строго придерживающиеся православных обычаев, постились примерно 8 месяцев из 12. И тем не менее, «... деревенский люд чрезвычайно силен, крепко сложен, в высшей степени легко переносит жары и морозы, готов лежать зимой в снегу, довольствуясь почти исключительно сухим хлебом и квасом... Солдат и крестьянин в постный день считает за вполне сытое блюдо ... смесь овсяной муки со свежей водой, доволен и здоров» [25].

Благодаря запискам современников мы можем ознакомиться с подробным меню наших предков: «В зимние посты ... кислая капуста с квасом, хреном, луком и солеными огурцами занимает первое место в столе здешнего поселанина (т.е. жителя села Роговатое). Редька с солью или тёртая с квасом, картофель с огурцами и с квасом, горох разварной или обваренный и толченый с квасом, каша с квасом, а у более зажиточных — с конопляным маслом. Приготавливают и щи из кислой капусты и квашеных бурakov, но без масла они бывают весьма невкусны, и по ним, как говорят, хоть кнутом вдарь, пузырь не вскочит. Иногда делают сырое сложеное тесто из ржаной и гречишной муки

и пареное, называемое кулагою, или приготавливают из овсяной муки толочно, также парят саламату, которую едят с конопляным соком или с квасом. В летние посты варят щи из свекольной ботвы и молодой капусты. Собирают в лесу грибы и варят их в кашницу или в щях, пекут пироги из ржаной муки с грибной начинкой, а когда поспевают земляника и клубника, то варят гречишные вареники из этих ягод. Зелёный лук, чеснок и молодая редька в это время употребляется в пищу в большом количестве. В Успенский пост обыкновенно едят свежие огурцы, дыни, арбузы, щи из свежей капусты или свеклы, молодой картофель и кашу, больше пшеничную, чем крупяную. Во время сенокоса и уборки хлеба в постные дни едят кулеш или жидкую кашницу, а иногда тюрю (хлеб, накрошенный в сильно разсолённую воду или квас).

В скоромные дни по будням едят щи с салом или со свежиною (свинина), молоко, в которое крошат ржаной хлеб, едят кашу с молоком или салом. В праздничные дни летом некоторые режут молодых баранов, поросят, кур, мясо которых большей частью употребляют вареное, нежели жареное. А бедняки довольствуются теми же щами с салом да, если есть корова, молоком. Естественно, были и такие семьи, где большую часть года едят постные щи и хлеб с водой. Для них куриное яйцо составляет редкое лакомство, мясо же им достаётся отведать только в дни разговления. К годовым праздникам, особенно к Рождеству Христову, Светлому Воскресению, также к храмовому празднику, выкармливают на убой свиней, бычков и разную птицу.

Любимым блюдом, составляющим предмет угощения, считается яичница на молоке или с салом, а также курица, налитая яйцами, и на масленице блины гречишные и блинцы пшеничные с маслом, творогом и сметаной.

Из овощей на зиму заготавливают больше всего капусту, бураки и картофель, также редьку, репу, огурцы, морковь. Солят арбузы, мочат груши и яблоки, или груши сушат, а яблоки кладут в хлебные скирды, откуда достают их уже зимою, когда станут молотить хлеб. В продолжение лета солят и сушат разные грибы. Запасливые хозяйки собирают орехи, калину, которую употребляют в пищу, приготовленные из неё и из муки жидкое пареное тесто кулагою.

К годовым и престольным праздникам варят брагу, довольно сладковатую на вкус и несколько хмельную. По праздникам или во время свадьбы, похорон, крестин и т.п.

пекутся особые ржаные маленькие хлебы, называемые пирогами, но без всякой начинки, а только помазанные сверху свиным салом или коровьим маслом, в постные же дни толченым конопляным семенем. Во время обеда и ужина за стол садятся только мужчины и старухи, а молодые женщины едят стоя, очередная же приспешница или, как здесь называют, денщица, вместе с другими не ест, а, накормив всех, садится обедать одна» [26].

Традиционная русская одежда XVIII-XIX веков хорошо известна и описана этнографами [27]. Нам нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе. Однако вплоть до начала XX века в селениях юго-восточной части Староосколья сохранялись отличия в языке, одежде и обычаях жителей. Это обусловлено историческими особенностями заселения данной местности. В архиве Российского Географического Общества автором обнаружены записки шаталовского помещика Алексея Харкевича, написанные им 8 декабря 1849 года. В них, помимо подробного описания жизни крестьян своего имения, есть несколько моментов, относящихся к описанию повседневного быта жителей села Роговатое. Так, А. Харкевич выделяет наряды роговатовских женщин, отмечая, что из всех селений местной округи такой наряд характерен только для нескольких сёл. Он пишет: «В Прогорелом, Россохах и Уколовых ходят девки в синих и зелёных из волосени сарафанах, расшитых кумачом и щелками. На головах повязки шитые шелком либо золотом с кисточками — очень красивые. На женщинах кички, покрытые тонким полотенцем на головах. Вместо юбок — панёвы, тканые из крашенной шерсти в узорах скатертей гарной работы, расшитые шелками и золотом, весьма нарядные и довольно дорогие. На шеях носят стеклярусы, бусы, корольки и сверлёные монеты. На руках перстни и кольца...» [28].

Далее автор даёт описание одежды: «Платье мужское летнее: в будни халат из волосени или валяный короткой, шляпа или шерстяная вязаная ермолка, рубаха и порты посконные. В праздник — чёрный поярчетый чекмень, саржевый красный кушак, поярчетая шляпа с литой пряжкой и павлиновым пером. У опрятных белые льняные рубахи и пестрядные порты. В Прогорелом — белые, в Россохах и Уколовых — серые и чёрные. Носят особого покроя кафтаны, похожие на старые подмосковные балахоны. Зимой в будни — полушубок из овчины, суконные штаны, рукавицы с варьгами, шап-

ки с ополушами и треухи (особого покроя, очень тёплые). Сверху полушубков надевают кафтаны. В праздник тулупы и то же что в будни, но поновее и лучше.

В Прогорелом, Россошах и Уколовых покрытые тулупы и кафтаны из сукна, особого покроя, в обтяжку.

Женское летнее: в будни посконная рубаха, красные из волосени либо шерсти мареною окрашенные юбки, на голове полотняный платок, девки повязываются по заплетённую косу. Коса до шелкова пояса густая и длинная считается большим украшением. В Прогорелом, Россошах и Уколовых женщины ходят в панёвах и кичках на головах, а девки в синих сарафанах без повязки на голове.

Праздничное: белые льняные рубахи либо коленкорая с полыми рукавами, хорошие из волосени вроде шелка, сотканые и окрашенные червецом, либо каламенская? (не разб.) юбка. Сверху китайчатый синий или зелёный кафтан. На голове сиреневый красный платок, есть и жёлтые платки. У девок в косах ленты и косички из шелковых шнурков. На голове узкая повязка маленьким шелковым платком.

Обувь: у мужчин сапоги, коты, поршни (из сыромятной кожи, род башмаков). У женщин башмаки. Зимой надевают лапти. Они легче сапог и удобнее просушиваются. Бедные круглый год ходят в лаптях» [29].

Как видим, мужская одежда в сравнении с женской более однообразна. Рубаху и порты носили повсеместно. Порты, обычно неширокие, недлинные, шились в деревне из холста, пестряди и набойки. Рубаху носили навыпуск и подпоясывали узкими или широкими поясами. В деревне пояс считался обязательной принадлежностью мужского костюма. Отсутствие его в одежде рассматривалось как серьёзное нарушение общепринятых правил поведения, как большой грех. Пояс (как и крест) считался признаком принадлежности его хозяина к христианской вере. О тех, кто не надевал пояса, говорили: «Ходит как татарин: без креста, без пояса». Как правило, мужчины носили кожаный пояс (сыромятный ремень) с пряжкой. К поясу крепился «гаман» кожаный (кошелёк), где хранили деньги, кресало и трут, гребень для расчёсывания волос бороды и головы. Зимой носили шапки «курпятчатые» (т.е. сшитые из овчины молодого ягнёнка), а также «шлычки» суконные с опушкой из белой овчины, которую иногда подсинивали, чтобы не так сильно пачкалась. Зимой и летом ходили в онучах и пор-

тянках в лаптях, только зимой на онучи надевали суконные чулки — «ногавки». Онучи изготавливали из грубого белого холста, черного, белого, коричневого сукна домашней выработки. Длина их колебалась от 1,1 до 3,7 м, ширина — около 30 см. Праздничные онучи были преимущественно белого цвета, перевитые красными или черными оборами. Современники отмечали, «...в праздничные и воскресные дни как крестьяне, так и крестьянки ходили в церковь, одевшись в лучшие свои платья, и в продолжение дня бывают довольно чисты и опрятны. Но в будни вам представится неряшество и неумытость в высочайшей степени» [30].

Отметим только, что в последующие десятилетия особых изменений покроя и видов одежды не произошло. По-прежнему она производилась в домашних условиях, правда, увеличивались издержки семьи на пошив и приобретение таковой со стороны в пределах 165 рублей.

Повседневную жизнь сельчан начала XX века можно себе представить по воспоминаниям роговатовской жительницы Д.И. Рожковой:

«В селе Роговатое проживала династия Фоминых («Микулиных»). Семья доходила до 20 человек. Размещались в главном доме, который занимал большую площадь, построен из дуба, четыре комнаты. Имелись сенцы, проходящие через всю стену, где дворная сторона. К боковой стене прирублена светлица (горница). Снаружи украшали резьбой карниз, ставни, которыми закрывали окна. К выходу имелось крыльцо. Внутри сенец — чулан, где находились продукты, замыкался замком, ключи носил дедушка Павел Ильич. Он был старший в доме, без его разрешения никто не мог производить работу и выходить из дома. В амбарах хранились крупяные изделия, мука в соломенных корзинах (кошелки плелись из соломы «старновки»), скреплялись лыками от липы. Внутри дома имелись полы — доски, уложенные в два ряда. В одном углу стояла печь, топили соломой и былками от подсолнечника. Надворные 2-3 избы, где готовили денщицы пищу, скоту корм, находился молодняк: телята, ягнята, поросята и другие домашние обиходы.

Двор огораживался клетями, сараями и забором. В клетях отдыхали зимой и летом женатые сыновья. Клетки не отапливались. За двором два амбара рубленные, крыты железом. В них хранилось зерно на еду и посев яровых культур, мука, просо, гречиха. «Поветка» круглая сделана из хвороста, в

летний период отдыхали взрослые девочки. «Половень» — в нем хранили сено. Сарай, рубленные, для содержания скота: коров 3-4 головы, молодняка крупно-рогатого скота 10-12 голов. Овцы находились в полевых стойлах зимой, а летом на пастбище на полевых станах в «Долбенске» и «Летягиной». Там построены избы, надворные постройки и базы для скота. Лошади 7-8 штук выполняли работу по вспашке, боронованию, перевозке урожая. Из копен складывали «одонья» около жилых помещений и рыгах: их было две, построены из леса, а крыты соломой до самой земли. В них исполняли работу — молотьбу в зимнее время, что не успевали летом. Исполняли работу на лошадях на маслобойне и крупорушке. Весь механизм вращали лошадьми. Дедушка Павел Ильич имел в своем хозяйстве конную молотилку, на которой работали по найму жителям села. Имели мастерскую для плотницких работ. В семье всё умели делать. Сыновья, снохи, зятья, дочери и уже были внуки, работали заодно. Деревянные работы выполняли для себя и по заказу жителей: строили телеги, сани для работы и выездные, хомуты, уздечки, дуги, шлеи и другой сельхозинвентарь.

У дедушки Павла Ильича и его брата Егора Ильича земли в достатке не было, они арендовали у жителей села, которые не могли обрабатывать землю сами. Обрабатывали вручную, тяпками пололи подсолнечник, руками дергали сорняк по зерновым. Во время весеннего сева не спали, вся семья находилась в поле. Метили участок соломой, раскладывая, чтобы видеть занимаемую площадь. В это время не садились на завтрак и обед, все делалось на ходу. Подросток бегал за «севарём» и на ходу давал ему перекусить. Ни одной минуты не упускали срока сева. Семена смывали водой, чтобы отделить сорняки. Инвентарь и тягловая сила все было в готовности.

Созревал посев, ещё больше было работ. Убирать посевы выходили все, оставался дома один человек. Если были грудные дети, брали с собой в поле. Для них устраивали колыбельки, вешали их на оглобли и укладывали грудных детей. К ним брали нянек (девочек кто повзрослей), смотреть за ребенком и варить обед рабочим, в основном, пшеничную сливуху с салом. Косили мужчины, вязали женщины. Складывали в кресцы по 13 снопов. Улаживалось четыре кресца, называлась копна — 52 снопа. Молотили цепами по 5-6 человек, а также на конной молотилке.

Примерно после 1913 года брат дедушкин Егор Ильич отделился со своей семьей и переселился в Преображенку. Дедушке Егору выделили скот, строительные материалы. В строительстве жилых помещений и надворных построек в Преображенке дедушке Егору и его семье помогали вся семья дедушки Павла. Быстро всё было восстановлено в хозяйстве Егора Ильича. Завели крупно-рогатый скот, овец, лошадей. Открыли свои торговые точки: лавки, трактир, чайную. В продаже имели всё, в чем нуждались жители. Арендовали землю у тех, кто не смог обрабатывать сам. Построили добротный дом, две избы, надворную постройку: сарай, рыги, клетки, амбары.

Труд в обеих семьях был тяжелым, работали без отдыха лето и зиму. Мужчины кормили скот, плели лапти из конопляного, из лыка (липы) для праздников («писанные»). Женщины готовили пищу для семьи, а в семьях было до 20-30 человек, воспитывали детей, пряли, ткали холсты. В ручную шили всей семье из холста верхнее и нижнее бельё, вязали чулки, ткали и пряли шерсть для понёв и зипунов, онуч и нагавок.

Из овечьей шерсти пряли и ткали сукно, отдавали специалисту валять, затем шили зипуны, чекмени. Вязали чулки, нагавки для женщин. Для мужчин готовили онучи, штаны, кундевки, распушники от холода с большим башлыком. Из тонкой шерсти пряли и ткали для сарафанов девушек, для женщин готовили понёвы, подпояски, которые украшались гарусом разных цветов. В большом наряде были валенки. Ходили в них даже летом. В большой праздник, это было почетно. Из овечьих шкур выделявали овчины, шили полушубки — фалдухи, в которой верхняя пола груди и вся пола строчилась на швейной машинке, и вшивался красивый ремешок. Это было для молодежи, девушкам невестам и молодым женщинам. Имели такие шубы мама, дядина жена и бабушкины дочери. Носили такие полушубки отец и дядя, а дедушка Павел носил шубу с «костречиками».

Отец и дядя одевались шикарно, вся одежда была красивой и дорогой, носили сапоги, в лаптях не ходили. У молодых женщин был очень выделяющийся наряд. В праздничные дни ходили на центр села, где собиралось много народа (улица), а также ходили в церковь. В нашей семье соблюдали праздники, не работали, соблюдали посты. Под Пасху в четверг поужинают, а в воскресенье рано утром разговляются, когда придут из церкви, принесут освященную

пасху, яйца, сало, творог, курицу, всё носили в церковь. Вся семья садилась за стол, молилась Богу, и дедушка Павел Ильич разрешал приступать к обеду.

Говели под Рождество, пока взойдет звезда, к ужину варили кутью из зерна или отвар из груш или яблок. Под Крещение («Свечки») не ели до обеда, пока принесут воду освященную. По приезду домой с Иордани дедушка брал воду и пучком, сделанным из соломы, освящал всю семью, жилые и надворные помещения, скот весь, птицу. Затем садились обедать. Готовили много разнообразной пищи: холодец, пекли блинцы, обжаренные окорока поросят, жареные гуси, курей, каша и др., квас, пироги. Становили ковш с водкой и вином. Приезжали дедушкины замужние дочери и зятья. Было очень весело в большой семье, да с внуками. Под Новый год, Рождество вечером колядовали ряженые. Молодежь в дома приходила, поздравляли хозяев с праздником, желали им иметь большую семью, много скота, птицы и др. Одаривали их салом, вином, деньгами. На Масленицу пекли блины, устраивали горы — обливали водой. Этим вопросом занимался дедушка Павел Ильич, так как они жили под вершком. Всю неделю гуляли, катались с горок на больших санях, на пучке соломы, салазках, «донце-калганках» вся дедушкина семья. Это был обычай. Катались по селу на лошадях. На горках собирался народ — бились на кулачки. Приглашала теща на Масленицу зятьев с их семьями. Бабушка Даша готовила много пищи разной, в основном, блины и рыба. Варили из рыбы холодец. Мясные продукты уже запрещались. Собиралось много родни, около 30 человек, приезжали все на лошадях, отмечали праздник песнями, они умели петь песни. Зять Порфирий играл на жалейке, другие зятья пели зазорные песни.

Отмечался праздник Сергов День (Сергиев) — престольный праздник нашего села Роговатое — 18 июля. В связи с уборкой хлебов перенесли этот праздник на 8 октября, на окончание полевых работ. В центре села собиралась ярмарка. Приезжали с товаром из других сел и городов: зерно, сельхозинвентарь, пряжи и инвентарь к ним, гребни, гребешки для пряжи, упряжь для лошадей, кожи, овчины, сукно в готовом виде. Особенно было много кондитерских изделий: калачи, крашеные фигуристые пряники. Привозились и устраивались качели. Каталась в основном молодежь. На качелях было принято катать невесту накануне свадьбы.

Свадьбы дедушка Павел Ильич справлял богатые. Женил два сына и семь дочерей вы-

дал замуж. Свадьбы были очень веселые».

Вообще-то, роговатовские жители — своеобразные люди. Собранные сюда в XVII веке по царской воле и собственному хотению из городов и весей России, имевшие единое социальное происхождение если не всей, то большей своей части, одинаковые условия жизни в «степи», где основная работа — тяжелая военно-полевая служба с частыми отлучками, всё это из разнородной массы служилых людей постепенно сформировало особый этнографический тип — однодворцы, имеющий свои, только им присущие черты.

Первой особенностью, на которую обратил внимание этнографы, пожалуй, следует считать говор коренных жителей села. Повседневная деревенская речь даже в современных условиях урбанизации сохранила многие элементы прошлого. Любопытно, но старооскольцы и сейчас часто определяют «роговатовцев» по местному говору, имеющему массу фонетических особенностей. К примеру, звук «Я» господствовал в этом говоре, он заменял зачастую звук «А» (дочка, Ванька), звук «Е» в окончаниях местоимений произносился как «Я» (маяго, тваяго), при совпадении звука «К» со звуком «У» последний изменялся на «Ю» (чайку, дочку), местоимение «что» и «что ж» они произносили как «щё» и «щёж» и т.д. Местный говор отличался чрезвычайной растянутостью: «Громушка так дюжа грохнула, аж акошки задражали». Из-за этой особенности произношения в давнее время они и получили у жителей окрестных сёл прозвище «щекуны» или «талагаи», «галманы». Следует обратить внимание еще на одну особенность произношения, так называемое «кагоканье», за что сельчан именовали «кагокалами» или «ягунами» [31].

Для примера приведём образец говора жителей села Роговатое первой четверти XIX века:

«— Ванька, а Ванька! Запрягай чалага меряна у тялегу, да язжай у лес: вишь дров нетути.

— Нешта апричь мене некаму за дравами ехать? Мне некали!

— Ну гляди, будя табе зубы-та часать, ишь неслухменной какой! Зачнеш артачить-ца, так и дуром потую. Анадьсь ня ездил и теперича хошь измигульничать. Нябось у корогодя плясать дюжа ахочь, а за дравами ехать так ня хотца» [32].

Ещё один образец разговорной речи середины XIX века двух случайно встретившихся после базарного дня мужиков:

«— Здарова, дядя Алдоха!

— Здарова, радимай!

— Що, ай пашаницу вазил у горад?
 — А то щёжъ.
 — Ну, а почам отдавал?
 — Па десяти с двухгривенным, восемь у
 грябло.

— А наших рябят с пашаном видал щай?
 — Дядя Митяй сустревался на базаре, калачи ребятишкам уместя пакупали.

— Ну, милушка, паслал нам Господь сухмённая лета! Хлебушка у поля как варом паварила. Старики атрадясь не запомнят такой духаты — солнушка-та жаря, жаря, ажно не в сутерп приходя!

— Неча малвит-то, ягодка! Анады я был у леса: от полудень-та уж парила, парила, шо и Боже упаси! Я чаял, авось дожъ брызгня, да землю смоча, и пахатъ памякшая, ан нет!

— А слышал ли ты, дядя, що Емельку Пантюхинага у нашном с лошадьми паймали? Забрата была сивага мерина у Антохи, да малай-та спавхатилса и славил яго, закричал караул! Ребята сбеглись, да руки Емельки скрутили.

— Насилушка сцапали. Ионъ, чай, усех мужичькёв абваравал. Вот Ахрем-та, сердёга, через няго совсем апнищал: последнюю кабылёнку с двора свел падъ самый Середний Спас (Преображение Господне).

— А що, дядя, табе нябось, сына у в осени жанить нада? Малай-та и онъ у тебе знатнай, слухменай и к делу невсыпушной (неистовый). Невеста-та есть щой на приметья? У кумы Анютки расте девка, там хараша, що игрец ее зная: румяна словна калина, каса долгая, а песни наиграя так звонка да галасистая, у ва всём карагодя (хороводе) не найдеш. У домя и у поля мать за нею, как у Христа за пазушкою!

— Эх, ягодка, жанить-то нада, да года ныне плохи стали: скатинки залишний на убой нетути, хлебца тожа у в абрыв — рад бы прадать, да неча. А тут падушная да рекрутская савсем задавила, горя да й толька! А видна неминует, хоть пчёлку прадать, да жанить малага. Старуха-та мая дюжа плаха стала, лихаманка бье с самага вешняга Микола, извлялась как шшепка.

— Авось Гасподь паможа.

— Не што! Без Бога ни да парога» [33].

П.М. Малыхин — непосредственный свидетель и современник, лично исследовавший роговатовский быт, оставил уникальные свидетельства, в т.ч. пословицы, записанные в наших краях:

«С дураком водиться, блаже в крапиву садиться»;

«Хоть не книжен, да гладко острижен»;

«Не мудра голова, да кубышка полна»;

«С сыном бранись, за печку держись, с зятем бранись, за дверь держись»;

«Свою клячу как хочу, так и пячу»;

«Знают попа и в рогоже»;

«Голь мудра, нужда вежлива»;

«Воля и доброго коня портит»;

«Водка вину тётка»;

«С родимой стороны и собачка мила»;

«Коли дома не пекут, так и в людях не дадут»;

«Принялись за дело, как вши за тело»;

«Хоть рыло в крови, да наша взяла»;

«Возмёшь лычко, отдаш ремешок»;

«На старый хмель, хоть воды взлей, всё пьян будеш»;

«Не видишь — душа мрётъ, а увидишь — с души прётъ» [34].

Ф.А. Залогин, будучи учеником Воронежского духовного училища, записал в 70-х годах XIX в. в Роговатом 200 пословиц и поговорок:

«Аднаму кивнул, другому маргнул, а третий сам дагадайтца» (о небрежной молитве);

«Ванька, бей яйцо, лей вядро квасу — няхай люди завидуют што мы слатка ядим»;

«Всяка птица свайим носам кормитца» (всяк по-своему зарабатывает);

«Аржанайа каша сама себе хвалить: как бы йа была с маслом хараша»;

«Барана да саха собирають все дома; ба-лабайичка — гудок разаряить весь дамок»;

«В субботу три праздника: блины пякуть, в баню идуть и баб...» и т.д. [35].

В приведённых примерах мы видим в чистом виде местный территориальный диалект, где кроме фонетических особенностей присутствуют множество местных названий предметов, действий и качеств, относящихся к хозяйству и быту. Особенность языка роговатовского говора указана нами только в общем виде. Попытки поиска аналога такого диалекта в других областях России, привели исследователей к некоторым выводам.

«Однодворцы, живущие в Нижнедевицком уезде, вышли преимущественно из ближайших уездов Воронежской, Курской и Орловской губерний», — утверждал Г. Германов [36].

Ф. Поликарпов более категоричен: «Более других губерний дала для Нижнедевицкого края поселенцев ближайшая к нему Курская. Местные предания чаще всего упоминают её. Курские порубежники селились главным образом в западной части уезда, которая ... и в административном, и в церковном отношениях долгое время входила в состав Курской провинции и Белгородской епархии. Таким образом, связь заселенной

местности с Курским краем является вдвойне тесной: географической и этнографической» [37].

С.М. Кардашевский, проводя историко-лингвистические исследования местных диалектов, пришел к выводу, что в XVII веке приток населения в здешние края «шел главным образом с Курско-Орловской территории». При этом в составленном им «Курско-Орловском словаре» довольно обширный запас идиом, характерных для говора жителей села старшего поколения: аглаед, анады, анадысь, алырник, анчутка, аржаной, артачливый, аскрамётки, астамет, бузовать, балакать, белебенить, беремя, благовать, блекотать, блукать, близнята, брушадь, будылка, грахатать, и т.д. [38].

Проводя сравнительный анализ говора однодворцев южнорусских уездов Д.К. Зеленин утверждал, что в той или другой местности, с течением времени, сохранился и выжил говор и обычаи в одежде того большинства переселенцев, которое возобладаало в культурном отношении [39].

Известный собиратель диалектического материала Ф. Солодовников, характеризуя состав населения нашего края, говорил еще более «туманно»: «Здесь мы находим смешение племён, наречий и состояний» [40].

Действительно, местные территориальные диалекты характерны своими специфическими особенностями, которые сохранялись от поколения к поколению и представляли собой архаические отложения прошлых веков. Однако не совсем ясно происхождение и локализация термина «Курско-Орловский регион», ибо мест выхода первопоселенцев исследователи прошлых столетий не указывают и, вероятно, их не определяли. Обратимся к современным работам. В частности, историк-исследователь Оскольского края А.П. Никулов в своей диссертации значительное внимание уделял миграционным процессам [41]. Он утверждает, что в Оскольском крае «в приросте населения немаловажную роль сыграл приток мигрантов» [42]. На основе анализа источников исследователь установил, что в первой половине XVII века «основной поток переселенцев, несомненно, шел из центральных уездов: ... Белев, Болхов, Венев, Данков, Елец, Епифань, Крапивна, Коломна, Курск, Лебедянь, Мценск, Орел, Путивль, Романов, Рязань, Серпухов, Тула, Чернь, Ярославль» [43]. Направления оттока населения на юг и юго-восток, в основном, в города Белгородской черты — Воронеж, Валуйки, Короча, Царев-Алексеев, Усерд, Яблонев. При этом «отток служилых людей по прибору за пре-

делы уезда явно превосходил естественный и механический прирост» [44]. Мы знаем, что при заселении Новооскольского уезда часть приборных служилых людей была переведена из Оскольского уезда, в частности 50 оскольских полковых казаков.

Во второй половине XVII века, в сравнении с первой половиной столетия, прирост населения в Старооскольском уезде увеличился в 3,8 раза. Анализ сказок позволил выявить и основные районы выхода мигрантов — Белев, Елец, Епифань, Ефремов, Кромы, Мценск, Новосиль, Одоев, Орел, Чернь. Основная масса населения прибыла из городов Новосиля и Черни — 51,6 %. Направление оттока населения осталось прежним — это район Дона и Северского Донца [45]. В этот период, с 1651 по 1678 гг., определяются довольно устойчивые восточные границы между Старооскольским и Новооскольским уездами по рекам Оскол и Боровая Потудань. Тогда же основываются исследуемое поселение — Роговатое — и ближайшие к нему населенные пункты Старооскольского уезда: Хорошилово и Горнее (Архангельское) на р. Котел, Меловое на р. Мелавка, Верхняя и Нижняя Девица (в последующем уездный город) на р. Девица.

Как известно, заселялось поселение Роговатое представителями низшей категории служилых людей «по отчеству» и небольшой группой верстанных «приборных людей». Все они к тому времени были служилыми людьми Новооскольского уезда, «сведёнными» в Царёв-Алексеев из разных городов. К примеру, из 114 семей первопоселенцев за период с 1663 по 1682 гг. местом выхода имели города: Елец — 8, Ливны — 37, Михайлов — 2, Старый Оскол — 16, Чернавск — 6 и т.п.

Безусловно, в период освоения Юга России первые города заселялись служилым населением Тульской оборонительной линии. Так возникли Ливны, Воронеж, далее Елец, Курск, Белгород, Оскол, Валуйки. Вокруг городов возникали уезды, которые по площади и плотности населения были небольшие, из-за постоянной опасности вторжения и разорения поселений. В период строительства Белгородской черты её города-крепости также обустраивались населением Центральной России, но уже преобладали служилые люди близлежащих к черте городов. Так, в Новооскольском уезде находим компактно заселенные поселения ливенских сведенцев, оскольских сведенцев, елецких сведенцев, чернских сведенцев и др. После завершения строительства черты и образования Белгородского разряда заселение уездов пошло

более интенсивно. По выражению А.П. Никулова, «уезды расширялись как бы изнутри», возникали поселения в местах прохождения татарских саков, что ранее было практически невозможно. Определялись довольно устойчивые границы, правда, не без обид и многолетних споров. К примеру, как между Старооскольским и Новооскольским уездами, Старооскольским и Курским уездами.

Следовательно, термин «Курско-Орловский регион» условен и стал популярен в XIX веке, как, к примеру, «Центральное Черноземье» в XX столетии.

Вызывают сомнение выводы исследователя Ф. Поликарпова, что «связь заселенной местности с Курским краем является вдвойне тесной: географической и этнографической». По крайней мере, в период с 60-х годов XVII столетия по конец 70-х гг. XVIII в., т.е. собственно в период формирования культурно-этнографической идентификации местных жителей, исследуемое село Роговатое Новооскольского уезда и поселение Нижняя Девица Старооскольского уезда находились в составе Белгородского разряда, а затем и Белгородской губернии. Весьма противоречивым является утверждение Д.К. Зеленина, что «...с течением времени сохранился и выжил говор и обычаи в одежде того большинства переселенцев в эти края, которое возобладало в культурном отношении». Анализ миграционных потоков показывает, что какого-либо преобладающего большинства переселенцев в тот или иной южный уезд не просматривается. Видимо, нельзя согласиться и с соображениями Ф. Солодовникова о «смещении племён, наречий и состояний», ибо поселение заселялось преимущественно русскими людьми с уже устоявшейся культурой.

Однако все наши пространственные рассуждения не дают ответа на вопрос о сущности говора и иных этнографических особенностях жителей села Роговатое. Автор берет на себя смелость высказать свою точку зрения. Не влияние, не преобладание, а относительная закрытость, корпоративность сельского общества определили культурно-этнографический облик поселения. Ни корпоративное сообщество служилых людей XVII столетия, ни однодворческая община XVIII в., ни казенная община XIX в. не допускали в свои пределы пришлый элемент. Расширение сообщества села Роговатое происходило за счет естественного прироста. Сохранялись общерусские традиции языка, культуры, быта, но в то же время в условиях «закрытости» на протяжении десятилетий формировался

своеобразный роговатовский быт. Наши выводы обосновываются следующим: во-первых, устойчивостью фамильного состава населения, как в период заселения, так и в последующие два столетия; во-вторых, отсутствием помещичьего землевладения, когда важна не столь ценность земли, как крестьяне на этой земле, что предполагало покупку, продажу, обмен, т.е. постоянное перемещение населения; в-третьих, неизменность на протяжении двух с половиной веков земельного надела поселения в пределах 13 тысяч гектаров.

Такая «замкнутость» обеспечивала сохранность элементов общерусской культуры прошлого и выделяла некоторые фрагменты наиболее отчетливо, например, местный диалект, некоторые элементы одежды. Любопытно, что исследователи XIX века, описывая быт и нравы Нижнедевицкого уезда, чаще всего брали примеры обустройства жителей села Роговатое. Так, очерчивая облик нижнедевицкого крестьянина, в качестве примера брали «роговатовского мужика»: «Наружность здешних поселян следующая: рост обыкновенно средний, части тела пропорциональны между собой. Лицо по большей части продолговатое с несколько выдавшимися скулами. Волосы на голове и бороде более темно-русые, иногда светло-русые, а изредка попадаются черные. Глаза обыкновенно серые, невыразительные, ноги длинные, плечи широкие и вообще сложение крепкое. Но в движениях своих они вялы, в разговорах грубы и с виду, кажется, не обладают большими умственными способностями, хотя на самом деле не лишены их» [46].

Говор оказался более яркой отличительной этнографической особенностью, не подверженной какому-либо региональному влиянию. Есть, к примеру, «московское аканье» или «поволжское оканье», а в Роговатом — «щёканье» и «кагоканье», и данного произношения не отмечено ни в близлежащих селениях, ни в соседних уездах.

Отметим также некоторую особенность одежды роговатовских женщин, в частности, понёвы, которые имели свой, присущий именно этой местности узор вышивки. Понёва — набедренная одежда, надеваемая на рубаху, — шилась преимущественно из шерстяной клетчатой «домотканины» и укреплялась на поясе шнурком «гашником», выплетенным из шерстяных или льняных нитей. Известный этнограф XIX века Д.К. Зеленин отмечал: «В Нижнедевицком уезде, с его преобладающим однодворческим населением, крестьяне называют «панёвой», по

старой привычке, клетчатую черную юбку. Настоящая понёва, с прошвой, сохранились здесь только в селе Роговатом (Прогорелое тожъ)» [47].

Понёва являлась обязательной принадлежностью костюма замужних женщин всех возрастов. Они носили их и в будни, и в праздники, на поле, в огороде, дома. По понёве легко можно было определить возраст женщины, ее социальный статус: чем моложе женщина, тем богаче декорировалась ее понёва. Степень отделки вышивкой, ткачеством и другими материалами зависела от назначения понёвы и её принадлежности. «Старушечья» понёва делалась без так называемой «своски», т.е. без широкой полосы обмотки шерстью в месте сшивания полотнищ понёвы. На месте швов полотнища только скрепляют нитками, но не расцвечивают. Пожилые женщины носили темные понёвы без узоров, лишь отороченные по подолу узким пояском или обшитые гладкой тканью — «простушки». «Молодухи» же в течение трёх лет после выхода замуж носили «братые понёвы», т.е. понёвы, расшитые цветной шерстью на швах и по подолу. В селе Роговатое существовал целый набор понёв, надевание которых было строго регламентировано: «посигушка» носилась пожилыми в будни, «старушечьи полосы» — в праздники; «дурочка», «краснополоска», «частоклетка» носились в будни; «голоклетка» и «расшенацкая» носились «молодухами» в праздник.

Этнографы, исследовавшие быт жителей села Роговатое, отмечали факты, говорящие о том, что в изготовлении общих, одинаковых костюмов были заинтересованы женщины всего селения, что они стремились не допустить нарушения определённой традиции, складывающейся веками [48].

На протяжении всей истории села среди жителей распространен необычный обряд поминания усопших родителей — обычай «греть родителей», или «греть покойников». Исследователи подтверждают, что данный обычай является одной из этнографических особенностей великорусских однодворцев, чьи генеалогические корни уходят к служилому сословию XVI-XVII веков. Область распространения обряда в России ограничивается южными черноземными районами, значительная часть населения которых раньше состояла из однодворцев. Этнограф Д.К. Зеленин зафиксировал наличие обряда в некоторых селениях Курской и Тамбовской губерний. Он отмечал, что «... мы имеем дело со строго установившимся народным обычаем, отличающимся в разных

местностях только немногими мелкими чертами. Сущность обычая заключается в обрядовом жжении соломы или навоза, часто вместе с зерном и ладаном» [49]. Кстати, в ближайших к селу Роговатое поселениях такой традиции исследователи не отмечают.

Воронежский краевед-этнограф Ф. Поликарпов в конце XIX века отмечал, что «обычай греть «ножки покойникам» в Роговатом имеет название «жечь пурину». Совершается он здесь вечером под Новый год и под Крещение: село освещается «пламенем костров — то любящие потомки отогревают замёрзшие в крещенские морозы кости «родителей» (усопших предков)» [50]. В записках А. Харкевича находим: «В Рождественские святки, по утрам, среди дворов жгут скотский помёт во избежание падежей [скота] по их понятиям» [51].

Во время зимы, по народному поверью, покойники испытывают холод, мрак и тоску, поэтому накануне Рождества и Крещения жители жгут посреди дворов навоз и солому, в уверенности, что умершие родители в это время встают из могил и приходят греться. Все домашние при этом обряде стояли кругом в глубоком благоговейно-торжественном молчании и с тихой молитвой на устах. Название свое — «греть покойников» (т.е. умерших предков) — обряд получил от своей главной (по народному пониманию) цели: согревать усопших родственников, которые греются невидимо для присутствующих около обрядового костра. Материал для обрядовых костров — солома — самый распространенный материал в хозяйстве русского крестьянина. Что касается оригинального названия «жечь пурину», то оно равнозначно выражению — «жечь солому» («пуринь» — соломенная зола; соломенные головни, которые носятся по ветру клочьями на пожарах) [52].

Обычай имеет очень давнюю историю и связан прежде всего со святочными жертвами домовому, т.е. обрядовые костры с целью «греть родителей» были первоначально жертвами домовому как покровителю домашнего хозяйства. Сама личность домового и культ в честь его в духовной жизни русского крестьянства теснейшим образом связан одновременно и с сельскохозяйственным культом, и с культом предков. Замена личности домового на души умерших предков произошла под влиянием постепенной христианизации обряда. Вместо выражения: «греть поминки домовому-дедушке» стали говорить «греть поминки родителям», а потом ещё проще — «греть родителей». Эта последняя формула и породила соответству-

ющую картину для её объяснения: мерзнувшие в суровые святочные морозы души умерших предков начали являться к кострам, обогреваться. Для большего сходства с христианскими поминальными обрядами стали в горящие костры добавлять ладан. К тому же, на Великий четверг по народному календарю выпадает праздник в честь домового. Следы этого праздника отмечаются этнографами вплоть до середины XX века. Это и «прикармливание домового», «высматривание домового», обрядовые просьбы к домовому о том, чтобы скотина ходила домой, была здорова и т.д. Например, при переселении на новое место крестьяне, по обычаю, «приглашали» с собой домового и дворового, этих духов-покровителей жилища и двора. Хозяин брал с прежнего жилья золы, клал на блюдо меду, соли, хлеба и звал с собой домового жить в новую избу и охранять ее от всякой беды. Хозяин становился перед воротами двора, кланялся три раза в разные стороны и выкликивал: «Батюшка домовый и матушка домовая! Батюшка дворовой и матушка дворовая! Со всем своим семейством пойдемте к нам на новое жилище, с нами жить!». При этом брали горсть навозу со старого двора и перегоняли скот на новое место. Ибо без такого приглашения не оставит его домовый в покое в новом жилище: он будет бродить по ночам, тревожить живущих в доме ночными видениями и душить спящих, наваливаясь им на грудь [53].

В записях А. Харкевича находим еще одно свидетельство сохранения в селе Роговатое старинных обычаев: «В 1831 году, во время появившейся в первый раз ... в селе Прогорелом холеры, ...почти всего села бабы и девки, выйдя из послушания, собрались на площадь в одних рубахах с распущенными волосами и у каждой в руке чугунок, заслонка или что другое звенящее. Одна беременная (по здешнему — брюхатая) запряглась в соху, другая такая же управляла сохой, а третья беременная шла впереди с помелом. И таким образом опахивали плугом село [от] холеры. За ними шли все прочие с криком, шумом, визгом, звоном прогоняя и побивая из царства животных всё, что не повстречалось, в том предположении, что холера обратилась в животное. Никакие усилия не могли унять их! На другой день, когда из опахивальниц восемь женщин умерло, суеверие кончилось. А уже после того нигде не видал подобного опахивания, хотя под ведомством моим было несколько сёл и деревень, холерой пораженных» [54].

Зафиксированный современником обряд «опахивания» не есть результат якобы «ди-

кости нравов» жителей, это часть крестьянского быта, и в мировоззрении крестьян он имел глубокий смысл.

Когда в деревне появляется страшная смертельная болезнь, от нее надо огордиться, а чтобы сделать это, необходимо не только опашать деревню защитным кругом-бороздою, но надо эту болезнь вызвать, победить и сжечь. Беременная женщина, запряженная в соху не дикость, а символ — мать, вынашивающая ребенка, символизирует животворящее начало, способное победить смерть которую несет холера. Только целомудренные девушки, вдовы и беременные женщины с распущенными волосами (чтобы вызвать смерть), в белых рубахах, с защитными и смертельными атрибутами (кочерга, коса или рогатина) могли достойно исполнить этот обряд. Во время его исполнения лемех должен пахать на достаточную глубину, что было очень тяжело. Бабы, шедшие сзади, издавая неимоверный грохот чугунами и заслонками, страшно и неистово кричали, например: «Смерть, выйди вон, выйди с нашего села, изо всякого двора! Мы идем, девять девок, три вдовы. Мы огнём тебя сожжем, кочергою загребём, помелом заметём, чтобы ты, смерть, не ходила, людей не морила!». Мужики, тайно предупрежденные, сидели по избам тихонечко. И не дай Бог увидят бабы мужика — избобьют до полусмерти! А если встречалась во время опахивания кошка или собака, то и вовсе убивали и сжигали, ведь они воспринимались как оборотни холеры. В этнографии обряд опахивания известен и отправлялся в разных местах с некоторыми особенностями, но в главном содержании везде одинаково [55].

Естественно, большое влияние на общественные формы поведения оказывала церковь. Мерная череда церковных праздников — Рождество, Пасха, дни всевозможных святых — крестный ход, богослужения, всенощные и т.п. — призвана была сформировать определенное мировоззрение. Церковь старалась искоренить народные верования, обряды, обычаи или, по крайней мере, подчинить их требованиям культа. Ведь наиболее известные русские празднества — святочные игры, масленица и т.п. — внешне совпадают с датами церковного календаря, являются народными и языческими по своему происхождению. Праздники XVIII-XIX веков включали сплошь и рядом и церковную службу, и разного рода древние обряды и игры. Например, на Пасху «... после утрени на могилках катают яйца в знак христосования с усопшими, а после обеда дома для удовольствия и забавы бьются ими на битки...»

[56]. О церковных и не церковных обычаях сами крестьяне говорили: «Не нами это заведено, стало быть, нам нечего толковать, когда наши родители так делали». Считалось, что бороться с народными обычаями, если они не имеют безнравственного характера, не следует; нужно искоренять лишь те предрассудки и суеверия, которые являются жизненно вредными. «Самая вера простым народом воспринималась как совокупность церковных обрядов, связанных с разными крупными и мелкими событиями семейной и общественной жизни, причем пользование этими обрядами облакалось сплошь и рядом в суеверную форму», — писал известный деятель церкви [57].

«Под Новый год загадывают на суженных (женихах) и жарят «кесарецкого» (большого поросёнка года о двух целиком, подают на стол и ломают, что называется «рушить кесарецкого»). На Благовещенье Господне девушки с песнями собирают снег, воду из него берегут для умывания, чтобы были белы. На чистый Четверг до зари, пока ворона с гнезда не слетела, ходят на протоки и колодези умываться, чтобы лицо чисто было» [58]. На «семик» молодежь ходила на кладбище, собирала там цветы, плела венки и вешала на кресты молодым односельчанам, умершим неженатыми или незамужними.

Существуют в Роговатом и легенды о местных кладках. В частности, А. Харкевич одну из них передает так: «Как и везде по Южной России сказки одни и те же: от басурман хоронили кубышки с золотом, чистым серебром и дорогим жемчугом православные по полям, лесам, в дебрях и рвах непроходимых. Нередко разбойники награбленную казну скрывали в земле, в погребках, в кованых сундуках за двенадцатью замками. Замки открываются только разрыв-травой. Многие кладки заложены на сто голов. Вследствие этих убедительных причин есть много и здесь разрытых курганов. Но чтобы кто что нашел, не слышно.

Один унтер-офицер, здешний уроженец, во времена Потёмкина бывший на службе в Херсоне, подслушал разговор двух колодников, из коих один рассказывал другому: «Ну, когда бы Бог вынес меня отсюда, я пошел бы в Белгородскую провинцию, в село Прогорелое, там нашими удалыми ребятами зарыто много добра. В белой круче, около липы, в меловом кургане... Стало бы (хватило бы — Ю.В.) на детей, внуков и правнуков!».

Унтер-офицер пришел в отставку, пробовал найти добро сам, потом передал секрет

другим. Рыли много, по ночам, тайком от людей, но ничего не дорылись...» [59].

В подтверждение наличия кладов может служить еще одна байка о том, что в стародавние времена в село Роговатое ссылали на жительство всевозможных преступников. Возникновение этой байки уходит ко временам Пугачева, а то и еще ранее. А. Харкевич отмечал: «Против имени моего, между речками Боровой и Грязной Потуданей, есть перекоп — большой земляной с двумя рвами вал. Предание (впрочем тёмное) говорит, что его строил гайдамак Худояр (Кудеяр — Ю.В.) — грабитель, никого до смерти не убивавший. Он с шайкой зашёл с Дону, жил между слиянием речек болотных и камышовых, наказывал строптивых единоверцев, не щадил всех попавших ему татар. Потом вытесняемый стражей [он] кочевал опять на Дон» [60].

Накануне Крестьянской войны 1773-1775 годов в Центральной России неоднократно возникали крестьянские восстания. Так, за восемь лет до восстания Е. Пугачева, в 1765 году, произошли волнения воронежских однодворцев в Костёнском, Коротоякском и Воронежском уездах. Организатором этого движения был беглый ландмилицкий солдат-однодворец Гаврила Кремнев, объявивший себя императором Петром III: «... сей дерзкий человек, к нарушению обитавшего между нашим верноподданным народом спокойствия и тишины», не выдержав условий воинской службы времен Екатерины II, бежал. Некоторое время он скрывался, а вскоре, вместе с группой примкнувших к нему крестьян, неожиданно появился в селах Новосолдатка, Россоска Репьевского района, Оськино Хохольского района. Это очень недалеко от села Роговатое, примерно 40-50 км. Здесь, именуя себя «надёжаю государем», Кремнев объявил указ, в одном из пунктов которого говорилось: «Рекрут и подушных податей не будут брать».

Новосолдатский поп Лев Евдокимов давая показания на допросе, рассказывал о тех событиях: «... по приезде одного Кремнева в то село, слыша от него, что он будто государь и, почитая то за истину, становясь на колени и держа руку вверх, отогнув два перста, целовал крест и одного Кремнева руку... а потом служил молебны и на ектениях упоминал государя Петра Федоровича, а при окончании оных возглашал ему, государю, многолетие... Всем обывателям говорил, что Кремнев — подлинный государь, и он его знает и на руках носил..., к тому ж из одного села в другое посылал однодворцев, а сам ездил для объявления однодворцам,

чтоб учинили Кремневу встречу, становясь на колена» [61].

Народ заволновался. Слух о появлении «царя», который несет свободу, облетел окрестные сёла. В Новосолдатское, где обосновался Кремнев, стекался народ и присягал самозваному царю. Популярность крестьянского царя росла с каждым днем.

Эти волнения, охватившие Воронежскую и южные районы Белгородской губернии вызвали большую тревогу не только у местной, но и у центральной власти. По указанию Екатерины II для приведения их в повиновение были использованы войска. Готовящееся восстание было подавлено. Кремнев и его сторонники схвачены.

Как знать, не принимали ли участие в компании Кремнева жители села Роговатое? А не ходили ли вольницей с Кудеяром? В любом случае, слухи о новоявленном царе или разбойниках, обживавших ближайшие окрестности, доходили до однодворцев. Не здесь ли корни роговатовских легенд? В старые времена не только в одном селе Роговатое старики могли рассказать легенды об «удалых разбойниках»: везде в округе «кишмя кишели» эти удальцы и никому не было от них проходу и проезду, останавливали и конного и пешего, и купца и сермяжника... В народе всегда существовали легенды о несметных сокровищах, спрятанных разбойниками. Однако, кроме «преданий старины глубокой», других подтверждений нет.

Всякий год открывался праздником Крещения Господня. Подготовкой к нему являлся строгий пост в канун праздника: до первой «вечёрной» звезды пожилые люди полностью воздерживались от еды и стояли весь день на молитве. Даже дети и подростки старались ничего не есть.

Женщины мыли и скребли избы, тщательно выметали сор, в котором по поверью мог спрятаться чертёнок. Вечером, по возможности, все отправлялись на службу в церковь. По окончании службы совершалось великое водосвятие.

Главным торжеством на Крещение в селе Роговатое являлось «хождение на Иордань». В головке лога, к востоку от церкви, был устроен с давних пор колодец с ключевой водой и там на Крещение проводилось водосвятие. Накануне люди приходили к колодцу «на свечки», устанавливали горящие свечи возле воды и читали молитвы. А в день Крещения колодец превращался в место паломничества. Люд разнаряженный валил толпой. В запруде у колодца прорубали

прорубь и устраивали нечто вроде алтаря. Из церкви во главе со священнослужителями торжественным крестным ходом шли люди и несли хоругви, иконы и большие деревянные кресты. Возле колодца священники служили молебен, святили воду. В момент освящения жители выпускали множество голубей, которых приносили с собой. Многие люди, особенно больные, в надежде получить здоровье умывались прямо из «иордани», а те, кто участвовал в святочных развлечениях, считающихся, с христианской точки зрения, греховными, ныряли в прорубь. Люди уносили освященную воду домой во всевозможных посудилах, а жители дальних окраин и соседних деревень приезжали на лошадях с бочками в санях и набирали святой воды и для себя и для всех соседей.

По возвращении «с иордани» каждый хозяин проводил в своем доме обряд очищения святой водой: пили её всей семьёй, кропили дом и хозяйственные постройки. После обедни раскладывали по двору принесённые из руги необмолоченные снопы ржи, ячменя, пшеницы, проса. Тут же разбрасывали разломленный на куски хлеб и ржаные лепёшки, оставленные с праздников Рождества Христова и Нового года. К разложенной пище выпускали из хлевов всю скотину и пока она ела, хозяин, надев вывернутую наизнанку шубу, кропили животных принесенной с «иордани» водой. В обряде принимали участие все члены семьи: процессия домочадцев, направляющихся во двор, проходила в торжественном молчании. Каждый в руках нес необходимые для обряда предметы: икону с божницы, зажженную свечу, кадильницу, миску со святой водой и соломенное кропило. Все эти действия имели целью защитить скот от нечистой силы, колдунов, ведьм. Кормление разными видами необмолоченного хлеба производилось для того, чтобы скот был сыт весь год. Окропление святой водой строений накануне и в день праздника совершалось для того, чтобы выгнать отовсюду святочную нечистую силу.

С утра в этот день женщины пекли блины, толкли конопляное семя для угощения. По обычаю в Роговатом жарили поросёнка и целого подавали на стол для разговения.

К празднику Крещения приурочивался обычай смотрин девушек-невест, достигших брачного возраста. Смотрины в Крещение, наряду с гаданиями, ряженьем, посиделками с песнями, играми и ухаживаниями, являлись элементами предсвадебной обрядности. После Крещения начинался мясоед — время свадеб.

Определённая часть взрослого населения в праздники собиралась на «забавы» возле деревенского кабака. По замечанию современника, «проезжая через деревню в день праздничный, нередко встретишь толпу мужиков около питейного дома, да и в будни он редко бывает пуст» [62].

Но общепринятой, традиционной формой развлечения и веселья была «улица», куда молодые девчата и холостые парни, а также молодые бабы и мужики собирались независимо от того, что на дворе — зима или лето...

Сходиться на игрище начинали часа за два до сумерек. Когда собиралось порядочное число певиц и плясунов, составляли хоровод. «Девки, бабы и мужики становятся в кружок, взявшись за руки, ходят вокруг, пристукивая ногами и крича во всё горло песни, в которых часто не доберешься до смысла. Во многих из них большая часть смесей разнородных предметов, не имеющих между собой ничего общего. Но часто во всех уличных или хороводных песнях говорится о красных девках, холостых ребятах и о их взаимной сердечной склонности, а также воспеваются разные семейные отношения» [63]. Очевидец здесь явно пристрастен, смотрит на народное веселье с дворянской точки зрения. В.И. Даль метко подметил своеобразие хорового искусства: «Хоровые песни особые, протяжные, и хоровая пляска медленная, более ходьба, нередко с подражанием в движениях словам песни» [64].

Разве не замечательно звучали на роговатовских улицах, например, такие песни:

«По садику гуляла,
По зеленому гуляла;
По зеленому гуляла
И ягоды срывала.
Я спелые у стакан,
Зелёные у рукав.
Я спелые батюшке
Зелёные я свёкру.
Ой, свёкор ты, батюшка,
Не гневайся на меня,
Не гневайся на меня,
Что ягода зелена:
Несгодушка заняла —
И снег, и дождь, и мятьель,
И лютые морозы».

* * *

«Улица, улица, ты широкая.
Ой ли, ай люли, алеляй люли.
Мурава, мурава ты зеленая.
Ой ли, ай люли, алеляй люли.
Разыграть будет красной девушке.
Ой ли, ай люли, алеляй люли.
Красной девушке свет Прасковьюшке.
Ой ли, ай люли, алеляй люли.

Узяла платок, повела танок.
Ой ли, ай люли, алеляй люли.
Танок вывела, платок кинула.
Ой ли, ай люли, алеляй люли».

* * *

«Летал голубь, летал сизый
Со голубушкой.
У голубя у сизого
Золотая голова.
У голубушки его —
Позолоченная.
«У кого ж у нас, братцы,
Да хорошая жена,
Хорошая, пригожая,
Молоденькая?»
У Иванушки, братцы,
Да хорошая жена,
И он её снарядил
Да на улицу пустил» [65].

Летом «улицы» зачастую продолжались до рассвета. Плясуны и певуны успевали только переодеться и в поле.

Широко и разгульно праздновался в селе престольный праздник, который приходился на Троицу. Это праздник в честь именованной главной храмовой иконы местной церкви, праздник, наряду с Пасхой, считавшийся самым главным, и праздновался как жителями села Роговатое, так и окрестных деревень. Жители к «престолу» готовились заранее. За несколько дней до праздника священник с причтом ходили по селу, служили молебен в домах односельчан. В каждом доме им вручали ковригу хлеба и 10-15 копеек денег. Накануне женщины в избах делали уборку и готовили праздничную пищу, а мужчины запасали корм для лошадей приезжих гостей, покупали водку.

В день праздника, «чуть светает», мужики отправлялись в церковь. В тот день в церкви собиралось столько народу, что «негде стоять», — приходили по 2-3 человека от каждого двора. Когда заканчивалась утренняя служба, люди шли на базар.

На Троицу в селе устраивалась ярмарка, где торговцы всех мастей со всех волостей разворачивали свои торговые ряды со всевозможным товаром. На ярмарке мужики покупали лакомства для гостей и другой нужный или ненужный товар. Засватанные парни — гостинцы невестам («целые узлы» калачей, пряников, орехов, конфет), а женщины и молодёжь просто бродили по базару, покупая сласти и слушая крики зазывал. Именно в это время, в ожидании обедни, собирались группами недалеко от церкви середовые крестьяне (мужики средних лет) покурить и побеседовать. Здесь можно было встретиться со знакомыми из соседних сёл,

поговорить о том, о сём. С благовестом к обедне разговоры прекращались; каждый мужик должен был снять шапку и, перекрестясь, идти в церковь. К половине обедни часть народа начинала выходить из церкви, в основном женщины, спешившие домой к приему гостей, и парни.

После завершения обедни наступало самое большое оживление торговли на ярмарке. Одновременно молодежь заводила хороводы, все поздравляли друг друга с праздником.

На престольный праздник каждая семья приглашала своих гостей — родственников, близких и дальних, до седьмого колена, а также свойственников (родственники родственников). Посещение родни в праздничный день считалось делом обязательным, а уклонение от этого рассматривалось как нанесение обиды всему роду. Трапеза, начинавшаяся после обедни, заканчивалась поздно вечером и возобновлялась на другой день. Такое продолжение считалось необходимым условием каждого престольного дня. По обычаю, праздничный обед должен быть обильным, а разнообразие блюд значительно превосходить обычные деревенские обеды. Каждый хозяин, принимая гостей, старался следовать традиционному правилу: «про гостя хорошо, про себя поплоше». Выставляя на стол огромное количество еды, пива, водки, хмельных медов, квасов, хозяева зачастую тратили последние копейки, оправдывая себя тем, что «целый год корпели да потели, хоть день досыта попили да поели». Обычай требовал, чтобы гости в праздник были «до сыта сыты» и «до пьяна пьяны». Самой большой похвалой хозяину было утверждение, что гость едва добрался до постели и еле пришел в себя на следующий день. «Пить никого не заставляли, но просят вот так: Вы хоть не пейте, да рюмочку опрастайте» [66].

Праздничный стол в избе обычно собирал только взрослых мужчин и женщин. Деревенская молодежь со своими гостями, приехавшими с родителями, пировала отдельно от семейных людей. «В Троицын день завивают с песнями в лесах и на лугах венки, украшают ими головы. Дворы устанавливают зелёными березками, за иконы закладывают цветы, полы в избах застилают рваной травой» [67].

После всех праздничных обедов начиналось гуляние на улице. Молодые женщины, парни, молодежь собирались «улицами», устраивали пляски под звон чугушков, крышек, кос и прочих звенящих и гремящих предметов. Пели песни под гармонь и бала-

лаю. Ни один престольный праздник не обходился без драк между своими и чужими парнями, пришедшими специально с этой целью. Праздничные драки воспринимались как обязательный элемент праздничного гуляния. Участие в драке знаменовало возрастную состоятельность парня, была для него одним из способов продемонстрировать свою силу, удаль, молодцеватость, имело важное значение в формировании мужского поведения. В драках предоставлялась возможность проявить мужской задор праздника, снять агрессивность опьяневших от пива и веселья мужчин.

Престольный праздник способствовал сохранению и укреплению семейно-родственных, соседских и земляческих связей, предоставляя возможность общения с множеством самых различных людей «со стороны» на ярмарке, узнавая от них о жизни в далеких от своего села местах.

ИСТОЧНИКИ:

1. Афанасьев А.Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу. — СПб., 2002; Громыко М.М. Мир русской деревни. — М., 1991; Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. — М., 1990; Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. — М., 1993; Шангина И.И. Русский традиционный быт. — СПб., 2003; Русский праздник. Праздники и обряды народного земледельческого календаря. — СПб., 2002.
2. РГАДА ф. 1355, оп. 1, д. 298, л. 62.
3. Там же, л. 61.
4. Малыхин П.В. Свадебные обряды у крестьян села Роговатое Нижнедевицкого уезда // Воронежские губернские ведомости. — 1857. — № 14.
5. Сборник оценочных сведений по крестьянскому землевладению в Землянском, Задонском, Коротоякском и Нижнедевицком уездах. В. 1889. С. 104-105.
6. Там же.
7. АГО Р. 9, оп. 1, д. 16, л. 3.
8. Там же.
9. Там же, л. 3 об.
10. Малыхин П.В. Свадебные обряды..., № 14
11. Описание Воронежского наместничества 1785 года. В. 1982. С. 93.
12. Малыхин П.В. Город Нижнедевицк и его уезд // Воронежский литературный сборник. В. 1861. Вып. 1. С. 284.
13. Малыхин П.В. Город Нижнедевицк и его уезд // Воронежский литературный сборник. В. 1861. Вып. 1. С. 286.
14. РГВИА ВУА ф. 846, оп. 16, д. 18668, л. 15
15. Сборник оценочных сведений... В. 1889. С. 17.
16. Вейнберг Л.Б. Воронежский край в санитарном состоянии // Воронежский Юбилейный сборник. В. 1886. Т. 2. С. 544.

17. Описание Воронежского наместничества 1785 года. В. 1982. С. 93
18. Очерки русской культуры в XVIII веке. М. 1985. Ч. 1. С. 105; РГАДА ф. 1355, оп. 1, д. 297, л. 10.
19. Малыхин П.В. Город Нижнедевицк ..., С. 286.
20. Воронежский юбилейный сборник. Т. 2. С. 61-62.
21. Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1878-1879 год. В. 1879.
22. О наследственных правах на крестьянские усадьбы в Воронежской губернии. В. 1886.; Благовещенский Н.А. Четвертное право. — М., 1899.
23. Семёнова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII века. — М., 1982. — С. 212.
24. Путинцев. Пища и напитки в верховом цуканском селе // Народный быт. Вып. 1. — Воронеж, 1927. — С. 27-43.
25. Семёнова Л.Н. Указанные сочинения. С. 221, 226.
26. Малыхин П.В. Город Нижнедевицк... С. 279-280.
27. Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов в XIX — начале XX века // ТИЭ, 1956. Т. 31.; Соснина Н.Н., Шангина И.И. Русский традиционный костюм. — СПб., 1998.; Емельянова М.И. Эволюция русской народной одежды Старооскольского края (вторая половина XIX — начало XX века). — Старый Оскол: Изд-во РОСА, 2007.
28. АГО Р. 9, оп. 1, д. 16, л. 4.
29. Там же, л. 3 об-4.
30. Малыхин П.В. Город Нижнедевицк..., С. 282.
31. Воронежский юбилейный сборник. В. 1886. Т. 2. С. 265.
32. Малыхин П.В. Город Нижнедевицк..., С. 273.
33. АГО Р.9, оп. 1, д. 15, лл. 1об, 2, 2 об.
34. АГО Р.9, оп. 1, д. 15, лл. 8-9.
35. Дикорев М. Очерки воронежского мещанского говора сравнительно с украинско-русским наречием. Пословицы, поговорки, приметы и наречия Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1892 год. В. 1892. С. 58.
36. Германов Г. Постепенное распространение одноворческого населения в Воронежской губернии // Этнографический сборник Императорского Русского Географического общества. СПб. 1853. Вып. 1. С. 272.
37. Поликарпов Ф. Заселение и образование Нижнедевицкого уезда. В. 1908. С. 6
38. Кардашевский С.М. О населении Курско-Орловской территории в период формирования русского национального языка // Ученые записки Московского Областного Педагогического Института. М. 1959. Т. 35. Вып. 3. С. 128.; Кардашевский С.М. Курско-Орловский словарь // Ученые записки МОПИ. М. 1956. Вып. 35. С. 185.
39. Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неограниченным и непереходным смягчением задненёбных согласных. — СПб., 1913. — С. 57.
40. Солодовников Ф. О Старооскольском народном говоре // Филологические записки. СПб. 1867. Вып. 2. С. 61-62.
41. Никулов А.П. Население Старооскольского уезда в XVII — начале XVIII вв. (локально-историческое исследование). Дисс. канд. истор. наук. Старый Оскол. 2006.
42. Там же. С. 128.
43. Там же. С. 129.
44. Там же. С. 127.
45. Там же. С. 131.
46. Малыхин П.В. Город Нижнедевицк..., С. 272.
47. Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неограниченным и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями великорусской колонизации. — СПб., 1913. — С. 57.
48. Гринкова Н.П. Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту // Советская этнография. — № 2. — 1936.
49. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901-1913. — М., 1994. — С. 164-178.
50. Поликарпов Ф. Заселение и образование Нижнедевицкого уезда. В. 1908. С. 6
51. АГО Р. 9, оп. 1, д. 16, л. 6 об.
52. См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. С. 409; Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. С. 1414.
53. Афанасьев А. Мифы, поверья и суеверия славян. — М., СПб, 2002. — Т. 2.
54. АГО Р. 9, оп. 1, д. 16, л. 6-6 об.
55. Этнографический сборник ИРГО. Вып. 6. 1864. СПб. С. 651-653.
56. АГО Р. 9, оп. 1, д. 16, л. 7 об.
57. Шавельский Г.И. Православное пастырство. — СПб., 1996. — С. 304-305.
58. АГО Р. 9, оп. 1, д. 16, л. 7 об-8.
59. АГО Р. 9, оп. 1, д. 16, л. 14 об.
60. АГО Р. 9, оп. 1, д. 16, л. 14.
61. Воронежский край в XVIII веке. Документы и материалы по истории края. В. 1980. С.142; РГАДА, ф. 6, ед. хр. 402, л. 1, 8-10.
62. Малыхин П.В. Быт крестьян Воронежской губернии // Этнографический сборник императорского русского географического общества. СПб. 1853. Вып. 1. С. 226
63. Малыхин П.В. Город Нижнедевицк..., С. 300.
64. Семёнова Л.Н. Очерки истории..., С. 161.
65. Малыхин П.В. Город Нижнедевицк..., С. 300-302.
66. Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. — СПб., 2002. — С. 454.
67. АГО Р. 9, оп. 1, д. 16, л. 7 об.

Л.Н. Анпилова

ОСКОЛЬСКИЕ ХРАМЫ В ЖИВОПИСИ А.Г. ФИЛИПОВА

Старый Оскол — город с древней историей и богатыми духовными традициями. История города непосредственно отражена в его архитектурном облике, несомненным украшением которого являются сохранившиеся от прежних веков старые храмы.

Конечно же, годы гонений на церковь не обошли стороной Старый Оскол. Как указывает А.П. Никулов, в начале XX века «Старооскольская округа была разбита на пять церковных округов, в которых действовало в общей сложности 70 православных храмов», а непосредственно в городе — около двадцати [1]. По мнению других исследователей, к началу 1930-х годов в Старом Осколе было тринадцать храмов (шесть городских и семь

слободских) [2]. Все главные храмы Старого Оскола, расположенные в центральной части города, во второй половине 1930-х годов были уничтожены. Уцелели только слободские. Как по этому поводу горько заметил В. Русин, «до них у властей просто не дошли руки» [3].

С началом активного градостроительства в 1960-е годы храмы, построенные на окраинах, оказались в городской черте. Так сложился современный городской ансамбль, в котором органично соседствуют современные постройки и памятники старины. Об изменении отношения к культурному наследию красноречиво свидетельствует тот факт, что двум наиболее ранним из сохранившихся храмов Старого Оскола присвоен статус памятников архитектуры федерального значения: это Свято-Троицкий храм в Стрелецкой слободе (построен в 1730 г.) и храм Воздвижения Креста Господня в слободе Ямской (построен в 1805 г.).

«Визитной карточкой» Старого Оскола, «жемчужиной его духовной культуры» по праву называют храм Святого Благоверного князя Александра Невского. Показательна история Александро-Невского храма. Построенный в 1903 г. на средства жителей Гуменской слободы, небольшой слободской храм ныне является вторым кафедральным собором и находится практически в центре города. Неудивительно, что к образу этого храма нередко обращаются старооскольские художники. В их числе — А.Г. Филиппов.

Александр Геннадьевич Филиппов — член Союза художников России, член Международной ассоциации изобразительных искусств — АИАП ФНЕСКО. За плечами этого художника огромный объем работы, многочисленные достижения и победы. Среди них — участие в Региональной выставке (г. Ярославль); трех всероссийских выставках, проходивших в Воронеже, Белгороде и Москве; участие в двух международных выставках-вернисажах в США (штаты Джорджия и Северная Каролина). А. Филиппов — участник нескольких международных пленэров, проводившихся в Польше и Белоруссии, а в 2008 г. он был руководителем и участником IX Славянского пленэра в г. Старый Оскол.

Гуменский храм — частый гость в работах А. Филиппова. Так, например, в работе «Город растет» (2006 г.) отлично передано своеобразие соседства района новостроек и старого храма. Символично здесь и само название, причем, если присмотреться внимательно, последовательность этого «роста» выглядит довольно закономерной: на переднем плане — кроны старых деревьев, к ко-

В начале осени х.м. 50х85, 2006 г.

Весенний простор х.м. 50х65, 2005 г.

торым присоединяется храм, составляющий вкупе с природой второй ярус (или второй этап роста), а завершает все галерея новых жилых домов, символизируя новый период жизни города.

Интересна одна, не случайная, на наш взгляд, деталь. Храмы в работах А. Филиппова зачастую написаны теми же красками, которые художник использует и для образов живой природы. Так, в частности, в работе «Город растёт» теплые золотистые, коричневато-рыжие тона осенней природы отлично сочетаются с золотом и охрой Гуменского храма; а вот на картине «Нежное утро весны» (2003 г.) прохладные зеленоватого-голубые тона просыпающейся аллеи перекликаются с синим цветом куполов. Этой «диалогичностью» художник словно подчеркивает близость храма к природе. Храм становится уже не атрибутом города, не принадлежностью его, но знаком естества. Храм, как и природа, стоит как будто над городом, являясь символом вечности и даже частью ее.

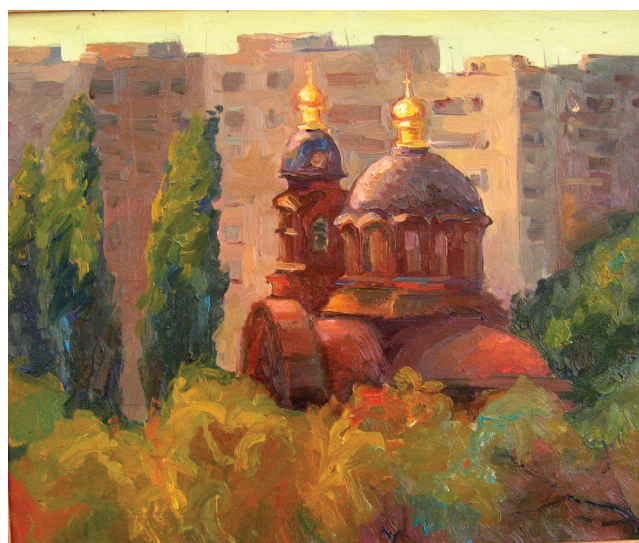
Как заметил архиепископ Белгородский и Старооскольский Иоанн, храмы, «являясь средоточием духовных и культурных ценностей», служат символом «видимого, материального воплощения таинственного надвременного и надпространственного единения Бога с людьми» [4]. Действительно, храмы в работах А. Филиппова словно вмещают в себя два разных пространства: пространство вечности и пространство бренности. Молчаливые свидетели истории, они живут на пересечении миров. «Между вечностью и бренностью» — таково, на наш взгляд, и философское содержание картины «Осеннее золото (Вознесенский храм)» (2007 г.). Являясь главным героем картины, храм оттеняет (осеняет своим присутствием) незамысловатую сюжетную зарисовку: в воротах церковной ограды (буквально при дверях) — тихая беседа старой женщины и священнослужителя.

Как отмечает сам А. Филиппов, к оскольским храмам у него отношение разное, поскольку у каждого храма — свой характер, свое лицо. Вознесенский храм, по признанию художника, — его любимый: «Он — как Илья Муромец, страж, воин». Строгий, взыскующий характер этого храма отлично передан в работе «Старожил» (2009 г.).

Вознесенский храм, построенный на Казацких буграх в пригородной Казацкой слободе в 1882 г., ныне находится на самой высокой точке по отношению ко всем сохранившимся храмам центральной части города. Его видно издалека. Но можно предполо-

Возрождение х.м. 80x100, 2009 г.

Город растёт х.м. 50x65, 2006 г.

Нежное утро весны х.м. 75x90, 2003 г.

жить и обратное — это храму видно многое. Не потому ли он так часто встречается на картинах А. Филиппова: то посматривает на рыбаков, приютившихся на берегу реки

Осколец («Первые оттепели», 2009 г.); то выглядывает из-за куста цветущей черемухи («Зацвели сады», 2009 г.); то с высоты своего положения как надежный защитник охраняет покой города, живущего за его плечами («В начале осени», 2006 г.).

И если Вознесенский храм выступает как воин, страж, то вполне очевиден и радостный, праздничный характер Илиинского храма. В работе «Ясный день» (2009 г.) храм представлен в бушующем многоцветье осенней природы, дополняя своей яркостью богатую палитру осеннего дня.

Интересна история строительства Свято-Илиинского храма. Он был возведен в 1872 г. в Ездоцкой слободе на месте пересечения старинных почтовых трактов, ведущих в Курск и Воронеж. Так что и сам перекресток, рядом с которым стоит этот храм — тоже часть нашей истории и культуры («Весенний простор», 2005 г.).

А вот «самым теплым», по признанию художника, является храм во имя Равноапостольной княгини Ольги и Страстотерпицы княжны Анастасии — один из самых молодых действующих храмов Старого Оскола. Действительно, этот храм особенный — деревянный (сам материал как будто изначально «заряжен» теплотой), более того, он задуман как детский. Залитый солнцем, излучающий добро, он изображен на картине «Солнечный апрель» (2009 г.).

Строительство новых храмов — несомненно, большое дело. Но, как мудро заметил священник Владимир Русин, «для того, чтобы храм стоял, необходимо, чтобы мы в нем стояли» [5]. Примечательно, что в работах А. Филиппова это требование выполняется: рядом с храмами всегда находятся люди. Вот и к новому деревянному храму движется вереница прихожан.

Образ деревянного оскольского храма положен и в основу тематической картины А. Филиппова «Возрождение» (2008 г.). Надо признать, названия, которые дает этот художник своим работам, отлично дополняют и раскрывают их содержание. Так и здесь: уже само название картины будит мысли о возрождении традиций, возврате к истокам национальной культуры, о поисках путей духовного совершенствования. На лесной опушке завершается строительство деревянного храма, основные работы закончены, возведены стены, осталось лишь повесить колокола. Картина будит многие ассоциации, отсылая к древней российской истории: здесь и аллюзии к деятельности Сергия Радонежского, возводившего храмы в густых лесах; и обращение к традициям древ-

Осеннее золото (Вознесенский храм) х.м.
70х80, 2007 г.

Солнечный апрель х.м. 70х60, 2009 г.

Первые оттепели х.м. 70х100, 2009 г.

нерусского зодчества, ведь в старину храмы строились именно деревянными.

Многовековая история храмов Старого Оскола продолжается. Освящая своим присутствием город, они служат символом верности древним традициям и находят вторую жизнь в работах оскольских мастеров.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Никулов А.П. Старый Оскол (Историческое исследование Оскольского края). — Курск: ГУ-ИПП «Курск», 1997. — С. 499.

2. Иеродиакон Софроний (Макрицкий). Священномученик Онуфрий (Гагалюк). — М.: ООО «Техинвест-3», 2003. — С. 73.

3. Русин В. Разрушение церквей // Православное Осколье. — 2009. — 19 ноября. — № 46 (245). — С. 3.

4. Цит. по: Колесникова Л.И. Православное церковное зодчество Белгородской области: Каталог. — Кн. 1. — Город Белгород и город Старый Оскол. — Белгород: Белгородско-Старооскольская епархия, 1997. — С.3.

5. Русин В. Кунье под Покровом Пресвятой Богородицы: История храма. — Старый Оскол, 2007. — С. 45.

И.А. Шаповалова

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ИВАНА КИРИЛЛОВИЧА ТОЛМАЧЕВА

Каждая новая встреча со старооскольским художником Иваном Толмачевым остается надолго в памяти. Беседы с ним переходят в серьезные обсуждения политических, философских проблем, в результате которых всегда возникает много вопросов, на которые не всегда есть ответы. Такие же ощущения остаются после знакомства с его рисунками и живописными картинами, которые можно отнести к новому проекту в его жизни под названием “аналитическое исследование мира”.

Иван Кириллович начал свою творческую деятельность на Урале в Нижнетагильском училище прикладного искусства и окончил его с отличием в 1970 году по специальности художник-конструктор. На тот момент в училище преподавали специалисты, окончившие Мухинское и Строгановские училища, что позволило получить отличную школу конструктивного рисунка. Иван Кириллович с благодарностью вспоминает своих преподавателей: Е. Плугину, Бубнова, В. Стеканова, И. Боголюбова, Г. Эриха, Г. Патко.

В это время в училище были предприняты первые попытки подготовить профессиональных дизайнеров. Были сделаны два набора в группу художников-конструкторов. Иван попал во второй набор. Учиться было очень интересно.

Изначально Толмачев поступает на декоративно-прикладное отделение, проучившись там несколько месяцев, переходит на отделение художественного конструирования, с головой окунается в работу и студенческую жизнь. Рисует каждую свободную минуту, делает многочисленные эскизы, зарисовки и наброски: улиц города, людей, предметов интерьера. Уже на первом курсе понимает, что сделал правильный выбор в своей жизни.

Спустя тридцать лет преподаватели этого учебного заведения с теплотой вспоминают очень активного и талантливого студента Ивана Толмачева, обсуждают его успехи и достижения, которых было не мало.

Молодой студент активно участвует в ху-

дожественной жизни города и училища. По его эскизам в канун 1969 года был оформлен ледяной городок на театральной площади Нижнего Тагила. Помимо традиционных ледяных фигур сказочных героев и Деда Мороза, вдохновленный недавним успехом в изготовлении Уральского сувенира [1] Иван предложил сделать четырехугольные пирамиды из фанеры с изображениями новогодних и сказочных персонажей. А вокруг памятника братьям Черепановым соорудили минижелезную дорогу, по которой курсировал ледяной паровоз и несколько вагонов. За отличное выполнение этой работы группа студентов получила художественные материалы, которыми пользовались на занятиях в училище.

Позже идею новогоднего городка и эти приемы художник внедрил на новом месте жительства, в городе Старый Оскол. Эта идея прижилась, так как зимы в южном городе бывают без снега, а объемные фигуры сказочных героев из дерева и металла могут украшать площади в любую погоду.

Толмачев активно принимал участие в выставках студенческих проектов, которые проходили в родном училище, Нижнетагильском художественном музее, Харьковском художественно-промышленном институте. Способности студента заметили не только преподаватели, но и руководство. Ю. Иванов, директор училища, после окончания учебы советует Ивану Толмачеву продолжать обучение в Московском высшем художественно-промышленном училище им. Строганова, молодой художник находится в раздумьях и начинает работать над дипломным проектом.

На защиту диплома получил задание от директора Нижнетагильского Медикоинструментального завода, приборы которого продавались за рубеж, разработать динамометр – прибор для измерения силы руки. Иван решил его усовершенствовать конструктивно, а также поработать над дизайном. Защита прошла на отлично, и прибор был передан для серийного выпуска, а прежний снят с производства. После чего художник получает свободный диплом и его приглашают на работу на Верхнесалдинский металлообрабатывающий завод, где он трудится следующие десять лет руководителем группы художественного конструирования в специально созданном отделе главного архитектора.

Молодой и пытливым ум позволил Ивану Толмачеву быть в курсе мировых тенденций развития эстетической культуры на производстве. Для этого он наладил связи с

Всесоюзным Научно-исследовательским институтом технической эстетики в Москве, что позволяло знать все новейшие течения технической эстетики не только в СССР, но и во всем мире. На тот момент И. Толмачев является единственным консультантом директора на заводе в этих вопросах.

Работы для художника-конструктора и оформителя на заводе было много. Приходилось выполнять привычную работу и придумывать новые технологии. Так, И. Толмачев изобрел способ получения цветных рисунков на зеркальной поверхности титана. Позже из титана стали делать небольшие сувениры, нанося на поверхность традиционные изображения зимнего уральского пейзажа, красногрудых снегирей и русских красавиц-берез.

За 10 лет группой художников под руководством Ивана Кирилловича было разработано несколько проектов, оформлен заводской музей, один из цехов, территория музея. Помимо этого художники занимались оформлением городских учреждений: горкома партии, школ и праздничных демонстраций. Имея в арсенале различные материалы, И.К. Толмачев придумывал и внедрял в производство товары широкого потребления, подарочные сувениры. Для одного из них был выбран сюжет по сказам Бажова “Серебряное копытце”: на подставке из яшмы и малахитовой горке стояла миниатюрная серебряная фигурка оленя.

С 1980 года И. Толмачев живет и работает на благо города Старый Оскол. По его проекту был разработан знак ОЭМК, памятные медали и символические ключи, посвященные пуску цехов окомкования и металлизации, памятная медаль, посвященная проведению Всесоюзной конференции по проблемам Курской Магнитной Аномалии. Многие из этих проектов побывали на областной выставке в городе Белгороде.

О работе над фирменным знаком художник рассказывает: “Я разработал несколько проектов, но в основу взял сляб, напоминающий с торца овальный слиток металла. Внутри поместил аббревиатуру — ОЭМК. Оранжевый овал с черными буквами на белом фоне означает горячий металл, черную металлургию и чистое производство” [2].

В 1989 году Толмачев принимает участие в разработке “Художественной концепции Старого Оскола” в Москве на Сениже (в этой работе проекта приняли участие 37 участников со всего СССР). В результате работа оказалась одной из самых лучших и экспонировалась на международной выставке в Австралии.

Несколько лет своей трудовой деятельности отдал Иван Кириллович Оскольскому элетрометаллургическому комбинату. Всегда совмещал профессиональную деятельность с творчеством. За последние десять лет в художественном музее было проведено три персональных выставки живописных и графических произведений художника. А выставка одной картины “Посвящение” вызвала большой интерес у старооскольцев. Его работы находятся в фондах Старооскольского художественного музея и в частных коллекциях Германии, Италии, Индии, Америки.

Иван Толмачев по-прежнему полон творческих сил, с большим оптимизмом смотрит вперед, строит планы и осваивает новые виды художественной деятельности. На небольшом пространстве белого листа, используя выразительные средства рисунка, художник создает микромир, составленный из множества элементов, со скрытым на первый взгляд смыслом образов. Затем сканирует его и вносит изменения в цвете, форме, рисунке на компьютере.

Примечательно, что И. Толмачев для работы всегда использует свои авторские рисунки. Эта главная особенность его творчества. Компьютер становится лишь инструментом для достижения конечной цели.

Листы, которые художник намеренно оставляет без названия, можно рассматривать часами. Возможно, что одна и та же работа будет истолкована зрителями совершенно по-разному. И это правильно. Ведь Иван Кириллович является продолжателем традиций русского “аналитического искусства”, которое в новом облике появилось в России в начале XX века. У его истоков стоял гениальный художник М. Врубель и аналитик П. Филонов. Художники этого круга разрушали внешнее подобие изобразительной формы, будоражили воображение современников, тревожили, часто шокировали своей бесцеремонностью и дерзостью. Их работы требовали от зрителя усилий воображения и глубокого осмысления, так как целостный художественный образ рождался не столько на полотне, сколько в зрительском восприятии. А зритель должен быть к этому подготовлен. Поэтому аналитическое искусство доступно не каждому — оно элитарно, и уже давно художники-аналитики и понимающие их зрители считаются первопроходцами в искусстве.

В своих рисунках Иван Кириллович создает зашифрованную картину мира, стремясь расширить возможности изобразительного искусства, сделать видимым невидимое. Его рисунки завораживают своей содержатель-

ностью, многомерностью, жизненной философией. Иногда может показаться, что перед нами художник, способный предсказать будущее. Автор не отрицает этого, по его утверждениям, все, что когда-либо было нарисовано или описано человеком в литературе, рано или поздно находит свое воплощение в реальной жизни, и это неоспоримый факт. Впереди нас ждут знакомства с новыми проектами художника-мыслителя [3].

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Это была малахитовая четырехгранная пирамида на серебряной подставке. Директор училища В. Григорьев увез её в подарок в Египет Туру Хейердалу, с которым Сенкевич плывал на папирусной лодке «Ра», автору книги «Путешествие на Кон-Тики». В своей небольшой работе Иван воплотил не только художественный, но и политический аспект. Протянул нить дружбы между народами, соединив уральский малахит с египетской пирамидой (Т. Золотых. С легкой руки художника. Электросталь. 15.07.2005. с.6.)

2. Т. Золотых. С легкой руки художника. Электросталь. 15.07.2005. с.6.

3. В работе были использованы материалы из архива Старооскольского художественного музея, личного архива И.К. Толмачева.

И.А. Шаповалова

СТАРООСКОЛЬСКИЙ ХУДОЖНИК И.Г. АНДРЮЩЕНКО (1916-2006): МАТЕРИАЛЫ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ

Творчество самобытного старооскольского художника Ивана Георгиевича Андриященко остается интересным нашим современникам. Диапазон его пейзажных образов простирается от глубоко лиричных, интимных, до проникнутых трагизмом пейзажей – воспоминаний и раздумий. Что бы не изображал живописец, во всех его картинах живет большая любовь, восхищение и чувство преклонения пред красотой родного Приосколья.

В коллекции живописи Старооскольского художественного музея хранятся четыре живописные работы и три акварельных листа в исполнении И.Г. Андриященко. Эти работы относятся к наивысшему подъему его творчества в 80-90 годы XX века.

Обращение к изучению творческой деятельности живописца вызвано темой, посвященной русскому пейзажному искусству 1980-90 годов – времени яркого проявления деятельности художника. Знакомство с имеющимися об И.Г. Андриященко публикациями подтверждает своевременность освоения данной темы. Однако литература о живописце носит скорее информационно-познавательный характер, посвящена биографическим событиям его жизни, фрагментарна. Задача предложенной работы состоит в том, чтобы вскрыть новые факты из жизни и творчества художника, познакомиться с его неизвестными работами.

Литература, в которой прослеживается выставочная деятельность И.Г. Андриященко, невелика. В. Черкашин в соавторстве с З. Ртищевой на страницах газеты «На стройке» в 1990 году рассказывают о первой персональной вставке художника в музей, описывают некоторые биографические данные, обращают внимание на самые выразительные произведения представленной экспозиции [1]. В это же время Е. Купреева в газете «Большая руда» пишет статью, которая представляет собой интервью с художником. Ярко и с описанием бытовых

деталей и случаев из жизни она раскрывает творческий путь живописца. Главный акцент в статье сделан на произведения пейзажного жанра. В 80-летию самобытного мастера кисти в газете «Зори» в 1996 году была опубликована статья З.А. Ртищевой, рассказывающая об отношениях современников к деятельности художника [2]. В публикациях авторы обращают внимание на преобладание пейзажей в исполнении Ивана Георгиевича, посвященных Старооскольскому краю.

Почерпнутые в периодической печати сведения дополняют данные из книг отзывов и архивных материалов Старооскольского художественного музея. Главным источником информации становится личное дело художника, воспоминания сотрудников музея и родственников, художников, личные наблюдения автора этой статьи.

Иван Георгиевич Андриященко родился 29 ноября 1916 года в селе Ивановка Старооскольского уезда Курской губернии. «Отец художника работал до революции у помещика Всеволожского управляющим. Мать воспитанница того же помещика славилась в окрестностях своим искусством шить и вышивать» [3]. Иван вырос в селе. Именно там будущий художник начал открывать для себя неповторимую красоту окружающего мира. Сила этих впечатлений оказалась огромна, для художника она становится определяющей. Детские воспоминания питали всю жизнь творчество И.Г. Андриященко, они сопровождали его все время.

Рисовать Иван начал с семи лет. Это занятие очень захватывало маленького мальчика. Позже свою такую тягу к рисованию художник объяснял влиянием матери, которая увлекалась творчеством. Учился Иван в 4-летней сельской школе, где его способности разглядели сразу и выбрали редактором стенгазеты. «После окончания четырех классов получил дополнительное подготовительное обучение для поступления в горное училище» [4].

Обучаясь в училище, занимался рисованием, поэтому вновь попал в редколлегия для выпуска стенгазеты. В 1934 году окончил горное училище в Голубовке Луганской области. После этого приехал жить в Старый Оскол.

Со слов художника записано, что «в Старом Осколе по инициативе Н.С. Мешкова была организована художественная студия, в которой с 1934 до 1937 года занимался Андриященко у педагогов – Ильстера Ф.И., Егорова и Маштакова» [5]. Эта студия была единственным местом в городе, где могли

обучаться рисованию взрослые люди.

Вот что известно об одном из педагогов, Федоре Ивановиче Егорове. Окончил Пензенское художественное училище в начале XX века. В то время это учебное заведение возглавлял Константин Аполлонович Савицкий, академик, известный живописец-жанрист, передвижник. Обучение в Пензе велось по методу передвижников, убежденных реалистов. Егоров получил академическое образование, при этом остался верным учеником К. Савицкого, что отразилось в его реалистических картинах. Своими знаниями он щедро делился с учениками студии, которые взяли от него некоторые приемы построения композиции, кропотливую работу над деталями, любовь и уважение к реалистической русской живописи.

В 1936 году двадцатилетний Иван впервые принял участие в городской выставке с несколькими пейзажами. Один из них назывался «Старый дворик» (к.м. 1936 г.). По воспоминаниям очевидцев, эта работа стала своеобразным «гвоздем» выставки. Уже тогда корреспондент местной газеты назвал молодого художника человеком, «подающим большие надежды» [6]. Сегодня этот лирический сюжет приобрел для нас и исторический оттенок. Полотно пережило войну, со временем пришло в ветхое состояние, поэтому Иван Георгиевич не показывал его на выставках в послевоенное время. Картина, по-видимому, имела для него большое значение, как первое признание его мастерства. Позже он сделал авторское повторение, которое можно было видеть на выставке в художественном музее в 1990 году.

Лирическое чувство, созданное художником на этой картине, преобразило обычный уголок города, сделало его близким, понятным и родным. Сам живописец комментировал это в разговоре с В. Черкашиным, научным сотрудником художественного музея, так: «Другой пейзаж получается. Много прошло времени, да и нельзя два раза войти в одну и ту же реку. Сколько воды утекло с тех пор...» [7]. Много времени прошло, изменился художник, его манера письма, взгляд на жизнь. За этими изменениями мы видим творца, идущего своим путем в искусстве, который продолжил одну из великих традиций в русской живописи, так называемого жизнеутверждающего пейзажа настроения, у истоков которого стояли А.К. Саврасов и И.И. Левитан.

В работах Исаака Левитана состояние природы созвучно жизни и настроениям людей. Самого человека в них нет, но он незримо присутствует в каждом пейзаже. Ху-

дожник впервые внес в пейзаж мажорное, светлое, «благодарное восприятие природы как носительницы радости и обновления» [8]. А. Саврасов на протяжении всей своей деятельности находился под влиянием романтических традиций русского искусства. Позже его творческие поиски были связаны с усилением реалистического начала и идейной содержательности пейзажа.

И.Г. Андриященко впитал от одного мастера светлое, лирическое отношение к природе, способность создавать невидимое присутствие человека в пейзаже, от другого — реалистический принцип работы с налетом легкого романтизма. Такое сравнение не кажется натянутым. Ведь каждое поколение пейзажистов в России находило в родных российских просторах то, что не увидели их предшественники. Неповторимые просторы великой страны вдохновляли каждого, кто открывает им свое сердце. Для Саврасова источником вдохновения стало Подмосковье, для Левитана — Волга и дотолем мало кому известный Плес, для Андриященко — Оскольский край, именно здесь он создавал свои лучшие работы.

К 20-ти годам у художника сложилось свое видение мира и индивидуальный живописный почерк, но художественному совершенствованию суждено было прерваться. Наступил 1937 год. Иван Георгиевич ушел в армию. Во время службы, с 1937 г. по 1939 г., работал художником-оформителем и продолжал заниматься творчеством. В апреле 1939 года женился на Евгении Петровне Кузнецовой. В 1941 году был призван в армию. Служил под Сталинградом в 9-м Строительном батальоне стрелком, с 1943 года — в 153 Отдельном батальоне конвойных войск НКВД стрелком, с 1944 года — диспетчером. После окончания войны, в сентябре 1945 г., был переведен в Казанский пересыльный пункт, «использовал свои художественные навыки, работая топографом и художником» [9]. Демобилизовался в мае 1946 года.

Война обострила патриотические чувства. Без того сильная любовь ко всему родному, к русской природе стала еще сильнее. Безотчетная юношеская привязанность к лугам, полям, речке, дому переросла в острое чувство любви — возникло понятие Родины. Это чувство Андриященко сохранил до последних дней своей жизни и вносил в каждую свою работу.

«Как выжили, уму непостижимо, — вспоминает Иван Георгиевич. — Верите, вернулся с фронта, а в доме даже белья не осталось. Все, что было нажито до войны, жена

продала или обменяла на хлеб. Существовали благодаря зелени: овощам да фруктам. Из этого вот сада...» [10]. Позже этот сад вдохновлял художника на создание многих пейзажей и натюрмортов.

Воспоминания о войне не покидали Андриющенко. Спустя несколько лет он написал две картины с названием «Партизанские тропы» (1981 г.) и «Партизанские костры» (1983 г.). Он как будто сознательно не затрагивает эту трагическую тему раньше. Многие художники-ветераны намеренно уходили от этой темы, все чаще обращались к подлинной красоте природы. В своих картинах пытались возродить то, что было разрушено войной, находя силы к жизни в красоте русской природы. Эти две картины стали настоящим открытием для зрителей на первой персональной выставке живописца в 1987 г. В них чувствуется душа художника, в них — благодарная память о тысячах сверстников, погибших в годы войны.

Работа «Партизанские тропы» была написана с реально существующего места Стрелецкой слободы. Сам художник видел тот луч, который прорвался сквозь чащобы и осветил родник. Здесь, по мнению художника, было святое место: «Сама земля содействовала тому, чтобы сохранить жизнь партизанам. Здесь брали для себя воду наши защитники и не только во фляжки, черпали воду каской...» [11].

Продолжение этой темы воплотилось в работе «Партизанские костры». Некоторые считают, что есть нечто мистическое в ней от огня в свете уходящего дня. Повидимому, не только вода помогала выжить людям в трудные минуты, их еще согревало теплое пламя костра, которое создавало вокруг домашнюю обстановку. Тихий треск костра успокаивал, и люди забывали, что где-то рядом идет война. Полотна на тему войны художник больше не писал. Это был его единственный опыт.

После войны по направлению райкома партии И.Г. Андриющенко поступил на Механический завод, где и проработал тридцать с лишним лет токарем, библиотекарем, даже сторожем и, конечно, художником-оформителем. В это время И.Г. Андриющенко неоднократно принимал участие в выставках самодеятельного и профессионального искусства, представляя на них по две-три работы, за что был отмечен грамотами и дипломами.

В стенах родного завода была проведена его первая персональная выставка в 1987 г. Эта выставка стала итогом деятельности художника за предыдущие годы. Заводчане

оказались первыми ценителями его художественной деятельности, которая на этот раз была представлена так широко. Некоторые, ежедневно находясь на заводе, специально ходили смотреть выставку и любоваться картинами, о чем свидетельствуют записи, оставленные в книге отзывов.

На выставке были показаны пейзажи и натюрморты, выполненные в технике масляной живописи. Перечень выставленных картин говорит о том, что И.Г. Андриющенко начал активно писать в 1970 годах. Это случилось потому, что в 1976 году он вышел на пенсию, появилось больше времени заниматься любимым делом. Неудивительно, что последующие два десятилетия стали для него творческим взлетом.

В 1970 годы Иван Георгиевич создавал много пейзажей: «Вечер» 1970 г., «Рожь» 1971 г., «Начало октября» 1973 г., «Вода убывает» 1973 г., «Сад утром» 1974 г., «Зимнее утро» 1974 г., «Приосколье» 1974 г., «Последние пешеходы» 1974 г., «Река Оскол» 1974 г., «Парк Геологов» 1975 г., «Первый снег» 1975 г., «Весна» 1977 г., «Летний пейзаж» 1976 г. и др.

Бережно хранил Иван Георгиевич несколько старых школьных потрепанных тетрадок — книг отзывов с выставки. В них были написаны, возможно, самые дорогие для него слова. Коллектив рабочих в 1987 г. оставил в книге отзывов такую запись: «Каждая картина прекрасна по своему, как по красоте, так и по содержанию. Эти картины неповторимы. Они учат нас любить и беречь родную природу, любоваться ее красотой, воспитывают любовь к родному краю» [12]. «Когда я смотрел на эти картины в тишине, мне на некоторое время показалось, что я дышу их воздухом...» [13], — О.Н. Сидельников. «Ваши картины помогают изучать родную природу, родной наш Старооскольский край. Это сказка в живописи. Они правдоподобны, в них нет фальши» [14], — А. Безноско.

Выставка начала свою работу в 1987 году и продлилась весь 1988 год. На протяжении ее работы о ней узнавало все больше и больше людей. Специально, чтобы познакомиться с творчеством самодеятельного живописца, в заводской клуб пришли художники-профессионалы: И.А. Толмачев с учениками ДХШ, В.В. Шамрин, художник-гравер Г. Стрижалковский. Они оценили талант Ивана Георгиевича, оставив в книге отзывов такие строки: «Большое счастье края в том, что здесь живут такие люди, как Вы» [15].

Все отзывы о выставке очень добрые, в

каждом отмечено, что художнику удается передать красоту русской природы. Зрители видели в его картинах знакомые места Приосколья, чувствовали большую любовь к родному краю. Картины живописца были написаны искренне, и это понимал каждый. Положительные отклики были очень дороги Ивану Георгиевичу, они вдохновляли на дальнейшую работу.

Пейзаж, по мнению искусствоведов, никогда не занимал ведущего положения в иерархии жанров советской живописи. Пейзаж считали не способным отразить основные бурные преобразования современной жизни. Поэтому художники во второй половине XX века начали активный поиск новых тематических направлений и поиск художественных средств для создания образа природы. Так появились новые для того времени городские пейзажи с величественными архитектурными памятниками. Важнейшим открытием XX века стал индустриальный пейзаж, где изображались сцены труда и бытовые мотивы. Городской пейзаж начал приобретать черты фантастического, демонстрируя представления художников о «городе будущего». Наравне с всевозможными выше обозначенными вариациями развивался и существовал академический, традиционный «выставочный» пейзаж, в духе официальных программ, мало изменившийся во второй половине XX столетия, представителем которого и стал И.Г. Андрищенко. Именно это направление выбрал для себя художник и следовал ему на протяжении всего времени своего творчества. Пейзажи мастера стали лирической историей нашего края.

Аккуратный, тонкий красочный слой на полотнах живописца позволяет думать, что цветовое, колористическое решение полотен много раз выверено, и тон к тону кладется уверенно и сразу правильно, без лишних мазков-поправок. К этому случаю вспоминаются слова И.Н. Хегая, который спрашивал у своего друга Ивана Андрищенко: «Ты писал, не дыша» [16]? Разглядывая картины живописца, кажется, что художник работал с необычной легкостью, создавая иллюзию скорого рождения картины. Подготовительная работа будто остается за рамками картины. Это свойство всех работ И. Андрищенко. Несмотря на кажущуюся легкость, в каждое полотно вложено много труда. Творец находился в постоянном поиске сюжетного образа, в непрерывном стремлении к совершенствованию техники. Шлифовал, доводил до ума, казалось бы, законченные полотна, старался передать на холсте то со-

стояние, что у него возникло в душе. Точкой завершения была подпись, оставленная художником на картине. После этого живописец не вносил уже никаких изменений.

Есть в художественном музее несколько акварельных листов пейзажей, сделанных с натуры в 1989 г. Их отличает тщательная детальная проработка планов, умение создавать и чувствовать колорит летнего дня. Акварель у художника легкая, прозрачная, словно он всю жизнь писал акварелью, а не маслом.

На художника оказало большое влияние литература и поэзия. В этом ему помогла жена, Евгения Петровна, которая была учителем литературы. Благодаря большой домашней библиотеке Иван Георгиевич увлекался поэзией и сам. В свободные минуты брался за карандаш и писал стихи. Это увлечение отразилось на его творчестве. Неслучайно в одной из городских газет его называют «певцом оскольского края».

1980-е годы для художника стали очень плодотворными. Вот далеко не полный список картин этого периода: «Река Убля» х.м. 1981 г., «Черемуха» к.м. 1982 г., «Вид на Бор Малявинку» к.м. 1983 г., «Дары осени» к.м. 1983 г., «Георгины» 1983 г., «Хризантемы» х.м. 1985 г., «Натюрморт» к.м. 1985 г., «Утро на реке Корень» к.м. 1986 г., «Букет на грядке» х.м. 1986 г., «Обуховский лес» к.м. 1986 г., «Дождь на закате дня» х.м. 1987 г., «Над «Оскольцом» к.м. 1987 г., «Натюрморт с васильками» х.м. 1987 г., «Цветы» к.м. 1987 г., «Гвоздики» к.м. 1988 г., «Лесное озеро» х.м. 1989-90 г. и др.

В 1980 годы в его творчестве стали преобладать натюрморты. Неживая природа, как переводится с французского «натюрморт», на полотнах художника застыла в гордом величии. Натюрморты художник писал с натуры. Это чаще всего были цветы, которых имелось много в его саду. Можно выделить несколько типов натюрморта в творчестве Андрищенко – реалистические и фантазийные. К первому относятся «Хризантемы», «Георгины», «Гвоздики». «Букет с васильками» проникнут по-настоящему русским духом. Ко второму ближе «Букет на грядке», «Арбуз», «Дары осени».

Осенний «Натюрморт» 1985 г. из фондов Старооскольского художественного музея продолжает фантазийную тему художника. На полотне изображен постановочный натюрморт. В керамическом кувшине стоит большой букет сухих трав из последних полевых цветов. Внизу, рядом с кувшином, на красной драпировке лежат желтые листья и

небольшие грибы. Казалось бы, на первый взгляд обычный натюрморт с обычными предметами, но это не так. Художник сделал сложную композицию, соединив вместе два жанра — натюрморт и пейзаж. Все в этой картине взаимосвязано как по смыслу, так и по соотношению предметов. Сухая трава, цветы, листья, грибы, керамический кувшин, ткань, лес, земля — все это рождено самой природой. В сочетании малых и больших форм (грибов, листьев, цветов и кувшина, ткани, деревьев) Андриященко создает единую среду и цельную композицию. Благодаря взаимосвязи разных по форме, размеру и фактуре предметам появляется оригинальный замысел полотна о всеобщем единстве и гармонии окружающего нас мира.

Справа, сразу за красным полотном, изображен лес. Высокие деревья, словно стражники, возвышаются над землей. Сквозь стволы виден изгиб реки. На первом плане — неживая природа, а на втором — настоящий осенний лес, и он как бы незнать проникает в натюрморт в виде рассыпанных случайно у подножья кувшина листьев и грибов.

Для усиления содержания этой работы художник использует теплые цвета. Несколько оттенков красного, оранжевого, неяркие цвета коричневых и зеленых красок, создают ощущение осеннего дня. Умело применяет световоздушную перспективу, делая активными цвета на первом плане и приглушая их на втором. Этот прием создает иллюзию глубины и ощущение бесконечного пространства в пейзаже.

Видно, что и в натюрморте художник не мог обойтись без пейзажа. Видимо, так дорог был ему этот жанр искусства. В нем художник находил себя и возможность выразить свои чувства. Такой прием как соединение пейзажа и натюрморта он использовал неоднократно: «Букет на грядке», «Арбуз», «Дары осени». В них художник вводит реальный пейзаж, на земле, грядке, траве располагая детали натюрморта. А во многих постановочных натюрмортах с цветами в вазах он часто на втором плане изображает окно, за стеклом которого виден пейзаж его родного сада («Хризантемы», «Георгины», «Верб», «Гвоздики»).

Несмотря на то, что натюрморты художник писал регулярно, именно в пейзаже Андриященко выплескивал любовь к Оскольской земле. Пейзаж еще долгое время оставался основным в его деятельности.

В 1988 году художественную деятельность мастера кисти оценили на областном

уровне. Ему был вручен знак ВЦСПС «За достижения в самодеятельном искусстве».

Прошло несколько лет. В художественном музее в 1990 году открылась вторая персональная выставка талантливого художника. Музей распахнул свои двери для посетителей в феврале 1989 года. Выставка Андриященко стала третьей представляющей творчество старооскольских художников. Это событие было очередным важным этапом в жизни мастера кисти. Теперь с его произведениями могли познакомиться больше посетителей, чем в заводском клубе. Выставка расположилась в двух залах. Работала два месяца. Ее посетили три тысячи пятьсот человек, было проведено 70 экскурсий. На ней были представлены новые работы художника. Выставка стала окончательным признанием таланта мастера в нашем городе. Это подтверждает и то, что одна из картин Ивана Андриященко — «Утро на Осколье» — была выбрана в 1988 г. в подарок городу-побратиму Зальцгиттеру в ФРГ. Примечательно и то, что к 400-летию Старого Оскола в свет вышел «Альманах «Осколье», который знакомил с творчеством современных художников города. На первых страницах были представлены картины И.Г. Андриященко.

После окончания работы выставки кооперативом «Интерьер» были закуплены три картины для фондов музея: «Утро на реке Корень», «Сад утром», «Беговые дорожки».

«Сад утром» (1974 г. к.м.) — так назвал одну из своих работ Иван Георгиевич. Мотивом для картины стало изображение сада художника. Где, как не здесь, можно было в любое время суток наблюдать за изменчивым состоянием природы. Живописца вдохновили утренняя спокойная синева и легкий туман. Перед нами — летний пейзаж, тихое спокойное утро. Среди пышной травы, окутанной росой, стоят кусты роз с распустившимися цветами и плодовые деревья. Кажется, можно услышать стрекот кузнечика или щебет птиц в этот предвечерний час. Вокруг все готовится к пробуждению. Настроение безмятежное, полное предчувствия доброго дня.

В работе над картиной «Сад утром» Иван Георгиевич использует небольшой уверенный мазок, свойственный только ему, которым выявляет форму розовых кустов, пластику стволов деревьев, трепещущую крону листвы, мягкую траву. Работая над объемом каждого листочка и стебля травы, художник создает видимое ощущение их формы.

Выразить творческий замысел художника

ку помогает живописный строй картины. Многие отмечают, что полотна Андриющенко окутаны легкой дымкой. Добавление белой краски в основной зеленый цвет придает картине загадочность. Художник не использует открытый цвет. Он подбирает различные нюансы зеленого, с добавлением голубого, синего, розового цвета. Преобладающие цвета составляют холодный колорит картины, передают ощущение раннего, прохладного утра.

Есть еще одна важная отличительная особенность творчества художника. Это умение создать ощущение присутствия человека в пейзаже без изображения фигур. Это ощущается в разнообразных подчеркнутых деталях: аккуратно подстриженных кустах, скошенной траве, спиленных сучьях деревьев. Да и само расположение цветущего кустарника могло возникнуть только с легкой руки человека.

В пейзаже мы ощущаем любовь художника к выбранному мотиву, чувствуем поэтическое восприятие природы. Поэтому сейчас, когда прошло тридцать с лишним лет с момента написания картины, мы продолжаем ощущать настроение художника. Видно, что он писал именно то, что любил, что ему было дорого, а это родное Осколье.

Книга отзывов с персональной выставки Андриющенко в художественном музее заполнена добрыми словами. В них есть беспокойство о судьбе нашего края, о сохранении его первозданной природной красоты и благодарность художнику за то, что он сумел сохранить на своих полотнах часть этой красоты: «Вы даете нам возможность сделать глоток свежего воздуха, спасающий от удушья, очищающий от нашей привычной слепоты, глухоты, безнравственности. Ваши васильки в «Цветах» вернули меня в детство, я почувствовала себя счастливым ребенком» [17], — О.С. Гесс.

«Спасибо Вам за то, что вы смогли все время петь своим голосом» [18], — эта запись оставлена одним из старооскольских художников, говорит о многом. Ведь, действительно, на протяжении многих лет Иван Георгиевич не отступил от выбранного им пути быть продолжателем традиций русской реалистической школы живописи. Это заметили многие, в том числе художники-монументалисты В.В. Голышев и П.С. Шляпников: «Пойте свою красивую песню среди лесов и полей родного вам края, радуйте нас своим творчеством» [19]. А ведь Иван Андриющенко мог действительно спеть, да и сыграть на гармошке. К этому у

него тоже был особый талант. Но живопись в его жизни взяла верх, а музыка стала звучать на его полотнах в виде легкого ветерка, запаха цветов, всплесков воды.

Еще одну особенность творчества Ивана Георгиевича заметил И.Н. Хегай: «В полотнах раскрыт характер художника, его любовь к природе, человеку. Без человечности не может написать художник такие прекрасные пейзажи» [20]. А первый директор художественного музея А.Ф. Иост заметил: «Эта выставка заставляет каждого задуматься о будущем нашей земли» [21].

Окрыленный добрыми словами Иван Георгиевич вернулся домой и окунулся в работу. Но, как оказалось, это было сложно сделать. Подступала старость. Руки и глаза стали уже не те. Это самое страшное, что может случиться с художником. Его душа была полна идей и задумок. Каждый цветок словно манил: «Напиши меня». Пейзажи вблизи дома в слободе Стрелецкой были по-прежнему хороши. Еле хватало физических сил на хозяйство и на помощь больной жене.

Прошло несколько лет. При каждом удобном случае Иван Андриющенко приходил в гости в художественный музей. Внимательно знакомился с творчеством молодых художников. Делал замечания, подолгу беседовал с сотрудниками.

В 2001 году художник отмечал 85 лет со дня рождения. Художественный музей предложил Ивану Георгиевичу и его родственникам сделать юбилейную выставку. Для этого сотрудники музея посетили дом живописца на улице Курортной и были приятно удивлены встрече с картинами художника. Каждую работу Иван Георгиевич бережно выносил из низенького сарайчика, подолгу разглядывал, вспоминая былое. Сентябрьское солнце освещало полотна, и они начинали играть яркими красками. Андриющенко говорил, что картины для него как дети и ему с ними тяжело расстаться даже на несколько недель, пока будет проходить выставка.

Весной 2001 года в музее открылась третья персональная выставка Ивана Георгиевича, ее все давно ждали. На ней было показано 43 картины. Экспозиция работала всего лишь три недели. В нее вошли картины, написанные в 1970-90 годах. Выставка была организована при поддержке внучки художника Светланы Кафизовой, выпускницы Детской художественной школы, и ОАО «Осколцемент» в лице генерального директора А.В. Брыжика.

На открытие было приглашено много гостей: представители администрации города, старые поклонники, коллеги-художники. Были сказаны добрые слова благодарности за прекрасный труд, за большой вклад в развитие художественной культуры края. Каждому посетителю была подарена фотография с автографом И. Андрющенко. И вновь посетители из уже другого поколения отметили его работы. «Знакомясь с удивительными картинами Ивана Георгиевича, еще раз убеждаешься в неиссякаемом таланте русского народа, его доброте и самобытности. Картины дышат, а это самое главное» [22], — Г.А. Орлов.

Талант художника слишком поздно пробился к людям. Но за это недолгое время его узнали и полюбили в Старом Осколе. Его, самодеятельного художника, считали своим не только горожане, но и профессионалы. Поэтому неудивительно, что на самом закате жизни, в 2002 году, в Белгороде, в музее Народного творчества, была открыта еще одна персональная выставка художника. Белгородские мастера оценили его работу по достоинству. Это отметил член Союза художников Белгорода Г.А. Кудрявцев. Он сказал, что в работах художника «чувствуется старая школа»: «Неудивительно, ведь один из учителей Ивана Георгиевича был последователем школы самого И.Е. Репина» [23].

Лирические картины самобытного и, несомненно, талантливого мастера кисти — это своеобразное признание в любви к родному краю; любви, с годами зреющей, от юношеского восторга перешедшей в стадию осознанного признания и благодарности к Родине, тревоги за нее и заботы о ней.

Вызывает беспокойство судьба картин художника. После выставки они вернулись вновь в старый сарай в саду на улице Курортной. Сотрудники музея несколько раз навещали художника. Но вскоре умерла Евгения Петровна и Ивана Георгиевича забрали в Белгород дети. Там, на 90-м году жизни в 2006 г. тихо, незаметно для нас ушел из жизни старооскольский художник. К сожалению, до сих пор не удается найти его родственников в Старом Осколе. Ничего не известно о судьбе его творческого наследия. Лишь несколько картин, фотографий хранятся в художественном музее. И поэтому так важно сейчас не забывать о его творчестве, пока еще не все утеряно, попытаться сохранить это для наших потомков. Память о художнике живет в его картинах, которые постоянно находятся в экспозиции художественного музея.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Черкашин В., Ртищева З. Судья в искусстве — время творчество нашего земляка // На стройке. — 1999. — № 35 (21 авг.)
2. Ртищева З.А. Художнику Андрющенко — 80 лет // Зори. — 1996. — 26 нояб.
3. Биография И.Г. Андрющенко, написанная со слов художника И. Андрющенко его внучкой С. Кафизовой. Из архива СОХМ. П. 2, № 24. С.1.
4. Там же. С. 1.
5. Там же. С. 1.
6. Черкашин В. Певец оскольского края. 1990, из архива СОХМ. С. 2
7. Там же. С. 3
8. Мир русского искусства. Энциклопедический словарь / Е.М. Кукина. — М.: Рус. Яз. — Медиа, 2005. — С. 336.
9. Биография И.Г. Андрющенко, написанная со слов художника С. Кафизовой. Из архива СОХМ. П. 2, № 24. С. 2.
10. Купреева Е.А. Белая роза — эмблема тепла // Большая руда. — 1990. — № 30. — С. 4.
11. Там же. С. 4.
12. Книга отзывов № 2 с персональной выставки И.Г. Андрющенко 1987 г. С. 1.
13. Там же. С. 8.
14. Там же. С. 18.
15. Там же. С. 20
16. Ртищева З.А. Художнику Андрющенко // Зори. — 1996. — 26 нояб.
17. Там же С. 3.
18. Там же С. 4
19. Там же С. 4.
20. Там же С. 4-5.
21. Там же С. 7.
22. Книга отзывов выставки в Старооскольском художественном музее 2001 г. С. 5.
23. Гуляева О.А. В родной природе вдохновение // Белгородские известия. — 2002. — № 81 (6 июля). — С. 4.

А.П. Никулов

ЛАНДРАТСКАЯ ПЕРЕПИСЬ 1718 г.

Предлагаемый читателю исторический источник по содержанию и структуре относится к типу деловых бумаг первой четверти XVIII столетия. Объем документа большой (свыше 3 тысяч листов), содержит значительное количество географических и топографических сведений, экономических, демографических и иных данных о Старом Осколе и Старооскольском уезде. Графика письма — скоропись, которая характеризуется сочетанием ярко выраженных традиций XVII в. с элементами графики XVIII в. Традиции предшествующего периода особенно заметны, ибо создавался документ в провинциальном учреждении, что, несомненно, сказывается в использовании старых орфографических приемов, в манере написания взметов и выносных букв, в беспорядочном использовании заглавных букв и знаков препинания. Описание всех этапов внешней и внутренней научной критики источника — процесс длительный. Однако, если читатели альманаха «Оскольский край» проявят должный интерес к публикации незначительной части обширнейшего архивного документа, то мы продолжим издание текста, поможем выяснить степень соответствия жизненных явлений, отраженных в источнике.

В тексте сохранена оригинальная орфография. Для удобства восприятия текст разбит на предложения и расставлены некоторые знаки препинания.

Текст ландратской переписи 1718 года по Старому Осколу и Старооскольскому уезду (РГАДА. — Ф. 350. — Оп. 1. — Д. 384. — Л. 1-110б.)

Л. 1. В 1718 году июля в 31 день по указу Великого Государя, Царя, и Великого Князя Петра Алексеевича всеа великия, и малыя, и белыя России самодержца из Санкт-Петербурха, ис киевогубернской канцелярии, и по прсланным ис каморкалегии пунктом за подписанием господина губернатора киевского князя Дмитрия Михайловича Голицына велено господину старооскольской провинции ландрату Илье Родионовичу Чи-

рикову старооскольской провинции в городех: Старом Осколе, в Короче, в Салтове, в Нежегольске, что в котором городе и в уезде и каким званием монастырей, церквей, и что по приходом государевых, и архиерейских, и монастырских, и помещиковых, и однодворцов, и иноземцов, и приказных, и посадских, и ремесленных, и ямщиков, и отставных, и протчих всякого звания каких нибудь чинов дворового числа и в них людей русских и других каких народов учинит ведомость. И по тому царского величества указу и по присланным ис каморкалегии пунктом господин ландрат Илья Родионович Чириков Старооскольской провинции в городех переписывал, в том числе в Старом Осколе и в Старооскольском уезде, монастыри и в них церкви, монахов и монахинь, и мирских, и по станом, и по приходом всяких чинов наличных людей: дворы попов, церковных причетников, стольников, стряпчих, и дворян, московских жильцов; и прапорщиков, копейщиков, и рейтар,

Л. 1 об. и трубачей, и солдат, и городовых, стрельцов, и казаков, и пушкарей, и воротников, подъячих, и ямщиков дворы и в них обоего полу людей от младенчества и до престарелости, и всякие владение их — оброчныя, окладные и неокладныя, и откупныя статьи и заводы, и помещиковы мельницы, и домовые бани, рыбныя ловли, лавки, и кузницы, и рукомесленных людей, против присланных переписных книг переписчика Василя Дад(о)ва 714-го году, и которыя явились сверх переписных книг, и новоприходцов пришлых из разных городов всяких чинов людей и прописных, которыя в прежних переписных книгах были прописаны, и что за кем крестьянских и бобыльских дворов, дворовых и деловых людей, шведов и поляков, и старо и вновьпоселенных черкас, которыя живут из однодворцов из обывателей из найму в работе и по заемным записям за долговые деньги на урочныя годы, и отставных драгун и солдат, которые отпущены в дома до указу. И пустату освидетельствовал, которая написана по переписки 714-го и 715-го годов, и которыя после переписки 714-го и 715-го годов изо всяких чинов людей из самих, и из детей их, изо всяких свойственников сошли и померли, и дворы их свелись, и поместные их земли лежат в пусе; и других сходцов по свидетельству после их схода, и дворами и поместными их землями владеют другия обыватели, росписав по годо со всяким подлинным известием переписал. А переписав оных чинов наличных людей подворно, по статьям учиня ведение, что по переписки

Л. 2. и свидетельству 718-го году всяких чинов явилось, и хто имяны вышеописанных чинов люди и от каких лет, и что кому было прежнего 710-го и 714-го и нынешнего 718-го годов окладу по раскладки окладчиков, и которые положенный оклад платить могут, а по дворовому числу, в правянте и двугих податях по запросным указам содержать себя не могут, и которыя за совершенною скудностью в тегле содержать себя не могут же. И вышеписанныя оброчные статьи и крестьянские дворы, и дворовые люди, шведы и поляки, и ново и старопоселенные черкасы, и наемные работники писаны под статьям их владельцев, а которые по заемным записям за долговые деньги на урочныя годы писаны особ статьями.

В Старом Осколе

Монастырь мужской, что в Тюляфтиной пустыни, от города ростоянием ему в версте.

В том монастыре

Церкви — во имя Живоначальной Троицы, да Введения Пресвятыя Богородицы, деревянные.

В том монастыре

Игумен Феофан — 80 лет

Л. 2 об. Иеромонахи

Адам Исаев — 40 лет

Деонисий Никифоров — 38 лет

Монахи

Ворлам Иванов — 70 лет

Саватей Иванов — 69 лет

Тихан Филипов — 90 лет

Боголеп Иванов — 67 лет

Самсон Леонтьев — 65 лет

Герасим Кирилов — 75 лет

Лука Лукьянов — 45 лет

В том же монастыре служит белой дьякон Иван Михайлов сын Протопопов — 30 лет.

Того ж монастыря церковные причетники

Филип Леонтьев сын Быков — 60 лет, вдов, у него дочери: Агафья — 18, Дарья — 17, да невестка пасынка ево Иванова жена Панина Фекла — 28 лет. С переписки 714 года убыло: жена ево Филипова Ирина 57 лет, умре в 715-ом году, а пасынок

Л. 3. ево Иван Панин 25 лет сшел безвечно в том же году. Сверх переписки 714-го году прибыло: у Феклы дети — Трафим-4, Насон-2 лет; да у него ж, Филипа, приемж черкашенин Тихан Степанов сын 30 лет, у него жена Авдотья 25 лет. Оклад ему, Филипу, был в 710-ом году солдацкой рубль, в 714-ом году тож, и ныне платит прежней оклад — рубль. Да с оного окладу числявых по деньги с рубля, определенным комиссаром по две деньги, да неокладных по гривне с рубля — 3 алтына 2 деньги, сымяни 2

деньги. Итого — рубль, три алтына, четыре деньги.

Причетника ж Никитинская жена Быкова Татьяна — 43 лет. В переписку 714-го году был прописан у ней, Татьяны, сын Матвей 6 лет. Сверх переписки 714-го году прибыло у ней же, Татьяны, муж иконник Яков Сидоров сын Филатов 42 лет. Оклад был в 710-м году прежнему мужу ея Никиты Быкову — рубль. Ныне тот же оклад новоприбылому мужу ея Якову Филатову, да с новопостроенной бани — пять алтын. С оного окладу числявых по две деньги с рубля, определенным комиссаром по 2 деньги. Да сверх окладу с рубля по гривне —

Л. 3 об. три алтына две денги, сымяни 2 деньги. Итого — 1 рубль 8 алтын 4 деньги.

За оным монастырем вотчин жилых и руги им нет, такмо за им поместной земли в Ламской слабоде 60 чети, в Заублинском стану близ реки Убли в урочищах близ деревни Борак сенокосной Болдырев лух на двесте копен. Да за оным же монастырем на откупу мельница, которая построена в Старооскольском уезде в Заровенском стану в селе Солдацком на речки Быстрой при платине, один анбар, в нем два камня на ходу, мелит наборною вадою, наливная. С оной мельницы табельного окладу четырнатцать рублей пятнатцать алтын четыре деньги. Ростоянием оная мельница от мельницы Никиты Дуракова вниз по речки Быстрой семьсот сажень трехаршинных. Числявых с оного сбору с рубля по деньги, определенным комиссаром по 2 деньги. Со пчел в 717-ом году з дву ульев, по 8 денег с улья — два алтына четыре деньги. Да близ того монастыря в послужении живут четыре двора вольных черкас:

во дворе мирочник Елфим Иванов сын Иванов — 40 лет, у него жена Просковья

Л. 4. 30, у них дети — Андрей году, Авдотья 8, меньшая Авдотья 2 лет. Пришел ис Харькова в 714-ом году;

во дворе Григорей Азаров сын Шеповалов — 30, у него жена Анна — 25, у них дети — Захар 3, Федар полугоду. Пришел из города Урыва в 716-ом году;

во дворе Алексей Васильев сын Рогов — 50, у него жена Фетинья — 48, у них дети — Никита 13, Степан 12, Марина 8 лет. Пришел из города Урыва в 716-ом году;

во дворе Степан Назареев сын Назареев — 58, у него жена Марья — 53, у них дети — Алексей 18, Марья 17, Устинья 13, Татьяна 11 лет. Пришел ис Харькова в 712-ом году.

В Старооскольском уезде в Дубенском стану ростоянием от города верст с пятнатцать

близ села Коростова монастырь Товолжаной пустыни.

В том монастыре

Церковь во имя Изасима и Савватия соловецких чудотворцов, деревянные.

В том монастыре

Л. 4 об. Игумен Самфоний — 55 лет.

Монахи

Сергий Денисов — 65 лет

Макарий Денисов — 67 лет

Феодосий Дронов — 56 лет

Адам — 40 лет

В том монастыре служит белой дьякон

Григорей Михайлов сын Гребенкин — 30 лет, у него жена Просковья 23 лет.

За оным монастырем вотчин жилых и руги им нет. Токмо за ним в Старооскольском уезде в Дубенском стану в селе Коростове помесной монастырской земли 20 чети, да поступной 40 чети, да в деревне Песках поступной же земли 90 чети. Да в Старооскольском уезде в Дубенском стану выше села Коростова мельница на реке Осколе на одной платине с оброчною мельницаю, которая наперед сего была помещикова, а с 704-го году отдана на откуп, адин анбар, в нем один камень, подошвенная, построена в помещиковых дачах, владеют по поступки старооскольца Петра Попова.

Л. 5. А с оной мельницы емеетца четвертной доли табельного окладу — рубль пятнадцать алтын полпята денег. В росстоянии оная мельница от мельницы Игната Мишустина с товарищи вниз по реке Осколу три версты триста сажень трехаршинных. С оного сбора числявых по одной деньги с рубля, определенным комиссаром по две деньги. Со пчел в 717-ом году с сорока пяти ульев, по осьми денег с улья, рубль дватцать шесть алтын четыре деньги. Да у них же, игумна с братиею, откупной куб и заклеямен ведерным и годовым клеймы, по мере четыре ведра. С оного куба еметца в год откупных денег рубль. А вино варят про свой монастырской расход. Да близ вышепомянутой мельницы в подданстве живут три двора вольных черкас:

во дворе мирочник Степан Павлов сын Волошенин — 20, у него брат Иван 12 лет, у них мать вдова Просковья 45 лет. Пришел из города Печенех в 711-ом году. И с переписки 714 году убыло — отец его Степанов Павел 57 лет, умре в 717-ом году;

Л. 5 об. во дворе Илья Тимофеев сын Черкашенин — 38 лет, у него жена Ирина 38, у них дочь Авдотья 9 лет. Пришел из города Корочи в 709-ом году. Ис переписки 714-го году убыло сын его Ильи Иван 3 лет, умре в

715-ом году;

во дворе Игнат Иванов сын Черкашенин — 40 лет, у него жена Просковья 45, у них дети — Иван 12 лет, Андрей 6 лет. Пришел из Новооскольского уезду Слонова мосту в 711-ом году.

В городе

Успенской девичей монастырь на посаде в горней Рыльской слободе близ торгу, огорожен в замет. В том монастыре церкви:

во имя Приображение Господне, да Успение Причистые Богородицы, деревянные.

В том монастыре

Игуменя Евдокия — 50 лет

Л. 6. Монахини

Вирсавия — 45 лет

Фетинья — 30 лет

Ироида — 70 лет

Доминикея — 61 лет

Ефросинья — 55 лет

Ироида — 60 лет

Софья — 62 лет

Федосья — 52 лет

Марфа — 59 лет

Федора — 65 лет

Васса — 67 лет

Ефимья — 70 лет

Меланья — 55 лет

Вера — 50 лет

Ефимья — 71 год

Марья — 50 лет

Минодора — 45 лет

Зинолида — 90 лет

Наталья — 56 лет

Александра — 55 лет

Гавдела — 80 лет

Марья — 60 лет

Анастасия — 45 лет

Павла — 60 лет

Пелагея — 80 лет

Марина — 60 лет

Дарофея — 30 лет

Агафья — 45 лет

Прокла — 45 лет

Анна — 60 лет

Ефросинья — 80 лет

Елисавета — 50 лет

Санфипа — 40 лет

Панинарья — 70 лет

Проскевия — 55 лет

Иктина — 50 лет

Енфипа — 45 лет

Пелагея — 70 лет

Меремана — 50 лет

Елена — 45 лет

Марфа — 80 лет

Ефросинья — 55 лет

А за оным монастырем вотчин жилых,

дворов игуменство с монахинями, руги, иного жалованья нет. И питающая своим рукоделием и мирским подаванием.

Л. 6 об. В том же девичьем монастыре служат попы.

Поп Прокофей Евдокимов — 39 лет, у него поподья Анна 33, у них дети — Елена 18, Наталья 13, Стефанида 8 лет. Платит он, поп, в год полонных по десяти денег.

Поп Иоанн Евлампиев — 38, у него поподья Авдотья 33, у них дети — Иван 5, Пелагея 3, Марья полугоду. Оклад сыну ево, попу, Ивану вновь восемь алтын две деньги, да с новопостроенной бани рубль, да с него ж, попу, полонных десять денег. Числявых со всегобору по деньги с рубля, определенным камисаром по две деньги, да сверх окладу с рубля по гривне — пять денег, сымяни две деньги. С пчел в 717 году с дву ульев, по осьми денег с улья, два алтына четыре деньги. Итого — рубль тринацать алтын пять денег.

Дьякон Яков Евдокимов 30, у него жена Ульяна 28, у них дочь Анна 3 лет. Оклад ему, дьякону, был в дьячках рубль и ныне прежней.

Л. 7. Того ж Успенского монастыря дьячки.

Петр Евдокимов сын Попов 38, у него жена Домна 45, у них дети — Анна, да брат Иван 23, у него жена Евдокея 20 лет.

Сверх переписки 714-го прибыло у Петра дочь Авдотья 2 лет, у Ивана дочь Марья году. Оклад был в 710-ом рубль, Ивану дватцать шесть алтын четыре деньги, в 714-ом году ему Петру и брату Ивану по рублю, и ныне тож. Числявых с одного платежа по деньги с рубля, определенным камисаром по две деньги, да сверх окладу по гривне с рубля шесть алтын четыре деньги, сымяни по две деньги — четыре деньги, да с промыслу жены ево, с продажи калачей вновь один алтын. Итого — два рубля восемь алтын две деньги.

Итого с оных монастырей имеетца в год с дву мельниц, в том числе с одной откупной, четырнатцать рублей пятнатцать алтын да четвертной доли рубль пятнатцать алтын пол пятаи деньги. Да с одного платят жа числявых по деньги с рубля — два алтына три деньги, определенным камисаром по две деньги —

Л. 7 об. пять алтын. Да неокладные, которые емеетца неравным образом, с одного заклеменого куба денег 1 рубль, со пчел с 77 ульев, по 8 денег с рубля, итого 1 рубль 20...

При оных монастырях поповы 2 двора. Оклад детям их вновь 718-ом году 8 алтын 2 деньги. Да неокладных с рубля по гривне 5 денег, сымяни 2 деньги, да с попов полон-

ных по 10 денег с двора 3 алтына 2 деньги, с бани 1 рубль. 1 рубль с одного платежа числявых по 1 денги с рубля, по определенным камисаром по 2 деньги — 3 деньги, со пчел с 2 ульев, по 8 денег с улья, 2 алтына 4 деньги.

Дьяконовых 3 двора, в том числе одному оклад был в 710-ом и в 714-ом годах в дьячках, 1 рубль и ныне прежней.

Дьячковых и церковных причетников 3 двора. Оклад им был в 710-ом 3 рубля 26 алтын 4 деньги, в 714-ом году 4 рубля, ныне платить 4 рубля. Да неокладных с рубля по гривне — 10 алтын 2 деньги, с ымяни по 2 деньги — 1 алтын 2 деньги, з бани 5 алтын. С одного платежа, кроме гривенных, числявых по 1 деньги с рубля — 4 деньги, определенным камисаром по 2 деньги — 1 алтын 2 деньги.

Да при оных монастырях живут в подданстве 7 дворов черкасских.

Л. 8. В городе саборная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, и оная церковь в прошлом 715-ом году згорела и доныне не построена. Обаче прихожен никого нет. С той церкви иметца в год окладных данных денег тритцать два алтына четыре деньги. Сверх окладу по указным статьям за езд три алтына две деньги, за десятников доход десять алтын, ...зецным пошлин три алтына четыре деньги, отвозных на приказ десять денег, крестовым попам три алтына две деньги, славленаго певчим три алтына две деньги, детям боярским шесть алтын четыре деньги, полковым попам, которые бывают в полках, три алтына две деньги. Итого — 2 рубля 1 алтын 2 деньги. Числявых по 1 денги с рубля, определенным камисаром по две деньги, вышеписанные окладные данные деньги и по указанным стотьям сверх окладу поборы и числа его плотят тоя церкви протопоп и попы.

У той церкви

Протопоп Иоанн Назарьев — 60, у него пртопопица Марья — 55, у них дети — Иван 16, Тотьяна 3 лет. Да у него ж, протопопа, в Ламской слободе в приходе к церкви Козмы и Домиана в Панскую слободу построен хуторной двор, а в том дворе живут наемные работники, каторых

Л. 8 об. он наймал временно понедельно и помесечно. Оклад был сыну ево протопопу Ивану в 710-ом году восемь алтын две деньги, в 714-ом году тож, и ныне плотит прежней оклад восемь алтын две деньги. Да он же, протопоп, владеет однадворческую банею, а плотит табельного окладу пять алтын. Полонных десять денег, числявых со

всего сбора по денги с рубля, определенным камисаром по две деньги, да сверх оклада с рубля по гривне пять денег, с ымяни две деньги. Итого — 16 алтын 1 деньгу.

У той же церкви попы

Поп Никита Алексеев — 53, у него поподья Неонили — 55, у них дети — Федор 17 лет, Семен 10, Гаврила 8, Ирина 6 лет.

Сверх переписки 714-го году прибыло у Федора жена Настасья 23, у Семена жена Авдотья 20 лет. Да у него попа Никиты в Окологороднем стану в Ламской слободе в приходе к церкви Козмы и Домияна в Панскую слободу построен хуторной двор на поступном поместье старооскольца Никиты Иванова сына

Л. 9. Тимерязева для пригону скотины и привозу хлеба. А в том дворе живут для надзору скотины и хлеба дети ево поповы — Федор да Семен. Оклад был в 710-ом году детям ево поповым Федору, Семену, Гаврилу по осьми алтын по две деньги, в 714-ом году тож и ныне платят прежней. Полонных десять денег, з бани дьячковской пять алтын. Числевых со всего сбора по денги с рубля, определенным камисаром по две деньги, да сверх оклада с рубля по гривне — два алтына четыре деньги, с ымени по две деньги — один алтын. Да с него ж, попа Никиты, откупной куб и заклемен ведерным и годовым клеймы, по мере в оном кубу четыре ведра. Сонного куба платит по осмии алтын по две деньги с ведра — рубль. А вино варит пра свой домашней расход и с своего домашнего хлеба. Итого — 2 рубля 2 алтына.

Поп Иоанн Никитин — 52, у него папоподья Авдотья — 54, у них дети — Матрена 20, Анна 3 лет.

Сверх переписки 714-го году убыло ево папова дочь Просковья 17 лет, выдана замуж.

Сверх переписки 714-го году прибыло у него попа зять Иван Афанасьев сын Дехтерев

Л. 9 об. 16 лет, однадворческой сын. Плотит он поп в год полонных по 10 денег. Да у него ж попа Ивана зятя ево Ивана Дехтерева во дворе ево дворовые люди — Яков Агафонов сын Агафонов 40 лет, у него жена Ирина 24 лет, да девки — Евдакея 20, Котерина 16 лет. На вышеписанных дворовых людей оной Дехтерев крепостей никаких не явил, а на писаны по скаскам. Оклад зятю ево попову Ивану Дехтереву вновь шеснацать алтын четыре деньги, числевых по 1 денги с рубля, определенным камисаром по 2 денги с рубля. Итого — 18 алтын 2 денги.

Той же соборной церкви дьякон

Михайла Никитин — 38, у него дьяконица Зиновья — 37, у них дочь Пелагея 11 лет.

Оклад был ему дьякону во дьячках — рубль. Да с оного оклада числевых по денги с рубля, определенным камисаром по две денги, да сверх оклада с рубля по гривне, сымени по две денги. Итого — 1 рубль 3 алтына 4 денги.

Л. 10. Той же церкви дьячки

Козма Алексеев — 43, у него жена Настасья — 53, у них дочь Меланья 3 лет.

Сверх переписки 714-го году прибыло у него ж Козмы дочь Просковья 6 недель. Оклад ему Козме был в 710-ом году рубль, в 714-ом году тож и ныне прежней. Да с оного оклада числевых по денги с рубля, определенным камисаром по две денги, да сверх оклада с рубля по гривне, сымени по две денги. Итого — 1 рубль 3 алтына 4 денги.

Афонасий Михайлов сын Протопопов — 25, у него жена Марья — 29, да брат Иван 17 лет, да мать вдова Софья 63 лет.

Сверх переписки 714-го году прибыло у Ивана жена Федосья 18 лет. Да у него ж да во дворе ево купленные отцовские крестьянские дети: Никита Васильев сын Подрезов 29, у него жена Татьяна 32, у них сын Тимофей 4, да вдова Артемовская жена Подрезова Авдотья 40, у ней дети — Алексей 10 лет, Данила 2, Аксинья 4, да девки — Агафья 20, Наталья 10 лет. Писаны за ним Афонасьем вышеписанные крестьянские дети по купчей старооскольца Клемена Тимофеева сына Цурикова, оная купчая вместо ево за рукою старооскольца Федора Афанасьева. А дворовая девка по купчей же старооскольцов Филата да Афонасья Рымненных, оная купчая вместо их за рукою старооскольца Никиты Неверова. Да у него ж Афонасья в Окологороднем стану в Ламской слободе в приходе к церкви Козмы и Домияна в Панской слободе построен

Л. 10 об. хуторной двор для пригону скотины и привозу хлеба. Во дворе для надзору скотины и хлеба живет мать ево, Афанасья, вдова да брат Иван. Да у него ж, Афонасья, откупной куб, заклемен ведерным и годовым клеймы, а по мере оной куб четыре ведра три чети. С оного куба иметца в год с полнога числа пяти ведер по полполтины с ведра — рубль восемь алтын две денги. А вино варит про свой домашний расход и своего домашнего хлеба. Оклад ему был ему, Афонасью, и брату ево Ивану в 710-ом году по осьми алтын две денги, в 714-ом году ему, Афонасью, рубль, а брату ево Ивану восемь алтын две денги. З бани пять алтын, числевых со всего сбора, кроме кубовых, по две денги с рубля, определенным камисаром по две денги, да сверх оклада с рубля по гривне — четыре алтына одна денга, сы-

мьяни по две деньги - четыре деньги. Итого — 2 рубля 17 алтын 3 деньги.

Тои же церкви причетник

Петр Казмин сын Попов — 33, увечен, в правой руки перста нет, у него жена Ирина — 35 лет, у них дети — Филат 8 лет.

Сверх переписки 710-го году прибыло у него, Петра, сын Гаврила 20 недель. Оклад ему был в 710-ом году полтина, в 714-ом году шеснатцать алтын четыре деньги, и ныне платит дватцать шесть алтын четыре деньги. Да с промыслу ево десять денег. Да с оного окладу числявых по деньгам с рубля, определенным камисаром по две деньги, да сверх окладу

Л. 11. с рубля по гривне — два алтына четыре деньги, сымяни по две деньги. А по переписной книге написан был с однодворца. Итого — 29 алтын 4 деньги.

Во дворе бывшего протопопа Феофилата живет бывшего 716-го году прсланного из Мценска бурмистра Семена Потапова сына Конаева жена ево Афимья — 34 лет, у нея дети — Иван 5 лет, Марфа 14, Авдотья 7 лет. А владеет оным двором по поступки староосколки вдовы Лукинской жены Чюрилова Марфы. А он, Семен, по переписным книгам 710-го и 714-го годов по Старому Осколу не написан. И ныне онай бурмистр в Киеве у отчету. Да на оном дворе владеет он, Семен, вышепомянутого протопопа Феофилата домовою банею, с которой ималось табельного окладу по рублю. Да з зятя ево протопопова Матвея Мануйлова сына Мухина, которой был духовных дел подьячим, окладу по два рубли.

Л. 11 об. Итого с оной саборной церкви имаецца в год данных денег — 32 алтына 4 деньги, да сверх окладу по статьям — 1 рубль 2 деньги.

К оной церкви в приходе:

- протапопов 1 двор; оклад сыну ево был в 710-ом и 714-ом годах по 8 алтын 2 деньги и ныне платит прежней — 8 алтын 2 деньги; сверх окладу с рубля по гривне — 5 денег, сымяни 2 деньги.

- поповых 2 двора; оклад был детям их в 710-ом году 25 алтын, в 714-ом году тож, в 718-ом году 1 рубль 8 алтын; да сверх окладу с рубля по гривне — 4 алтына 1 деньга; сымяни по 2 деньги — 1 алтын.

- дьяконов 1 двор; оклад ему был в 710-ом году в дьячках 1 рубль и ныне прежней.

- дьячковых и церковных причетников 4 двора; окладу было в 710-ом году 4 рубля, в 717-ом году 3 рубля 25 алтын, и ныне платит 5 рублей 1 алтын 4 деньги; да сверх окладу с рубля по гривне — 16 алтын 4 день-

ги; сымяни по 2 деньги — 2 алтына 2 деньги.

С одной прежней рублевой бани денег 1 рубль, с пятиалтынных с прежних же 3 бань денег 15 алтын.

Да неокладных, которые поборы еметца неравным образом, с откупных заклеменных 2 кубов денег — 2 рубля 8 алтын 2 деньги.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андрусенко Елена Алексеевна, зам. директора по научной работе МКУК «Старооскольский краеведческий музей»

Анпилова Лариса Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСиС»

Никулов Анатолий Павлович, кандидат исторических наук, Почетный работник общего образования РФ

Пивоварова Лидия Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСиС»

Пушкаренко Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук СТИ НИТУ «МИСиС»

Шамрина Екатерина Александровна, ассистент кафедры менеджмента Старооскольского филиала «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Шаповалова Ирина Анатольевна, искусствовед, главный хранитель МБУК «Старооскольский художественный музей»

Юдин Владимир Васильевич, начальник управления муниципальных закупок администрации Старооскольского городского округа

Научное издание

ОСКОЛЬСКИЙ КРАЙ

Выпуск 5

Ответственный редактор З.З. Мухина
Ответственный за выпуск Л.Н. Анпилова
Зам. редактора С.В. Канныкин

Корректор Е.А. Шушкова
Компьютерная верстка П.В. Гасев

Формат 60х84/8. Бумага офсетная. Объем — 9,3 усл. п. л.
Гарнитура School. Тираж 100 экз. Подписано в печать 23.01.13.
Заказ №

Издательство «РОСА»

Российское Общество Современных Авторы
309512, Белгородская обл., г. Старый Оскол, а/я 577.
e-mail: 885533@mail.ru <http://art.oskol.info/>

Отпечатано в типографии «Квадрат».

ISBN 978-5-903659-99-9

9 785903 659999